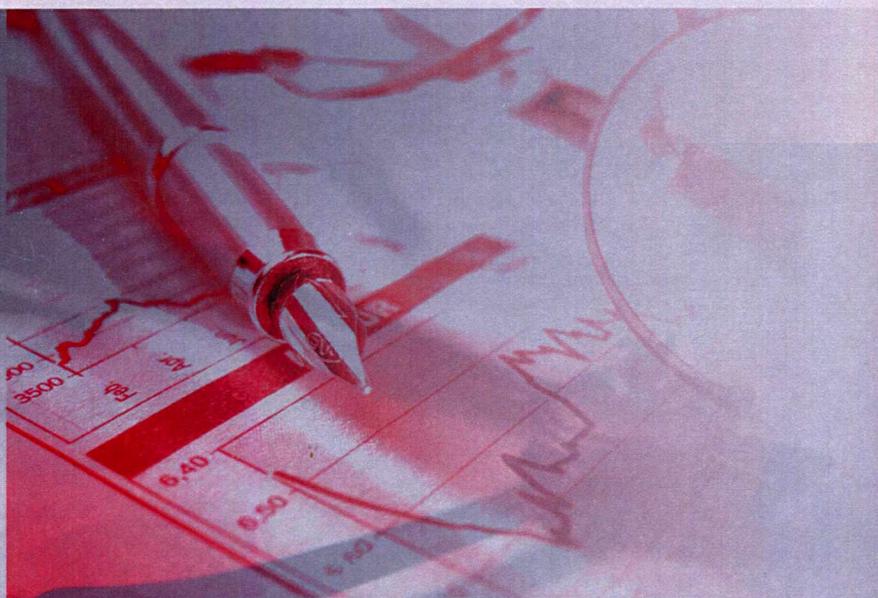

ISSN 2414-5815

ПРАВО
ЭКОНОМИКА
ПСИХОЛОГИЯ

№ 1(37)

2025
· ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2025 № 1(37)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:

В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

С.В. Агиевец (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
Е.М. Бахмат, В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенков, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев,
Е.Ф. Ивашкевич, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, С.В. Лауткина,
А.Н. Пастушена, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Виницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазиллов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Сухарев А.А., Янч В.В. Социально-правовое противодействие школьному буллингу 3

Курлович Р.В. Отдельные проблемы ответственности за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения и иные нарушения в вопросах обращения с носителями такой информации в Республике Беларусь 11

Gurshchenkov P.V., Bochkova G.S. Legal Understanding as A Methodological Basis Of Jurisprudence 19

Ораметов Э.Д. Политико-правовой потенциал мусульманского права в контексте межгосударственного взаимодействия 25

ЭКОНОМИКА

Солодовников С.Ю., Чжун Тайян, Сяо Лю. Взаимозависимость продовольственной и экологической безопасности в контексте новой регионализации 34

Чахович Е.В. Особенности системы государственных социальных стандартов социально-культурного комплекса Витебской области 41

Янчук В.А. Типология национальных экономических систем и идеология социалистически ориентированной белорусской государственности 51

Мицкевич К.А., Краенкова К.И. Ключевые аспекты и условия развития «зеленого» образования в ЕАЭС 61

ПСИХОЛОГИЯ

Поляков А.М., Ракетский Е.Н. Взаимосвязь смысложизненных ориентаций и эмоционального выгорания у работников и студентов сферы ИТ ... 70

Зенкевич А.Г. Психологическое сопровождение в работе с кадровым резервом руководителей учреждений высшего образования 77

Болзан Н.А. Психологическое благополучие женщин на разных сроках беременности 83

Шмуракова М.Е., Совейко Е.И. Интернет и подростки сквозь призму цифровой социализации 91

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2025 № 1(37)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:
S.V. Agiyevets (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
E.M. Bakhmat, V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev,
E.F. Ivashkevich, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, S.V. Lautkina,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratsevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov

Editorial Council:
T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Sukharev A.A., Yanch V.V.* Social and Legal Counteraction to School Bullying 3
- Kurlovich R.V.* Some Problems of Responsibility for the Loss and Disclosure of Limited Distribution Official Information and Other Violations Concerning the Handling of Such Information Carriers in the Republic of Belarus 11
- Гурценков П.В., Бочкова Г.Ш.* Правопонимание как методологическая основа юриспруденции 19
- Orametov E.D.* Political and Legal Potential of Muslim Law in the Context of Inter-State Interaction 25

ECONOMICS

- Solodovnikov S.Yu., Taiyang Zhong, Xiao Lyu.* Interdependence of Food and Environmental Security in the Context of New Regionalization 34
- Chakhovich E.V.* Features of the System of State Social Standards of the Social and Cultural Complex of Vitebsk Region 41
- Yanchuk V.A.* Typology of National Economic Systems and Ideology of the Socialist-Oriented Belarusian Statehood 51
- Mitskevich K.A., Krayenkova K.I.* Key Aspects and Conditions for the Development of Green Education in the EAEU 61

PSYCHOLOGY

- Polyakov A.M., Raketski Ye.N.* The Relationship between IT Workers' and IT Students' Life-Meaning Orientations and Emotional Burnout 70
- Zenkevich A.G.* Psychological Support in the Work with Employee Reserve of Higher Education Establishment Heads 77
- Bolzan N.A.* Psychological Well-being of Women at Different Stages of Pregnancy 83
- Shmurakova M.E., Soveiko E.I.* The Internet and Teenagers through the Prism of Digital Socialization 91

УДК 343.97:316.624.3-053.5

Социально-правовое противодействие школьному буллингу

Сухарев А.А., Янч В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Буллинг как сложное социально-психологическое явление представляет собой травмирующие события, которые несут угрозу физическому и эмоциональному благополучию личности. Зачастую школьная травля создает трудности для обучающихся в достижении высоких результатов в учебе, творческой и научной деятельности. Выявлено, что отсутствие в законодательстве легального определения понятия «буллинг» затрудняет профилактику насилия в учреждениях образования. Также закрепление запрета буллинга в отдельном законе будет способствовать его признанию как правонарушения, с которым нужно бороться.

Цель статьи – разработка предложений по совершенствованию социальных и правовых механизмов противодействия буллингу в учреждениях образования Республики Беларусь, способных снизить уровень социальной напряженности в данной сфере.

Материал и методы. Материалом послужили конституционные, административно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые нормы, регулирующие общественные отношения в сфере противодействия насилию; научные публикации и теоретические концепции, направленные на осмысление и решение проблемы буллинга. Анализ буллинга как социального феномена потребовал использования общенаучных методов научного познания, а также частно-научных методов (компаративистский и метод правового прогнозирования).

Результаты и их обсуждение. В статье предпринята попытка уточнить детерминирующие факторы социально-психологического явления буллинга. Рассмотрено законодательство Республики Беларусь, предусматривающее юридическую ответственность за деяния, подпадающие под понятие буллинга. Установлено, что далеко не все составы правонарушений, связанные с насильственными действиями, отвечают требованиям наступления юридической ответственности за совершение действий в сфере буллинга. Принятие закона о противодействии буллингу позволит в значительной степени усилить предметность и эффективность превентивных мер, а также повысит успешность профилактической деятельности педагогов и родителей.

Заключение. Введение отдельного закона о буллинге предусматривает формулирование в законодательстве понятий, связанных с насилием и травлей в домашней и школьной среде, что снимет определенные сложности при квалификации деяний, подпадающих под его юрисдикцию. Эффективности борьбы с буллингом будет способствовать введение обязанности для школ фиксировать случаи насилия и сообщать о них в инстанции, участвующие в профилактике буллинга, при этом следует предусмотреть меры для преодоления синдрома «сокрытия нежелательной информации» со стороны учебных учреждений. Также необходимо организовать на профессиональной основе подготовку специалистов школ по предупреждению и преодолению школьной травли.

Ключевые слова: агрессия, агрессор, буллинг, моббинг, школьная травля, кибербуллинг, жертва, деформация семейных отношений, правовые нормы, виктимные качества, физическое насилие, психологическое насилие, юридическая ответственность.

Social and Legal Counteraction to School Bullying

Sukharev A.A., Yanch V.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Bullying as a complicated social and psychological phenomenon is hurting events which threaten physical and emotional wellbeing of the individual. Bullying often creates hindrances for students in reaching high results in academic, creative and research activities. It is found out that the lack of a legal definition of the notion of bullying in the legislation hampers violence prevention at education establishments. Enshrining the ban of bullying in a separate law will provide its recognition as an offence which needs to be fought with.

The purpose of the article is to develop proposals on the improvement of social and legal mechanisms of bullying counteraction at education establishments of the Republic of Belarus which are able to decrease the level of social strain in this sphere.

Material and methods. *The research material was constitutional, administrative and legal, civil and legal, criminal and legal norms which regulate social relations in the field of violence counteraction; scientific publications and theoretical concepts aimed at understanding and solving the problem of bullying. The analysis of bullying as a social phenomenon required using general scientific methods as well as private scientific ones (the comparative and the legal prognosis method).*

Findings and their discussion. *An attempt was made to specify determining factors of the social and psychological phenomenon of bullying. The Republic of Belarus legislation was considered which envisages legal responsibility for offences understood as a notion of bullying. It was found out that far not all offences related to violence acts meet the requirements of legal responsibility for acts of bullying. The adoption of the law of bullying counteraction will make it possible to considerably increase subjectivity and efficiency of preventive measures and will also increase the success of the preventive activities of teachers and parents.*

Conclusion. *Introduction of the law on bullying envisages formulation of the notions connected with violence and bullying at home and at school which will remove certain complications while qualifying acts of its jurisdiction. Introduction of the obligation of schools to register cases of violence and report them to institutions in charge of prevention of bullying will contribute to the efficiency of bullying counteraction; at the same time, it is necessary to envisage measures to prevent the syndrome of "hiding unwanted information" on the part of education establishments. It is also necessary to organize professional training of school specialists to prevent school bullying.*

Key words: *aggression, aggressor, bullying, mobbing, school bullying, cyber bullying, victim, family relation strain, legal norms, victim qualities, physical violence, psychological violence, legal responsibility.*

Следует признать, что до конца 80-х годов XX столетия в мире школьное насилие большинством общества воспринималось как составная часть «обычного» пути взросления, становления личности. Только когда были проведены тщательные исследования и получены шокирующие данные, общественность «забила тревогу». По данным ЮНЕСКО, «около одного миллиарда детей по всему миру сталкиваются с той или иной формой насилия каждый год. Насилие, травля и кибербуллинг негативно влияют на физическое и психическое здоровье учащихся, снижают их мотивацию ходить в школу и учиться, становятся причиной суицидальных мыслей и попыток» [1]. Это приводит к тому, что значительная часть несовершеннолетних, подвергшихся насилию, считают школьную среду недружелюбной. Об актуальности темы свидетельствует следующий факт: чтобы привлечь внимание общественности к проблеме школьного насилия, в 2019 году государствами – членами ЮНЕСКО было принято решение в первый четверг ноября отмечать Международный день борьбы с насилием и травлей в школе, в том числе с кибербуллингом.

Цель статьи – разработка предложений по совершенствованию социальных и правовых механизмов противодействия буллингу в учреждениях образования Республики Беларусь, способных снизить уровень социальной напряженности в данной сфере.

Материал и методы. Материалом исследования послужили конституционные, административно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые нормы, регулирующие общественные отношения в сфере противодействия насилию; научные публикации и теоретические концепции, направленные на осмысление и решение социальной проблемы буллинга. Анализ буллинга как социального феномена потребовал использования общенаучных методов научного познания, а также частно-научных методов (компаративистский и метод правового прогнозирования).

Результаты и их обсуждение. Термин «буллинг» произошел от английского *bullying*, что означает травить, запугивать, задирать. Наряду с буллингом как видом индивидуальной травли в научной литературе для обозначения групповой

травли используется термин «моббинг». Буллинг сегодня чаще всего отождествляется со школьной травлей, с агрессивным поведением между детьми. Концепция буллинга начала формироваться в 1970–1980-х гг., когда интенсивно стал изучаться моббинг на рабочих местах и буллинг в школах. Тогда же были определены серьезные последствия для жертв буллинга и моббинга в виде тревоги, депрессии, заниженной самооценки. Основоположниками теории буллинга являются скандинавские ученые П. Хайнеманн, Д. Олвеус и А. Пикас. Первую научную статью по проблеме буллинга в 1969 году опубликовал шведский врач Петер-Пауль Хайнеманн.

В России исследованием «травли» занимались А.С. Макаренко, И. Бердышев, И. Кон, С.В. Кривцова и др. В частности, российский психиатр И. Бердышев определял буллинг как сознательное, продолжительное насилие, не носящее характера самозащиты и исходящее от одного или нескольких человек [2]. И. Кон подразумевал под школьной травлей психологический или физический террор, запугивание с целью вызвать у жертвы страх и тем самым подчинить его волю себе [3, с. 15].

В целом одной из причин буллинга как явления, распространенного среди подростков, можно отметить присущее несовершеннолетним выражение интолерантности к различным отличиям от других. По данным наблюдений, последствиями буллинга у несовершеннолетних становятся повышенная подозрительность, тревожность, снижается уровень интеллекта и коммуникативных компетенций, сокращается потребность в общении со сверстниками и семьей. Жертвами травли чаще становятся психологически неустойчивые, не способные защитить себя подростки, с заниженной самооценкой. Важно и то, что присутствие буллинга негативно сказывается абсолютно на всех его участниках: агрессоре, жертве и сторонних наблюдателях. Насилие культивирует агрессию и тем самым порождает правонарушения несовершеннолетних.

Несмотря на страновые и культурные различия, существуют общие проблемы, связанные с феноменом буллинга:

- низкий уровень осведомленности детей и родителей о видах насилия;
- несовершеннолетние чаще всего подвергаются насилию со стороны сверстников и старших по возрасту, в том числе и в социальных сетях (кибербуллинг);

- недостаток знаний и навыков у специалистов школ, призванных выявлять, реагировать и сообщать о случаях насилия в отношении учащихся;

- неэффективная система мониторинга, которая строится в большей степени на данных по расследуемым преступлениям против несовершеннолетних и случаям изъятия детей из семьи;

- невысокий уровень удовлетворенности детей, пострадавших от насилия, и их родителей видами помощи со стороны специалистов различного профиля;

- несовершеннолетние, проживающие в учреждениях интернатного типа, гораздо сильнее уязвимы по сравнению с детьми, живущими в семье.

В качестве основных факторов возникновения школьного буллинга выделяют: личностные (индивидуальные), социальные, педагогические. Личностные факторы изначально обуславливаются взаимоотношениями в семье, степенью эмоционального неблагополучия семьи (отсутствие взаимной поддержки, насильственные действия между родителями, отсутствие доверительных отношений). В результате у подростка формируются повышенная агрессивность, слабый самоконтроль, завышенная (заниженная) самооценка, эгоизм. Зачастую негативные качества агрессор приобретает и укрепляет в себе, тесно общаясь с референтной группой сверстников, имеющей асоциальную или антисоциальную направленность. С другой стороны, неблагополучная семья, в которой преобладает жесткое насильственное воспитание, может способствовать формированию у ребенка victimных качеств (неуверенности в себе, тревожности, неумения постоять за себя и др.), что приводит его к положению жертвы буллинга.

К социальным факторам буллинга следует отнести ослабление действия в обществе определенных моральных норм. Например, альтруистические тенденции часто заменяются эгоистическими устремлениями, процесс секуляризации, снижение значимости семейных ценностей (разводы в развитых странах в среднем составляют около 70% от общего количества браков, уменьшение рождаемости). Данные тенденции в целом затрудняют действие социального механизма правового регулирования. Под социальными факторами также понимают реалии социально-экономического расслоения общества, в частности, произошедшего после распада СССР, когда моральное содержание понятия «успешный человек» стало замещаться материальным компонентом. Подростки все больше начали зависеть от матери-

ального мира взрослых, стремиться к обладанию символическим престижным «джентльменским» набором (дорогой «айфон», модные «шмотки», продвинутый велосипед, квадроцикл, навороченный ноутбук и др.). Осознание невозможности в ближайшее время достичь желаемого социального статуса побуждает подростков к проявлению стихийной агрессии, жестокости по отношению к обеспеченным сверстникам с целью «восстановления социальной справедливости». При этом возможен и обратный вариант, когда дети из семей с более высоким социальным статусом могут выказывать презрение и издевательство над сверстниками из малообеспеченных семей.

К педагогическим факторам буллинга относят взаимоотношения учащихся с учителями и воспитателями. Незаметно для себя, зачастую сами учителя могут провоцировать проявление агрессии в школе, учреждениях интернатного типа, например, выделяя кого-то из школьников, созданием конкурентной среды, стигматизации неуспешных школьников. Существенным педагогическим фактором может быть непринятие педагогическим коллективом мер пресечения буллинга, терпимое отношение к насилию.

На основании анализа литературы по проблематике буллинга можно выделить следующие основные характеристики школьной травли:

– латентность – многие потерпевшие стыдятся или боятся рассказывать о травле родителям; не всегда обращаются за помощью к специалистам системы образования, потому что не всегда уверены в адекватной реакции и помощи с их стороны;

– сокрытие – означает, что издевательства, как правило, не являются одноразовым инцидентом, а происходят систематически в относительно скрытых местах (туалетах, коридорах, на окраинах школьной территории, вне школьной зоны);

– групповой характер – характеризует школьную травлю в основном не как индивидуальный инцидент один против другого, а как групповой инцидент многих против одного. Данное явление, в частности, объясняется стремлением хулиганствующих избежать личной ответственности (эффект толпы), а также с целью усиления физического и психологического давления на жертву;

– разнообразие – характеризует школьную травлю тем, что она может проявляться во множестве форм. Ее часто подразделяют на прямую и косвенную травлю. Прямая – предполагает физическое издевательство и жесткое поведение (избиение, вымогательство, грабеж, унижение),

косвенная травля относится к более мягкому поведению (угрозы, запугивание, изоляция, игнорирование);

– тяжесть – рассматривается в большей степени как результат травли: физические травмы, психологические проблемы (тревожность, депрессия, заниженная самооценка, чувство неполноценности).

В зависимости от способов травли можно выделить следующие виды буллинга:

– физическое издевательство – обычно включает в себя пинки ногой, пощечины, удары кулаком, толчки, причинение физической боли, избиение, травмирование;

– эмоциональный буллинг, когда ребенок может быть дискриминирован по социальным или национальным признакам («сын алкаша», «чукча»), «физическим недостаткам («жиртрест», «каланча», «жердина» и т.п.). Эмоциональный (психологический) буллинг в основном осуществляется вербальной травлей. По сравнению с физическим издевательством словесная травля может оказать более серьезное психологическое воздействие на жертву, и вред может носить более продолжительный характер. Исходя из того, что трудно сохранить доказательства вербальной травли, если только она не приводит к серьезным последствиям, то существуют трудности с привлечением к юридической ответственности агрессора, тем более, если школа в конкретном случае не идентифицирует такое поведение как травлю;

– экономический буллинг (вымогательство и отнимание денег, ценностей; порча одежды или других вещей);

– социальная изоляция – вытеснение из группы, игнорирование, провокации, отвержения;

– кибербуллинг.

В последнее время проблема буллинга все больше переводится в юридическую плоскость, так как поведение инициаторов буллинга постоянно повышает степень криминогенности и может постепенно трансформироваться в криминальное. Наряду с этим исследования, проведенные американскими учеными среди жертв буллинга, свидетельствуют:

– подростки, подвергнувшиеся буллингу чаще своих сверстников, участвуют в уличных преступлениях, больше склонны к вандализму, обману, бродяжничеству, дракам;

– девушки – жертвы буллинга более подвержены употреблению алкогольных напитков, курению марихуаны, склонны к виктимному сексуальному поведению;

– жертвы насилия в целом постоянно испытывают отрицательные эмоции – тревогу, гнев, фрустрацию, грусть, что часто приводит к проблемам с успеваемостью, депрессии [4, с. 130].

В связи с широким распространением проблемы школьной травли в зарубежных странах возникает закономерный вопрос о ситуации с буллингом в Республике Беларусь. В нашей стране значительным сдерживающим фактором распространения буллинга стало принятие в 2003 году Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 31 мая 2003 г. № 200-3 (в редакции Закона Республики Беларусь от 18 мая 2022 г. № 169-3) [5]. Принятие данного закона способствовало снижению подростковой преступности. Вместе с тем проблема буллинга в учреждениях образования остается актуальной. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты исследования, проведенного ЮНИСЕФ совместно с министерствами образования, здравоохранения, внутренних дел Республики Беларусь в 2017 году. На основании результатов опросов было установлено, что агрессию со стороны учителей или администрации учреждений образования испытывали 7,1% учеников 5–7-х классов интернатных учреждений, 8,6% учащихся 5–7-х классов учреждений общего среднего образования и 26,7% учащихся 8–11-х классов интернатных учреждений. Исследование показало, что немногие дети обращались к педагогам за поддержкой. Также дети в опросах высказывали неудовлетворенность оперативностью вмешательства специалистов в устранении насилия. О школьной травле со стороны сверстников и старших учащихся сообщили 53,3% обучающихся в 8–11-х классах интернатных учреждений; 60,1% учащихся 5–7-х классов учреждений образования [6, с. 14].

Благодаря участию государства и задействованию в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних значительного административного ресурса, в последние годы ситуация с буллингом в Республике Беларусь выглядит довольно спокойной. Важной превентивной мерой в отношении буллинга явилась разработка в 2024 году Министерством образования Республики Беларусь методических рекомендаций для педагогических работников по предупреждению, профилактике и устранению насилия в учреждениях образования [7]. В этой связи школы обязаны внести дополнения в Уставы положениями о недопустимости насилия в отношениях между участниками образовательного процесса учреждений образования. Также были дополнены

требования к правилам внутреннего распорядка. Обзор сайтов учреждений образования в нашей стране показывает, что социальные педагоги, психологи, учителя активно обсуждают различные аспекты травли, опубликованы рекомендации для детей и родителей об алгоритмах поведения в случаях проявления буллинга в школьном коллективе. Положительным аспектом в профилактике буллинга и преодоления его последствий является функционирование в нашей стране телефонов доверия для детей и подростков. Данная программа включает в себя:

- республиканскую детскую телефонную линию;
- круглосуточные телефоны доверия экстренной психологической помощи по областям;
- Приемную Национальной комиссии по правам ребенка.

Однако, вопреки снижению подростковой преступности в последние годы, Генеральный прокурор Республики Беларусь А.И. Швед на заседании Республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией в 2024 году, рассматривая в целом положительные итоги борьбы с преступностью за последние тридцать лет, отметил, что в настоящее время еще сохраняется существенное количество преступлений среди несовершеннолетних. Поэтому, несмотря на значимость профилактических мер в отношении школьной травли, авторы считают важным улучшить правовую защищенность возможных жертв буллинга и четко определить виды и меры юридической ответственности для лиц, участвующих в травле.

Анализ законодательства Республики Беларусь показывает, что в ряде нормативных правовых актов содержатся нормы, которые могут быть направлены на защиту жертв школьной травли. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских Референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) ст. 25, 32, 49, 53, 60 предусматривают обеспечение неприкосновенности и достоинства личности, гарантии защиты каждому человеку его прав и свобод, чести, право на образование [8].

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании (п. 4.5 ч. 4, ст. 19) от 13 января 2011 г. № 243-3 (в редакции Закона Республики Беларусь от 8 июня 2024 г. № 22-3) [9] учреждения образования обязаны обеспечить безопасные условия при организации образовательного

и воспитательного процессов. Ч. 1 ст. 30, в соответствии с пунктами 1.8, 1.18 к основным правам обучающихся относит уважение человеческого достоинства, защиту от всех форм физического и психического насилия, оскорбления личности, обеспечение социально-педагогической поддержки и психологической помощи со стороны специалистов. Ч. 4, п. 4.6 этой же статьи аналогичные права предусматривает и для учащихся учреждений образования, находящихся на территории исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, лечебно-трудовых профилакториев Министерства внутренних дел.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь (ст. 942, 943) от 7 декабря 1998 г. № 218-З (в редакции Закона Республики Беларусь от 5 января 2024 г. № 344-З) [10] предусмотрена ответственность за вред здоровью или имуществу, причиненный малолетними или несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет. Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (в редакции Закона Республики Беларусь от 22 апреля 2024 г. № 365-З) [11] предусмотрена ответственность за деяния, попадающие под понятие буллинга и отражена в ст. 10.1 – умышленное причинение телесного повреждения, побоев; ст. 10.2, ч. 1 – оскорбление, под которым понимается умышленное унижение достоинства и чести личности, выраженное в неприличной форме; ст. 11.3 – умышленное уничтожение либо повреждение чужого имущества.

Для предотвращения буллинга и его возможных последствий могут быть применены нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (в редакции Закона Республики Беларусь от 8 июля 2024 г. № 22-З) [12], содержащиеся в статьях 144, 145, 147, 149, 153, 155, предусматривающие уголовное преследование за причинение смерти по неосторожности, доведение до самоубийства, умышленное причинение тяжких и менее тяжких телесных повреждений, а также по неосторожности; ст. 154 – умышленное причинение продолжительных мучений или боли, вызывающих особые психические и физические страдания (истязание); ст. 186 – предусматривает уголовную ответственность за угрозу причинением тяжких телесных повреждений, убийством, уничтожением имущества; ст. 188 – влечет ответственность за заведомо ложные, позорящие другое лицо измышления (клевета).

По нашему мнению, несмотря на присутствие в ряде нормативных правовых актов норм, обладающих юридическим потенциалом для

противодействия буллингу, отсутствие легального определения буллинга усложняет правовую квалификацию действий, связанных с буллингом и затрудняет профилактику школьной травли и насилия. Закрепление запрета школьной травли в отдельном законе будет иметь существенное превентивное значение, так как далеко не все аспекты буллинга охватываются нормами действующего законодательства. По причине отсутствия специального закона о буллинге у подростков не сформировано четкое понимание причинно-следственной связи между актами школьной травли и мерами юридической ответственности за совершение действий в сфере буллинга. Поэтому принятие законодательного акта против буллинга позволит в значительной степени усилить предметность и эффективность правовой просветительской деятельности среди педагогов и родителей, поможет разрушить сложившееся у части подростков неправильное мнение о безнаказанности за школьную травлю.

В законе о буллинге (или насилии в школе) следует сформулировать его легальное определение как умышленных систематических действий, направленных на унижение достоинства иного лица, которые могут повлечь последствия в виде психологической или физической травмы. В законе необходимо закрепить понятия: физическое насилие, психологическое насилие, агрессор или инициатор буллинга, жертва, наблюдатель (свидетель), травля в сети Интернет. Достойно обсуждения вопрос об установлении в законе нижнего возрастного предела наступления юридической ответственности за правонарушения в сфере буллинга в 12 лет, так как «люди с 10 до 13 лет вполне могут осознавать свои негативные действия насильственного характера по отношению к другому» [13, с. 156]. Например, в Китае в 2021 году с целью повышения эффективности борьбы с насилием в среде несовершеннолетних была принята поправка к Уголовному закону о снижении минимального возраста уголовной ответственности с прежнего в 14 лет до 12 лет. В США все 50 штатов имеют специальные законы по борьбе с буллингом [14, с. 116].

Также в законе можно установить такие профилактические меры против буллинга, как:

- разработка целевой интернет-политики и комплекса мер по защите несовершеннолетних в социальных сетях, определив полномочия и обязанности соответствующих структур, осуществляющих профилактику насилия в данной сфере;
- определение ответственности родителей за недобросовестное воспитание своих детей,

возмещение морального и материального ущерба потерпевшей от буллинга стороне;

- обязанность школы фиксировать все случаи буллинга с передачей информации о них в соответствующие инстанции.

При разработке закона о борьбе с буллингом следует обратить внимание на опыт Российской Федерации, где законопроект о профилактике буллинга и введении ответственности за травлю будет внесен на рассмотрение нижней палаты парламента в начале 2025 г. По предварительным данным основными посылами данного законопроекта являются:

- одной из основных задач противодействия школьной травле должно быть не только установление ответственности для организаторов травли, но и исправление их поведения, изменения их ценностных ориентаций;

- массовая травля должна преследоваться как и индивидуальная, например, при бойкотировании ребенка частью класса необходимо всех частных ставить на школьный учет;

- родители также должны нести ответственность, особенно в случаях, когда они не признают, что их дети являются агрессорами или организаторами травли. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав сможет назначить агрессору и его родителям «Курс исправления», который включает работу с психологом и участие в социальных волонтерских проектах;

- осуществлять подготовку специалистов, участвующих в профилактике школьной травли на профессиональном уровне;

- обязать школы фиксировать случаи буллинга и сообщать о них в полицию и Комиссии по делам несовершеннолетних. Для преодоления синдрома «сокрытия нежелательной информации» со стороны школ предполагается изменить подход к составлению рейтинга школ;

- создать в каждой школе медиации или «службы примирения» с участием и старшеклассников;

- социальным сетям будет вменено в обязанность выявление и блокирование страниц пользователей и информации, направленных на систематическую травлю других лиц.

Заключение. Насилие и травля в школе порождают значительные негативные последствия для всех участников буллинга, разрушают морально-нравственные представления молодых людей о справедливости в обществе. Необходимо учитывать важность проведения с педагогами и другими специалистами школ, участвующими

в профилактике буллинга, просветительной работы по разъяснению разницы между конфликтами и буллингом. Конфликты – это нормальная часть жизни и отношений между несовершеннолетними. В коллективе учащихся они практически неизбежны. Конфликты, в большинстве случаев, быстро разрешаются и быстро забываются. Конфликты предполагают относительное равенство возможностей сторон. Совсем другое дело – систематическая травля одного лица другим или группой агрессоров. Здесь, как правило, преимущество в силе, наглости, цинизме, возможностях на стороне инициаторов травли. Жертва при этом ощущает себя беспомощной и в этом случае без вмешательства взрослых не обойтись. Следует помнить – буллинг не закаляет потерпевших, он их «ломает».

Одной из главных причин буллинга является семейное неблагополучие, нездоровая эмоциональная атмосфера в семье, жесткие приемы воспитания с элементами физического и психологического насилия. В целом наблюдается снижение у части родителей воспитательной культуры.

Значительная часть родителей нуждается в психолого-педагогическом просвещении, получении базовых знаний о ненасильственных методах воспитания детей. Возможно следует обратиться к опыту просвещения родителей в советское время, к идеям и рекомендациям таких великих педагогов, как А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский. В частности, А.С. Макаренко обосновал виды ложных авторитетов родителей, раскрыл доступные и эффективные приемы с гуманной направленностью воспитания подрастающего поколения.

Закрепление буллинга в специальном законе станет предметным напоминанием инициаторам насилия и их родителям о неминуемой юридической ответственности, создаст для педагогов и психологов надежную платформу для эффективной профилактической и просветительской деятельности.

Наряду с этим, представляется перспективным в борьбе с буллингом делание акцента не только на устрашении, а на разъяснении, предупреждении, информировании, чтобы проблемы травли, насилия, дискриминации, преступности несовершеннолетних обсуждались в кругу семьи, в образовательной среде, школьных и студенческих медиа, диалоговых площадках различного уровня, государственных СМИ.

Литература

1. Международный день борьбы с насилием и травлей в школе, в том числе кибербуллинг. – URL: <https://iite.unesco.org/ru/announcements/mezhdunarodnyj-den-borby-s-nasilie-i-travlej-v-shkole-v-tom-chisle-kiberbullingom/> (дата обращения: 07.02.2025).
2. Бердышев, И. Лекарство против ненависти / И. Бердышев, Е. Куценко // Первое сентября. – 2005. – № 18. – С. 3.
3. Кон, И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? / И.С. Кон // Семья и школа. – 2006. – № 11. – С. 15–18.
4. Воронцов, Д.Б. Особенности буллинга в школе / Д.Б. Воронцов // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 2. – С. 129–136.
5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Закон Респ. Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 мая 2022 г. № 169-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.01.2025). – Текст: электронный.
6. Оценка ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь. Краткий отчет по результатам исследования, март 2018 г. // ЮНИСЕФ. – URL: [C: / Users / Asus / Downloads / unicef – belarus – vac – report – 2018. pdf](https://users.asus.com/downloads/unicef-belarus-vac-report-2018.pdf) (дата обращения: 30.01.2025).
7. Методические рекомендации для педагогических работников по предупреждению, профилактике и устранению насилия в учреждениях образования // Министерство образования Республики Беларусь. – URL: zabolot.smoledu.by/UTVERZHdENY-Metodicheskie-rekomendacii.pdf (дата обращения: 30.01.2025).
8. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр законодат. и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 77 с.
9. Кодекс Республики Беларусь об образовании: 13 января 2011 г. № 243-З; принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 22-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г. № 218-З; принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2024 г. № 344-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 21.01.2025). – Текст: электронный.
11. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: 6 янв. 2021 г. № 91-З; принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апр. 2024 г. № 365-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.01.2025). – Текст: электронный.
12. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275-З; принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 22-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.
13. Богдан, К.Б. Совершенствование правового регулирования профилактики и предотвращения буллинга в общеобразовательных организациях Российской Федерации / К.Б. Богдан // Юридическая наука. – 2023. – № 4. – С. 153–159.
14. Голованова, Н.А. Проблемы борьбы с буллинг: законодательное решение / Н.А. Голованова // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 113–123.

Поступила в редакцию 10.02.2025

Отдельные проблемы ответственности за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения и иные нарушения в вопросах обращения с носителями такой информации в Республике Беларусь

Курлович Р.В.

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь

Законодательное закрепление ответственности за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения, нарушение порядка обращения с носителями такой информации, а также за необоснованное отнесение сведений к служебной информации ограниченного распространения является насущной и эффективной мерой. Разглашение подобной информации может причинить существенный вред правоохраняемым объектам. Вместе с тем в настоящее время в Республике Беларусь юридическая ответственность за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения и иные нарушения в вопросах обращения с носителями такой информации не соответствует общественной опасности совершаемых проступков и требует ужесточения.

Цель работы – выработка концептуальных положений (критериев) регламентации юридической ответственности за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения и иные нарушения в вопросах обращения с носителями такой информации, а также прикладных рекомендаций по внесению изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужили национальное законодательство об информации, национальные и зарубежные законодательные акты, устанавливающие ответственность за разглашение охраняемых сведений и утрату носителей такой информации, научно-практическая литература, в которой рассматриваются проблемы оборота и защиты информации, а также рассматриваются вопросы юридической ответственности. В качестве основных методов использовались системный анализ, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, метод толкования правовых норм.

Результаты и их обсуждение. Результаты анализа законодательства Республики Беларусь не позволяют однозначно утверждать о наличии в нашем государстве различных видов юридической ответственности (за исключением дисциплинарной) за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения и иные нарушения в области обращения с носителями такой информации. Акцентируется внимание на том, что даже за умышленное разглашение служебной информации ограниченного распространения и сознательное причинение вреда правоохраняемым объектам в Республике Беларусь в настоящее время не предусмотрена уголовная, административная, гражданско-правовая и материальная ответственность.

Заключение. Отсутствие надлежащим образом регламентированной юридической ответственности за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения снижает эффективность защиты такой информации. С целью исключения существующих противоречий сформулированы предложения по совершенствованию национального законодательства, реализация которых будет способствовать повышению ответственности за допускаемые нарушения в области оборота служебной информации ограниченного распространения.

Ключевые слова: государственные секреты, законодательство, защита информации, нарушение, носители информации, оборот информации, ответственность, разглашение, распространение, режимная деятельность, служебная информация, служебная тайна, утрата.

Some Problems of Responsibility for the Loss and Disclosure of Limited Distribution Official Information and Other Violations Concerning the Handling of Such Information Carriers in the Republic of Belarus

Kurlovich R.V.

State Border Committee of the Republic of Belarus

Legislative establishment of liability for the loss and disclosure of restricted official information, violation of the procedure for handling carriers of such information, as well as for the unjustified classification of information as restricted official information is an urgent and efficient measure. Disclosure of such information can cause significant harm to law enforced facilities. At the same time, legal liability in the Republic of Belarus for the loss and disclosure of official information of limited distribution and other violations in matters of handling media of such information does not currently correspond to the public danger of misconduct and requires tightening.

The purpose of the research work is to develop conceptual provisions (criteria) for the regulation of legal liability for the loss and disclosure of official information of limited distribution and other violations concerning the handling carriers of such information as well as applied recommendations for amendments and additions to the legislation of the Republic Belarus.

Material and methods. *The material for scientific research was national information legislation, national and foreign legislative acts which establish responsibility for the disclosure of protected information and the loss of carriers of such information, scientific and practical sources which examine the problems of turnover and protection of information, as well as the issues of legal liability. The main methods used in the research paper were system analysis, formal and comparative legal methods, and the method of interpreting legal norms.*

Findings and their discussion. *The results of the analysis of the legislation of the Republic of Belarus do not allow us to unequivocally assert the existence of various types of legal liability (with the exception of disciplinary) for the loss and disclosure of official information of limited distribution and other violations in the field of handling carriers of such information in the Republic of Belarus. It is emphasized that nowadays even for the deliberate disclosure of official information of limited distribution and deliberate harm to law enforced objects criminal, administrative, civil and financial liability is not provided for objects in the Republic of Belarus.*

Conclusion. *The lack of properly regulated legal liability for the loss and disclosure of official information of limited distribution reduces the efficiency of the protection of such information. In order to eliminate existing contradictions, proposals have been formulated to improve national legislations, the implementation of which will contribute to increasing responsibility for violations in the field of turnover of official information of limited distribution.*

Key words: *state secrets, legislation, information protection, violation, media, information turnover, liability, disclosure, dissemination, regime activities, official information, official secret, loss.*

Для предупреждения и минимизации последствий негативного влияния на объекты национальной безопасности, которыми являются сбалансированные национальные интересы личности, общества и государства, их достижение и поддержание во всех сферах жизнедеятельности Республики Беларусь (п. 49 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь) важно обеспечить защиту информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Виды такой информации определены Законом Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации) (ст. 17) [1].

На основании результатов изучения и анализа административно-правовых режимов оборота различных видов охраняемой информации и законодательства, регламентирующего оборот служебной информации ограниченного распространения, представляется обоснованным констатировать, что законодательное закрепление ответственности за разглашение служебной информации ограниченного распространения, нарушение порядка обращения с носителями такой информации, а также за необоснованное отнесение сведений к служебной информации ограниченного распространения является насущной и эффективной мерой. При этом ученые и исследователи полагают, что надлежащая защита любого охраняемого объекта возможна только при наличии закрепленных в законодательстве санк-

ций за нарушение установленных требований в вопросах обращения с охраняемым объектом [2, с. 19–20; 3, с. 26–55, с. 109–111; 4, с. 110–115, с. 221–225, с. 253–259; 5, с. 108–134; 6, с. 8–44].

В целом схожее мнение высказывают также ряд ученых и исследователей, изучавших юридическую ответственность. Как полагает И.С. Штода, идеей всего законодательства является обеспечение охраны общественного строя, его политической и экономической системы, собственности, личности, прав и свобод граждан, и в целом правопорядка от преступных посягательств. Он подчеркивает, что все это регулируется юридической ответственностью [7, с. 43–45]. По мнению Н.В. Витрука, юридическая ответственность – важнейший институт любой правовой системы, один из существенных признаков права, необходимый элемент механизма его действия. Юридическая ответственность является одной из существенных сторон взаимной связи государства и институтов гражданского общества. Она служит важнейшей гарантией конституционности, законности и правопорядка, реализации прав и свобод человека и гражданина [2, с. 3]. Н.В. Витрук подчеркивает, что обязательным средством государственного обеспечения, охраны и защиты нормативно-позитивного права (конституции, законов) служит ответственность юридическая (правовая) в контексте правомерного и неправомерного поведения субъектов общественных отношений. В результате устанавливается право-

порядок, обеспечивается стабильность развития общественных отношений [2, с. 19].

С точки зрения Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, государственно-принудительная форма реализации юридической ответственности характеризуется следующими признаками: юридической обязанностью претерпеть неблагоприятные последствия, вытекающие из факта совершения правонарушения; осуждением правонарушителя; претерпеванием различных ограничений; состоянием наказанности [8, с. 188]. Анализируя и раскрывая признаки юридической ответственности, С.С. Алексеев отмечает, что по своему основанию юридическая ответственность – это реакция, ответная мера за совершенное правонарушение, т.е. за виновное противоправное действие, приносящее вред обществу [9, с. 366–368]. Как полагает Б.Т. Базылев, принципами юридической ответственности в обществе являются: 1) законность основания; 2) неотвратимость наступления; 3) недопустимость удвоения; 4) персонифицированность возложения и 5) регламентированность осуществления. Он подчеркивает, что юридическая ответственность должна стать неизбежным следствием любого нарушения. Внедрение в общественное и индивидуальное сознание неизбежной связи этих явлений – важный фактор, снижающий уровень правонарушений. Юридическая ответственность всегда целесообразна, а поэтому должна возникать неотвратимо. Она выступает одним из охранительных (защитных) правовых механизмов [3, с. 56–59].

Основываясь на положениях ст. 181 Закона об информации, п.п. 7–17, 49 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, необходимо отметить, что служебная информация ограниченного распространения формируется для защиты сведений о: правах, свободах и законных интересах личности; правах и законных интересах юридических лиц; материальных и духовных ценностях, общественной безопасности и иных интересах общества; национальной безопасности. Данные категории сведений защищаются в силу их особой значимости для личности, общества и государства. К таковым целесообразно относить, в том числе следующие сведения: 1) являющиеся составной частью государственных секретов, либо становящимися ими при соответствующей интеграции с иными сведениями; 2) распространение которых снизит эффективность проводимых мероприятий по защите национальных интересов, не отнесенных к государственным секретам по причине экономической

нецелесообразности (превышения затрат, необходимых для их защиты в режиме государственных секретов, возможному ущербу от их распространения); 3) доступ к которым ограничивается в целях: предупреждения социальной напряженности и дестабилизации в обществе; недопущения вреда имиджу Республики Беларусь, международным отношениям и сотрудничеству; 4) экономического характера, разрабатываемых в преддверии проведения переговоров по заключению договоров (контрактов) и обосновывающих позицию Республики Беларусь. Вместе с тем, несмотря на важность данных сведений для защиты интересов личности, общества и государства, изучение законодательства позволяет сделать вывод, что в Республике Беларусь юридическая ответственность за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения и иные нарушения в вопросах обращения с носителями такой информации не соответствует общественной опасности совершаемых проступков и требует ужесточения.

Цель работы – выработка концептуальных положений (критериев) регламентации юридической ответственности за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения и иные нарушения в вопросах обращения с носителями данной информации и прикладных рекомендаций по внесению изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужили национальное законодательство об информации, национальные и зарубежные законодательные акты, устанавливающие ответственность за разглашение охраняемых сведений и утрату носителей такой информации, научно-практическая литература, в которой рассматриваются проблемы оборота и защиты информации, а также исследуются вопросы юридической ответственности. В качестве основных методов использовались системный анализ, формально-юридический и сравнительно-правовой метод, метод толкования правовых норм.

Результаты и их обсуждение. Как указывалось выше, одним из принципов юридической ответственности, по мнению Б.Т. Базылева, является принцип регламентированности ее осуществления [3, с. 57]. Тем не менее анализ законодательства позволяет констатировать определенные проблемные вопросы относительно установления юридической ответственности за утрату и разглашение служебной информации ограниченного

распространения и иные нарушения в вопросах обращения с носителями такой информации.

Во-первых, *отдельные нормы подзаконных актов относительно закрепления ответственности за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения и иные нарушения в вопросах обращения с носителями такой информации в определенной степени противоречат Закону об информации.*

В соответствии с Законом об информации, который является базовым законодательным актом в сфере информации, нарушение законодательства об информации, информатизации и защите информации влечет ответственность в соответствии с законодательными актами (ст. 41). К таковым в соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА) отнесены Конституция Республики Беларусь, законы и указы Президента Республики Беларусь (п. 5 ст. 2) [10]. При этом в сфере регулирования оборота служебной информации ограниченного распространения отдельный законодательный акт не принимался и в настоящее время регулирование данной деятельности осуществляется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12.08.2014 № 783 «О служебной информации ограниченного распространения и информации, составляющей коммерческую тайну» (далее – постановление Совета Министров № 783) [11], которое не является законодательным актом.

Утвержденное постановлением Совета Министров № 783 Положение о порядке проставления ограничительного грифа «Для служебного пользования», грифа «Коммерческая тайна» и ведения делопроизводства по документам, содержащим такие виды информации, в п. 16 закрепляет, что за разглашение служебной информации ограниченного распространения, а также нарушение порядка обращения с документами (носителями информации), содержащими такую информацию, работник государственного органа, юридического лица несет ответственность согласно законодательству. В соответствии с Законом о НПА законодательство составляют как законодательные акты, так и ряд иных видов нормативных правовых актов (п. 2 ст. 3). Представляется закономерным вывод, что не являющееся законодательным актом постановление Совета Министров № 783 расширяет перечень нормативных правовых актов, согласно которым виновный в утрате и разглашении служебной информации ограниченного

распространения и иных нарушениях в вопросах обращения с носителями такой информации может быть привлечен к юридической ответственности. Изложенное выше в определенной степени противоречит Закону об информации.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что все законы, регулирующие общественные отношения в сфере оборота остальных видов информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, за нарушение установленных законодательством требований закрепляют ответственность, предусмотренную только законодательными актами. Такие нормы закреплены в законах Республики Беларусь «О Государственных секретах» (ст. 46) [12], «О защите персональных данных» (ст. 19) [13], «О коммерческой тайне» (ст. 18) [14], в Банковском кодексе Республики Беларусь (ст. 121) [15], в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 75) [16].

Во-вторых, *результаты изучения и анализа законодательных актов позволяют сделать вывод, что в Республике Беларусь за разглашение служебной информации ограниченного распространения и утрату носителей такой информации не предусмотрена уголовная, административная и гражданско-правовая ответственность.* За утрату и разглашение таких сведений, в том числе совершенных умышленно, виновное лицо в настоящее время может быть привлечено только к дисциплинарной ответственности.

По мнению ряда ученых и исследователей, к служебной информации ограниченного распространения относят как внутреннюю информацию государственных органов и иных организаций, образующуюся в результате реализации закрепленных в законодательстве полномочий, так и поступившую от иных субъектов в сфере государственного управления информацию, либо так называемую «чужую информацию третьих лиц», ставшую известной в силу исполнения служебных обязанностей, которой в основном является тайна клиента [17, с. 46–73; 18, с. 16; 19, с. 11; 20, с. 93–96].

Изучение и анализ Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) позволяют сделать вывод, что в нашем государстве в настоящее время не предусмотрена уголовная ответственность за разглашение служебной информации ограниченного распространения. УК предусматривает уголовную ответственность за умышленное разглашение государственной тайны (ст. 373) и служебной тайны (ст. 375), разглашение

государственной тайны по неосторожности (ст. 374) и умышленное разглашение коммерческой или банковской тайны без согласия ее владельца (ст. 255). При этом в соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственных секретах» под служебной тайной понимается не служебная информация ограниченного распространения, а одна из категорий государственных секретов (ст. 16).

Результаты изучения Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП) Республики Беларусь и постатейного комментария к нему (к аналогичной статье в предыдущей редакции КоАП) [21], а также положений Закона об информации (он определяет, что служебная информация ограниченного распространения является отдельным видом информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено) показывают, что понятие «тайна» не тождественно понятию «служебная информация ограниченного распространения» (иного в законодательстве не закреплено). В связи с этим представляется обоснованным, что статья 23.6 КоАП Республики Беларусь (Разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны) не предусматривает ответственность за разглашение служебной информации ограниченного распространения. Статья 23.8 КоАП Республики Беларусь предусматривает ответственность за разглашение по неосторожности служебной тайны как одной из категорий государственных секретов. Иных статей за разглашение служебной информации и утрату носителей такой информации в КоАП Республики Беларусь не закреплено.

На основании изложенного выше закономерно вывод, что в Республике Беларусь административная ответственность за разглашение «чужой» (охраняемой законом тайны клиента) законодательством предусмотрена, а за разглашение поступившей от иных субъектов в сфере государственного управления и внутренней служебной информации ограниченного распространения – не установлена. Тем не менее в результате разглашения служебной информации ограниченного распространения возможны определенные последствия и существенный вред служебной деятельности, так как отдельные сведения с ограничительным грифом «Для служебного пользования» в совокупности могут составлять государственные секреты. Как отмечает Ю.В. Пономарева, в СССР за разглашение служебной информации ограниченного распространения предусматривалась административная ответственность [17, с. 31].

Результаты анализа действующего законодательства стран постсоветского пространства показывают, что в ряде государств такая ответственность предусмотрена, например: статьей 13.14 КоАП Российской Федерации [22]; статьей 504 КоАП Республики Казахстан [23]; статьей 521 КоАП Республики Таджикистан [24]. Также необходимо подчеркнуть, что в отличие от КоАП Республики Беларусь, КоАП Украины (ст. 212.3) и Республики Казахстан (ст. 504) также предусматривают привлечение к административной ответственности должностных лиц за необоснованное отнесение сведений к информации с ограниченным доступом.

Представляется целесообразным подчеркнуть, что даже за умышленное разглашение служебной информации ограниченного распространения и сознательное причинение вреда правоохраняемым объектам в Республике Беларусь в настоящее время не предусмотрено какое-либо наказание. Данное обстоятельство объективно не способствует надлежащей защите охраняемых сведений.

Вместе с тем в настоящее время также нет однозначного понимания, предусмотрена ли в Республике Беларусь гражданско-правовая ответственность за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения. Результаты анализа законодательства об информации и Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) показывают, что в нем некорректно употребляется термин «служебная тайна» в статье 140 (Нераскрытая информация), закрепляющей гражданско-правовую ответственность за незаконное ознакомление или незаконное использование, а также разглашение информации, которая составляет служебную тайну или коммерческую тайну. Употребление термина «служебная тайна» в совокупности с иными нормами статьи 140 ГК допускает относить к данной информации: 1) одну из категорий государственных секретов – «служебная тайна» (ст. 16 Закона Республики Беларусь «О государственных секретах»); 2) служебную информацию ограниченного распространения (ст. 181 Закона об информации); 3) информацию, которая в Законе об информации определена как «иная охраняемая законом тайна» (ст. 17); 4) совокупность всей служебной информации (как содержащей, так и не содержащей государственные секреты), которую законодатель относит к охраняемой тайне. С учетом этого можно сделать закономерный вывод:

1) если в статье 140 ГК под служебной тайной понимается одна из категорий государственных

секретов, то в Республике Беларусь не установлена гражданско-правовая ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну и служебной информации ограниченного распространения;

2) если в статье 140 ГК под служебной тайной понимаются сведения, не относящиеся к государственным секретам, а являющиеся служебной информацией ограниченного распространения, то логичен вывод, что в Республике Беларусь не установлена гражданско-правовая ответственность за разглашение сведений, составляющих государственные секреты. Необходимо отметить, что часть третья первоначальной редакции статьи 140 ГК прямо указывала, что под понятием «служебная тайна» понимаются сведения, не отнесенные к государственным секретам: «3. Действие настоящей статьи распространяется на охрану государственных секретов, если это не противоречит законодательству о государственных секретах» (в настоящее время утратила силу). В таком случае можно констатировать о наличии гражданско-правовой ответственности за утрату и разглашение служебной информации ограниченного распространения. Тем не менее в этом случае применение в ст. 140 ГК термина «служебная тайна» противоречит положениям ст. 16 Закона Республики Беларусь «О государственных секретах»;

3) если в статье 140 ГК под служебной тайной понимается совокупность всей служебной информации (как содержащей, так и не содержащей государственные секреты), то в Республике Беларусь установлена гражданско-правовая ответственность за разглашение сведений, составляющих государственные секреты, и служебной информации ограниченного распространения. При этом некорректность использования в ст. 140 ГК термина «служебная тайна» не позволяет однозначно утверждать о закреплении в Республике Беларусь гражданско-правовой ответственности за разглашение государственных секретов и служебной информации ограниченного распространения.

Следует также подчеркнуть, что результаты анализа статьи 404 Трудового кодекса Республики Беларусь позволяют констатировать, что в Республике Беларусь не закреплена полная материальная ответственность работника за разглашение служебной информации ограниченного распространения и иной охраняемой законом тайны. В то же время в отличие от национального законодательства, статья 243 Трудового кодекса

Российской Федерации за разглашение сведений, составляющих охраняемую законом тайну (в том числе служебную информацию ограниченного распространения), возлагает на работника материальную ответственность в полном размере причиненного ущерба.

Заключение. Изложенное в статье позволяет сделать следующие выводы.

1. Актуальность использования института служебной информации ограниченного распространения для защиты прав и законных интересов личности и общества, интересов государства постоянно возрастает.

2. Одним из элементов первоочередных правовых мер режимной деятельности уполномоченных субъектов по установлению и поддержанию действия специального административно-правового режима оборота служебной информации ограниченного распространения является законодательное закрепление юридической ответственности за нарушение установленных правил оборота такой информации. Вместе с тем несовершенство законодательства Республики Беларусь, в том числе неоднозначность толкования термина «служебная тайна» в ГК, не позволяет однозначно утверждать о наличии в Республике Беларусь различных видов юридической ответственности (за исключением дисциплинарной) за разглашение служебной информации ограниченного распространения, утрату носителей такой информации и иные нарушения установленного порядка обращения с носителями служебной информации ограниченного распространения.

3. Отсутствие надлежащим образом закреплённой юридической ответственности за разглашение служебной информации ограниченного распространения и утрату носителей данной информации является определенным проблемным вопросом, который необходимо разрешить, так как в отдельных случаях разглашение работником служебной информации ограниченного распространения может принести вред как правам и законным интересам физических и юридических лиц, так и общественному порядку, и национальной безопасности. Вместе с тем не исключаются также факты сознательного разглашения служебной информации, в том числе в целях личной заинтересованности, а также по политическим мотивам.

4. В Республике Беларусь не закреплена полная материальная ответственность работника за разглашение служебной информации ограниченного распространения и иной охраняемой зако-

ном тайны. В настоящее время виновный в разглашении указанных сведений будет привлечен только к дисциплинарной ответственности, при этом законодатель не обязывает виновного возмещать причиненный Республике Беларусь, государственным органам и иным организациям вред.

5. Перспективными направлениями решения указанных проблемных вопросов являются следующие предложения по изменению и дополнению законодательства Республики Беларусь:

5.1. целесообразно принятие законодательного акта, непосредственно регулирующего оборот служебной информации ограниченного распространения, предметом регулирования которого явились бы все аспекты деятельности уполномоченных субъектов по охране данного вида информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено;

5.2. необходимо устранить противоречия при использовании в законодательстве терминов «служебная информация ограниченного распространения», «государственная тайна», «служебная тайна» путем внесения соответствующих изменений как в статью 140 ГК, так и в иные акты законодательства;

5.3. представляется целесообразным установить:

1) *за умышленное разглашение служебной информации ограниченного распространения, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам*, – уголовную ответственность, не связанную с лишением или ограничением свободы (например, в виде штрафа, и (или) лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами). *За те же действия, совершенные повторно, либо повлекшие причинение ущерба в особо крупном размере*, – предусмотреть более жесткое наказание к виновному лицу, вплоть до лишения (ограничения) свободы;

2) за разглашение служебной информации ограниченного распространения, при отсутствии признаков указанного выше преступления, или утрату носителей такой информации по неосторожности – административную ответственность. При этом в целях исключения неоднозначного толкования представляется целесообразным дополнить КоАП отдельной статьей «Разглашение служебной информации ограниченного распространения» и предусмотреть наказание в виде

штрафа в размере от двух до десяти базовых величин. *За указанные выше действия, повлекшие причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам*, – предусмотреть наказание в виде штрафа в размере от четырех до двадцати базовых величин;

3) *за иные нарушения установленного порядка обращения с носителями служебной информации ограниченного распространения*, не повлекшие ее разглашение и утрату носителей такой информации, а также за необоснованное отнесение сведений к такой информации – дисциплинарную ответственность.

Кроме того, целесообразно рассмотреть возможность использования опыта российского законодателя по возложению на работника материальной ответственности за разглашение сведений, составляющих охраняемую законом тайну и служебную информацию ограниченного распространения, в полном размере причиненного ущерба.

Сформулированные предложения объективно будут способствовать надлежащему закреплению юридической ответственности за разглашение служебной информации ограниченного распространения и утрату носителей такой информации и привлечению к ответственности (в том числе материальной по возмещению причиненных убытков) виновных лиц. Данные меры позволят повысить эффективность защиты охраняемых сведений.

Литература

1. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-3: с изм. и доп. от 10 окт. 2022 г. № 209-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.11.2024).
2. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во РАП, 2008. – 304 с.
3. Базылев, Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б.Т. Базылев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 120 с.
4. Куликов, Е.А. Теория юридической ответственности (проблемные вопросы): монография / Е.А. Куликов. – Барнаул: Изд-во «Новый формат», 2016. – 308 с.
5. Кузьмин, И.А. Система права и система юридической ответственности: монография / И.А. Кузьмин. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – 163 с.
6. Грачева, О.С. Особенности юридической ответственности за земельные правонарушения: учеб. пособие / О.С. Грачева, А.А. Романова / под общ. ред. О.С. Грачевой. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 48 с.
7. Штода, И.С. Юридическая ответственность, ее признаки и стадии / И.С. Штода // Бизнес в законе. – 2011. – № 3. – С. 43–45.

8. Хачатуров, Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2007. – 950 с.
9. Алексеев, С.С. Собрание сочинений: в 10 т. / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. – С. 366–368.
10. О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3: с изм. и доп. от 28 июня 2024 г. 15-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.11.2024).
11. О служебной информации ограниченного распространения и информации, составляющей коммерческую тайну: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 авг. 2014 г. № 783: в ред. от 10 апр. 2023 г. № 237 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.11.2024).
12. О государственных секретах: Закон Респ. Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-3: с изм. и доп. от 17 июля 2023 г. № 292-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.11.2024).
13. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3: с изм. и доп. от 1 июня 2022 г. № 175-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.11.2024).
14. О коммерческой тайне: Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2013 г. № 16-3: с изм. и доп. от 8 июля 2024 г. № 27-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.11.2024).
15. Банковский кодекс Республики Беларусь: 25 окт. 2000 г. № 441-3: принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г.: одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г.: с изм. и доп. от 12 июля 2023 г. № 282-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.11.2024).
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г. № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: с изм. и доп. от 8 янв. 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.11.2024).
17. Пономарева, Ю.В. Правовой режим служебной тайны: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Пономарева Юлия Владимировна; Южно-Уральский гос. ун-т. – Челябинск, 2018. – 253 л.
18. Жирнова, Н.А. Банковская и налоговая тайны как объекты финансово-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 / Жирнова Наталья Александровна; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2013. – 26 с.
19. Беляев, М.В. Объект и субъекты права на коммерческую тайну: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 / Беляев Максим Владимирович; Междунар. ин-т управл. Моск. гос. ин-та междунар. отнош. МГИМО (ун-т) МИД России. – М., 2005. – 26 с.
20. Яхнович, О.И. Соотношение служебной и профессиональной тайны в законодательстве Республики Беларусь / О.И. Яхнович // Промышленно-торговое право. – 2016. – № 5. – С. 93–96.
21. Бондарович, С.П. Постатейный комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях: по состоянию на 20 янв. 2009 г. / С.П. Бондарович // КонсультантПлюс. Беларусь: справ. правовая система (дата обращения: 10.10.2024).
22. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г.: в ред. Федер. закона от 14 окт. 2024 г. № 342-ФЗ // КонсультантПлюс. России: справ. правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.10.2024).
23. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: 5 июля 2014 г. № 235-V ЗПК: в ред. Закона Респ. Казахстан от 3 окт. 2024 г. № 131-VIII. – URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 27.10.2024).
24. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях: 31 дек. 2008 г. № 455: в ред. Закона Респ. Таджикистан от 20 июня 2024 г. № 2052. – URL: <https://base.spinform.ru> (дата обращения: 27.10.2024).

Поступила в редакцию 16.09.2024

Legal Understanding as A Methodological Basis of Jurisprudence

Gurshchenkov P.V., Bochkova G.S.

Educational Establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

The concept of law influences the doctrinal, legislative, and law-realization activities of the state, the strengthening of legality and legitimacy, and the unity and cohesion of society.

The purpose of the work is to analyze the basic concepts of legal understanding and formulate an author's version that can be used as a methodology of modern jurisprudence.

Material and methods. *The research material was scientific and educational literature, conceptual approaches of leading pre-revolutionary and modern foreign and national authors on the problems of legal understanding, normative legal acts of the Republic of Belarus. Methodology – dialectical-materialistic, synergetic methods, including historical-sophistic, comprehensive approaches, analytical-synthetic, inductive-deductive methods, methods of concretization, interpretation of law, legal criticism, legal modeling, allowing to study the versatility of law to formulate its holistic integrative concept.*

The results and their discussion. *The article attempts to unify existing approaches to legal understanding from the point of view of the existing challenges facing the digital society, taking into account traditions and existing developments.*

Conclusion. *Law is a system of legal principles and norms, a measure of freedom, justice, democracy, equality and humanism, mutual responsibility, as a concentrated embodiment of objective social laws and patterns, an expression of the interests and needs of the people realized in a state-civil society.*

Key words: *law, legal understanding, methodology, state, civil society, jurisprudence, justice, tectology, comprehensive theory of law.*

Правопонимание как методологическая основа юриспруденции

Гурщенко П.В., Бочкова Г.Ш.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Понятие права влияет на доктринальную, законодательную, правореализационную деятельность государства, укрепление легальности и легитимности, единство и сплочение общества.

Цель работы – проанализировать основные концепции правовопонимания и сформулировать авторский вариант, который можно использовать в качестве методологии современной юриспруденции.

Материал и методы. *Материалом исследования послужила научная и учебная литература, концептуальные подходы ведущих дореволюционных и современных зарубежных и национальных авторов по проблемам правовопонимания, нормативные правовые акты Республики Беларусь. Методология – диалектико-материалистический, синергетический методы, включающие историко-софийный, компрексенный подходы, аналитико-синтетический, индуктивно-дедуктивный методы, методы конкретизации, толкования права, правовой критики, правового моделирования, позволяющие изучать многогранность права для формулирования холистического интегративного его понятия.*

Результаты и их обсуждение. *В статье предпринята попытка унифицировать существующие подходы к правовопониманию с точки зрения существующих задач, стоящих перед цифровым обществом, учитывая традиции и имеющиеся наработки.*

Заключение. *Право – это система юридических принципов и норм, мера свободы, справедливости, демократии, равенства и гуманизма, взаимной ответственности, как концентрированное воплощение объективных социальных законов и закономерностей, выражение интересов и потребностей народа, реализуемых в государственно-гражданском обществе.*

Ключевые слова: *право, правовопонимание, методология, государство, гражданское общество, юриспруденция, справедливость, тектология, компрексенная теория права.*

Law is a "thing in itself" and cannot be known by science

I. Kant

Jurisprudence is the science of freedom

V.S. Nersesyants

The complexity of the concept and operation of law is that it is a product of human, biopsychosocial nature, its depth and inconsistency. Law is interdisciplinary and multidisciplinary, attractive and repulsive,

influential and neutral, uplifts and destroys, regulates and leaves room for self-regulation, establishes a rigid order and relies on democracy and freedom, it can be calculated, but it is difficult to unravel.

It is located on the border of such concepts as legality and expediency, truth and falsehood, objectivity and subjectivity, democracy and centralization, power and disorder, honor and dishonor, good and evil, legality and illegality, science and faith, legal and moral responsibility, rationalism and irrationalism.

Material and methods. The research material is scientific and educational literature, conceptual approaches of leading pre-revolutionary and modern foreign and national authors on the problems of legal understanding, normative legal acts of the Republic of Belarus. Methodology – dialectical-materialistic, synergetic methods, including historical-sophistic, comprehensive approaches, analytical-synthetic, inductive-deductive methods, methods of concretization, interpretation of law, legal criticism, legal modeling, allowing to study the versatility of law to formulate its holistic integrative concept.

The results and their discussion. The etymology of the word “law” comes from justice, truth, correctness, rules, grounds, authority, claims, norms, law, the existence of rights and obligations. If religion appeals to God, soul, faith, love; morality – to goodness, conscience, honor, mercy; art – to an artistic image, harmony, inspiration, sublime, beautiful, then law – to rights, responsibility, freedom, equality, proportionality.

The decision of a legal case is based on legal and factual qualifications, legal assessment based on internal conviction, independence and independence of the law enforcement officer. He is obliged to be guided by the materials of the case, to rely on the relevant official normative legal acts and established legal facts. A fair result includes: truthfulness, objectivity, reliability within the framework of material and procedural norms used through the prism of the category of legal understanding.

Methodology is not just a set of principles, methods, ways, and tools for cognizing reality, but above all, an epistemological and axiological process of comprehending and evaluating state-legal reality in a specific place and time. According to Prof. V.P. Malakhov, the central problem that exhausts the content of the general theory of law and the state is the understanding of law and the understanding of the state [1, p. 4].

The outstanding German philosopher I. Kant (1724–1804) believed that the question of what law is can confuse a jurist in the same way as the question of truth might embarrass a teacher of logic [2, p. 284]. From the standpoint of the Russian philosopher, jurist, one of the ideologists of Eurasianism, Moscow University Prof. N.N. Alekseev (1879–1964), lawyers

will never answer the question of what law is, just as natural scientists will not answer the question of what nature is in general [3, p. 73]. This is the main problem of all jurisprudence. Quoting Academician V.S. Nersesyanets, if “the concept of law is a concise legal theory, then legal theory is a detailed concept of law”, systematically disclosed by legal science as a whole [4, p. 158].

Despite the fact that there are more than 10 scientific schools, including about 130 definitions, this does not give grounds to assert that all its sides have been identified (especially in modern digital conditions). Until now, we do not know how this multifaceted natural and artificial, scientific and unscientific, material and virtual socio-state organism will develop.

In order for the law to be valid and working, it must be objective, real, understandable, and psychologically attractive. For it to be implemented on a mass level, you need to believe in it. All this is ensured by its sociality, nationality and democracy. The main thing in Belarusian-Russian law is the common good and personal dignity, their protection, preservation and enhancement [5, pp. 40–50].

The facets of the definition of law. The concept of law includes the following definitions:

1) norms, generally binding rules of conduct governing the most important spheres of public life created by the state (positive law);

2) inalienable, organically inherent human natural rights and freedoms coming from God, nature, reason, human birth, norms of community (natural law);

3) actually, officially existing on paper (and electronic) media normative legal acts containing generally binding, legally fixed, mass rules of conduct expressing social laws and patterns as a reflection of the interests and needs of the majority of the people (objective law);

4) the type and measure of the subject's possible behavior, his will, desire and free choice within the framework of objective law (subjective law);

5) inescapable, natural, objective, causal conditions, factors of social and state life, inevitably, automatically generating and ensuring the existence of law (fatalistic law);

6) the probabilistic generation, change and action of law, entirely dependent on the manifestation of will (“will for power”), discipline, social activity of subjects: passionaries, a personified leader of the state, the ruling elite, the electorate, their conviction, faith, willingness to overcome difficulties, go through “thorns” to the stars, the opportunity to change everything at will (voluntary law);

7) a system of objectified, institutional state-legal institutions and organizations exercising power functions (parliament, government, court, law enforcement agencies, election commissions), ensuring the functioning of the state-legal mechanism;

8) a measure of intelligence, legal conscience, feeling, democracy, morality, goodness, freedom, justice, equality, humanism, culture, civility, harmony, provided with legal protection;

9) the manifestation of “living law” through the mechanisms of the embodiment of ideal (“book”) law in practical (real) legal relations (legality, law and order);

10) law, as “the most sacred thing that God has on earth” (I. Kant), the idea (‘eidos’), which is inherent in justice, humanism, goodness, freedom, equality, publicity, effectiveness, punishment of evil, the will of the people;

11) a system of punishments, violence, courts, prisons, penal colonies, legal liability, fines, deprivations, penalties, seizures, taxes, customs payments for the organization and management, preservation of state power;

12) the system of state legal regulation, protection of law and order, legality, provision of rights, freedoms, guarantees, benefits provided by the state;

13) contradictory versatility, where law is expressed by the mathematical formula “A” to the degree of “n”, where “n” tends to infinity, and versatility does not form a conceptual and practical integrity. It has at least 87 facets like a diamond (comprehensive theory of law) [6];

14) law is a system of normative legal acts that enshrine the principles and norms of legal regulation of the most important (most important, priority, defined) public relations [7].

Law through the prism of various legal theories.

There are traditional theories of the origin and essence of law: conciliatory, theological, natural law theory (contractual), Marxist, psychological theory, historical, theory of solidarity, etc.

The concept of law can be considered on the basis of the following legal theories:

1. dialectical-materialistic – the emergence and development of law is mainly due to socio-economic reasons. This is the will of the ruling class, a form of violence, elevated to law, imposed on the masses with the help of the state machine. Economics and power generate and define law.

2. synergetic is a flexible, open, nonlinear, self-organizing, autonomous system that creates many development options, the transition of society

from order to chaos and vice versa, where random deviations (attractors) can be crucial for a non-equilibrium system;

3. communicative is legal communication, interaction between subjects who “hear” and understand each other on the basis of clarification of legal texts defining their rights and obligations, with the aim of dialogue, streamlining public relations;

4. socio-cultural anthropology is a concentrated social cross-section of human activity in certain socio-cultural conditions that regulate their behavior in socially significant situations;

5. existential is a set of intrapersonal legal experiences, insights, shocks comprehended during the period of the highest epiphany in “borderline” situations of wars, revolutions, coups, riots, pandemics, diseases, rescues, deaths, love, betrayal, the birth of a child, as a condition of true understanding, allowing “to understand everything” and make the right choice;

6. hermeneutical is a legal text (historical artifact, normative legal act, judicial decision) that exists through language and needs interpretation for uniform understanding and application;

7. comparative is a homogeneous transnational, international institution containing internationally recognized rules of conduct: normativity, formality, formal certainty, effectiveness, legitimacy, recognized and actually effective in practice;

8. tectological is an equilibrium system (A.A. Bogdanov) based on the interconnection, interaction, and cooperation of elements. This is achieved by strengthening organic unity, establishing additional connections, where formal connections are complemented by informal, natural, traditional, personal, reverse ones. A synthesis of undifferentiated economic, social, political, legal, and psychological knowledge is needed to systematize organizational experience [8, p. 10].

The following concepts of legal understanding enjoy the greatest authority among various secular legal systems of the world: natural law, normative, sociological and integrative.

The origins of the natural law (moral) system are in Ancient India, Ancient China, Ancient Greece, Ancient Rome. Its authors are Lao Tzu, Confucius, G. Grotius, T. Hobbes, J. Locke, J.J. Rousseau, A.N. Radishchev. It is based on spiritual, philosophical, religious, psychological, historical, biological, moral, material factors, human rights and freedoms. Man is the center, the crown of the universe (anthropocentrism). With the weakening of the restraining mechanisms of culture, this can generate

selfishness, individualism, consumerism, and lead to the destruction of civilization. The law is of natural character. It appeared before and independently of the state. The concept is cemented by two principles: the inalienable human rights and freedoms; and the equality of people by Nature. This is the right to life, health, freedom, equality and justice, determination of one's destiny, independence. This is a kind of ethical minimum of conscience, justice, honesty, and social responsibility that arises with a person. The state and law are obliged to guarantee them (paternalism, welfare state, "nanny state"). Natural law as an expression of divine order and providence governing the world (B.P. Vysheslavtsev).

Advantages of this concept:

1. The idea of natural, inalienable human rights, humane, careful, caring attitude on the part of society and the state, the creation of favorable conditions for the development of personality, a well-fed, serene life;

2. Restriction of arbitrary power, exploitation of the ruling class (oligarchy), struggle against authoritarianism, totalitarianism, bureaucracy, corruption, non-democracy, for freedom, equality, equal rights and opportunity;

3. Monitoring (evaluation) of positive law through the prism of the requirements of natural law, corresponding to the aspirations of the masses;

4 Bringing state legislation in line with the requirements of natural law;

5. The requirement for the government is to serve the people, the common good, justice, the rights and freedoms of citizens, the interests of ordinary people, and create a decent standard of living.

Minuses:

1. Lack of specificity, national, class, cultural ambiguity, uncertainty, historical variability of the concepts of "freedom", "goodness", "equality", "brotherhood", "justice", etc.;

2. Difficulty (impossibility) of implementation in a legal norm (NPA), in practice; there is no mechanism for the form, figures, implementations;

3. Myth, utopia, deception, mirage, a means of distracting the masses from the class struggle;

4. De jure does not correspond to de facto, formal equality has turned into actual inequality and exploitation of the people in the context of globalization (alienation of power from the people and the people from power, property, labor, patriotism, faith);

5. Commercialization, bureaucratization of many concepts, institutions and relations, their falsification.

G. Kelsen, the founder of the normative (positivist) doctrine, characterized natural law theory as "a verbal fiction, a chimera of imagination, nonsense on stilts".

This theoretical concept is the basis of the theory of Western liberal bourgeois democracy, the rule of law. It was actively imposed on the countries of the former USSR, did not justify itself and was largely discredited. It protects the interests of big capital, the oligarchy, and the powerful political elite.

The authors of the normative (positivist) concept are G. Kelsen, I. Bentham, D. Austin, G. Shershenevich. It was created in the wake of criticism of natural law theory.

It is the state law that is real, positive, official, existing, acting. Its strength lies in legislation, might, coercion, and state guarantees. It ensures stability, order, peace, legality in the country, legalizing and legitimizing the stability of the government. There is a rigid, unquestioning power of the sovereign directed at the subject, a hierarchy, a pyramid of legal norms: a constitutional norm, a general norm, an individual norm. Law is a coercive, logically consistent, lawless norms, a soulless legal machine (digital, with automatic punishment). "Let laws rule, not people".

G. Kelsen in his work "Pure Theory of Law" advocated its purification from ideology, politics, religion, philosophy, various "isms".

Advantages of the theory:

1. Universality, publicity, objectivity, impartiality, effectiveness, legality, obligation (soulless legal mechanism), clarity, predictability;

2. Formal certainty: accuracy, clarity, capacity, stability of norms;

3. The law is specific, realistic in legislation and legal practice, a communicative text;

4. Guarantees security, order, stability, protection from offenders, a certain standard of living, and the opportunity for unified development;

5. The rules are typical, repetitive, multiple, rational, born in society, the legal field, provided with the power and guarantees of the state.

Minuses:

1. The absolutization of the decisive role of state power in law-making. The domineering will is the decisive factor;

2. It is difficult to prepare, adopt, preserve, monitor, and determine the effectiveness of legal norms, especially at the level of unstable codes and laws, local norms, and the "war of laws";

3. Inflexible legislation, unification of behavior, deindividualization, depersonalization of a person (a person is a "cog" of the legal

machine), blind, unconditional submission, scope for authoritarianism and totalitarianism, formal approval at the mass level;

4. It is difficult to formalize: ideas, concepts, principles, strategic programs, declarations, definitions, mentality, psychology, etc.;

5. It is difficult to implement in practice, there is no electronic implementation mechanism;

6. It does not save from arbitrariness and corruption, it depends on expediency, honesty, dedication, selflessness of the authorities in serving the people;

7. Self-regulation, self-adjustment, self-adaptation, self-discipline, mass activity are not used properly;

8. The main emphasis is on state law, rather than social law, which is closely related to corporate, traditional, customary law, morality, religion, art, and the “national spirit”.

In the countries of the Romano-German legal system, including the Republic of Belarus, this is the leading concept of legal understanding, where normative legal acts, principles and norms of law act as its main sources. The scientific nature of jurisprudence is primarily related to the norm, its formalization and dogmatization, which are clearly manifested in modern digital and electronic law. However, the disadvantages of the theory suggest that the norm needs serious improvement.

The sociological concept of law is presented by G. Gurvich, R. Pound, E. Ehrlich, S.A. Muromtsev, L. Dugi.

Law is a system of legal relations, the practical behavior of people in society, conditioned by social interests and conflicts. It manifests itself as a dynamic legal order, a real legal reality. Law is a set of legal relations protected in an organized, legal way. Society, people “give birth” to law, rules of conduct when they are needed. Positive (“bookish” law) does not work by itself (“dead law”). Government orders that are not implemented in practice do not constitute law. An important task of law is to establish order in public places. Judicial and administrative bodies are called upon to identify its essence and resolve a specific dispute (S.A. Muromtsev). The law of judges and officials is a “living law”. “From a single nod from a judge, people can often lose or gain more than from any general resolution of parliament or Congress,” wrote the American philosopher, lawyer and researcher of US constitutional law, professor of law and philosophy at New York University R. Dvorkin [9, p. 17].

Advantages of the theory:

1. Law forms not only the state, but primarily social life (citizens), therefore there is also social law (civil society law), corporate law. It is the latter that are primary;

2. Law is not so much a system of social norms as the actual way of life of society. If the norms cannot improve life, then it is necessary for the highest judicial and administrative bodies themselves to create and “revive” the law;

3. Responds flexibly to the needs of the public environment;

4. Studies not only the norms of law, but the whole set of social relations;

5. It is close to folk life and practice.

Minuses:

1. Denies the role of normativity, formalization of law;

2. Does not pay due attention to its spiritual and moral principles;

3. Exaggerates the role of judicial and administrative bodies in law-making, state power, which in itself belittles the role of parliament and the people;

4. It may contribute to judicial and administrative arbitrariness, subjectivism, lawlessness, and actual disenfranchisement;

5. It may create conditions for violating the principle of separation of powers, promote the establishment of administrative and judicial totalitarianism, and violate citizens’ freedoms.

This concept is typical for the Anglo-Saxon, Anglo-American legal system. It seeks to bring the law to a creative, “living” level that quickly reacts to any changing situation, even when legislation does not normalize it. The doctrine, based on judicial and administrative precedent, tries to justify the fairness of its decision.

Integrative (holistic) concept (V.S. Solovyov, P.A. Sorokin, S.L. Frank, A.S. Yashchenko, B.A. Kistyakovsky, L.I. Petrazhitsky). Multifaceted, comprehensive jurisprudence has been going on since ancient times from the Egyptian pharaohs, the Babylonian king Hammurabi, the prophet Moses, Roman and medieval law. Attempts to combine divine and natural law, public and private, civil and canonical, positive and sociological, philosophical and intuitive, the right of personal freedom and public good, law and custom, to develop a philosophy of unity (V.S. Solovyov) have been undertaken for a long time. Law is the embodiment in a legal norm of the ideas of reason, goodness, interests, freedom, equality and justice. The task is to create a systemic integrity based on principles, norms, and natural

human rights guaranteed by the state and civil society, and implemented in life; to embody ideal law in legislation and social practice. The source of legitimacy of law is in objectivity, truthfulness, service to the people, honesty, truth, authority, justice, spirituality (the realization of moral, religious, national, cultural values).

Conclusion. The law of the modern post-non-classical period is a complex, synergetic, open, unstable, self-organizing system of semi-controlled chaos, possessing programs of reproduction and self-regulation, characterized by a hierarchical organization of elements (academician T.Ya. Khabrieva).

Postmodern law increasingly has to operate in a world of fakes, “simulacra”, images of a virtual environment created by a frustrated subject. Society, according to E. Toffler, is experiencing “the shock of a collision with the future.” Post-law is based on the principles of relativism, pluralism, contextualism and constructivism, pragmatism. It increasingly expresses official, oligarchic, supranational, corporate, group interests. There is a transformation of society from a single, solidary one into a massive, disunited one, where the law is provided with an authoritative, administrative, mainly power resource for regulatory regulation. These are probabilistic, spontaneous, poorly coordinated, uncertain processes, largely non-deterministic. Hence the global crisis of national and international law, their principles, the presence of incompatible concepts (abuse of law, substitution of legality by expediency, criminal misconduct, criminal liability of a legal entity, presumption of knowledge of law, etc.). Pessimism and disillusionment with postmodernism once again make us talk about the “collapse of idols”, “the end of history”, “the decline of Europe”, “the unattainability of the kingdom of truth and justice”, the utopianism of socialism, the venality and immorality of capitalism, which need to be supplemented, converged. Digital, machine-generated law requires an automated, electronically realizable legal mechanism. This requires an innovative revolution in organization and management, de-bureaucratization, de-corruption of the state apparatus, social and economic stimulation of the activity of the masses, the growth of patriotism, citizenship, consciousness, unity and cohesion of society.

The integrative (comprehensive) concept of law tries to combine the positive features of various theories and reach a qualitatively new level. The problem is to identify them, to find compatibility, an opportunity for positive unification, ways to unify all facets without loss of quality. Only this will give a qualitative leap not only in theory, but also in practice, in legislation and the implementation of law. This requires political will, joint efforts, and a dialogue of various concepts, which will make it truly effective and efficient, legal and legitimate.

Law is a system of legal principles and norms, a measure of freedom, justice, democracy, equality and humanism, mutual responsibility, as a concentrated embodiment of objective social laws and patterns, an expression of the interests and needs of the people realized in a state-civil society.

References

1. Malakhov, V.P. General theory of law and the state. Course of lectures: studies. handbook for university students studying in the field of Law / V.P. Malakhov. – M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2018. – 271 p.
2. Kant, I. Fundamentals of metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of morals / I. Kant. – St. Petersburg, 1995. – 528 p.
3. Alekseev, N.N. Fundamentals of philosophy of law / N.N. Alekseev. – St. Petersburg, 1999. – 216 p.
4. Nersesyants, V.S. Basic concepts of legal understanding / Problems of the general theory of law and the State: textbook // under the general editorship of V.S. Nersesyants. – 2nd ed., revised. – M.: Norm: INFRA-M., 2016. – 816 p.
5. Demichev, D.M. General theory of law: textbook / D.M. Demichev, A.A. Bochkov. – 2nd ed., corrected. – Minsk: Higher School, 2022. – 480 p.
6. Zakhartsev, S.I. A comprehensive approach is proposed for the knowledge of law / S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov // Russian Journal of Legal Studies. – 2017. – № 1(100). – Pp. 77–87.
7. See: articles 12–22. The Law of the Republic of Belarus dated July 17, 2018 No. 130–Z “On Regulatory Legal Acts” (as amended and supplemented) Law of the Republic of Belarus dated June 28, 2024 №. 15–Z – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130> is the National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus (date of access: 18.11. 2024).
8. Bochkov, A.A. General theory of law and the state. A short course in definitions and tables. Second edition, revised and supplemented. A manual for university students studying in the field of Law / A.A. Bochkov, P.G. Shelengovsky. – M.: UNITY-DANA, 2024. – 175 p.
9. Dvorkin, R. Empire of Law / R. Dvorkin; translated from the English by S. Moiseev; edited by S. Koval, A. Pavlov. – M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. – 592 p.

Поступила в редакцию 22.11.2024

Политико-правовой потенциал мусульманского права в контексте межгосударственного взаимодействия

Ораметов Э.Д.

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

В статье исследован политико-правовой потенциал мусульманского права в контексте межгосударственных связей, выявлены и охарактеризованы его базовые составляющие. Рассмотрены современные вызовы в мире, разрушающие основы глобальной безопасности и препятствующие развитию и углублению межгосударственных отношений. Обозначена роль традиционных правовых ценностей как опора для выстраивания внешнеполитического диалога Республики Беларусь с мусульманскими странами. Проанализированы практические примеры продуктивного взаимодействия Республики Беларусь с мусульманскими странами в политической, экономической и культурной сферах.

В работе обоснована целесообразность создания Департамента по Мусульманским Странам при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь как правового инструмента укрепления безопасности и сотрудничества в данном регионе.

Цель статьи – охарактеризовать политико-правовой потенциал мусульманского права в разрезе межгосударственного взаимодействия.

***Материал и методы.** В рамках работы применяются системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, позволяющие комплексно изучить заявленную проблему.*

***Результаты и их обсуждение.** В исследовании проводится анализ политико-правового потенциала мусульманского права в контексте межгосударственного взаимодействия и сотрудничества. Автором выделены духовно-религиозная и государственно-идеологическая составляющие политико-правового потенциала мусульманского права и охарактеризована их специфика.*

***Заключение.** Политико-правовой потенциал мусульманского права в контексте межгосударственного взаимодействия может быть реализован в единстве духовно-религиозной и государственно-идеологической составляющих. Результаты анализа опыта межгосударственного взаимодействия Республики Беларусь с мусульманскими странами позволяют констатировать наличие сложившегося механизма продуктивного межгосударственного взаимодействия. Создание при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь Департамента по Мусульманским Странам позволит совершенствовать межгосударственный диалог со странами мусульманского мира.*

***Ключевые слова:** политико-правовой потенциал, мусульманское право, Ислам, межгосударственное взаимодействие.*

Political and Legal Potential of Muslim Law in the Context of Inter-State Interaction

Orametov E.D.

Vitebsk Branch of the International University «MITSO»

The article examines the political and legal potential of Muslim law in the context of interstate relations, identifies and characterizes its basic components. It examines contemporary challenges in the world that destroy the foundations of global security and hinder the development and deepening of interstate relations. The role of traditional legal values as a support for building a foreign policy dialogue between the Republic of Belarus and Muslim countries is outlined. Practical examples of productive interaction between the Republic of Belarus and Muslim countries in the political, economic and cultural spheres are analyzed.

The article substantiates the feasibility of creating the Department for Muslim Countries under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus as a legal instrument for strengthening security and cooperation in this region.

The purpose of the article is to characterize the political and legal potential of Muslim law in the context of interstate interaction.

***Material and methods.** The work uses systemic, formal-legal, comparative-legal methods, allowing for a comprehensive study of the stated problem.*

***Findings and their discussion.** The study analyzes the political and legal potential of Muslim law in the context of interstate interaction and cooperation. The author identifies the spiritual-religious and state-ideological components of the political and legal potential of Muslim law and characterizes their specificity.*

***Conclusion.** The political and legal potential of Muslim law in the context of interstate interaction can be realized in the unity of spiritual-religious and state-ideological components. The results of the analysis of the experience of interstate interaction of the Republic of Belarus with Muslim countries allow us to state the existence of an established mechanism for productive interstate interaction. The creation of the Department for Muslim Countries at the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus will improve interstate dialogue with the countries of the Muslim world.*

***Key words:** political and legal potential, Muslim law, Islam, interstate interaction.*

Современные вызовы мира (пандемия, конфликтные межгосударственные отношения, санкции и др.) свидетельствуют о необходимости налаживания межгосударственного диалога, возможного лишь при правовой гибкости в вопросах выстраивания внешних экономических и политических отношений. Республика Беларусь, будучи интегрированной в данный международный контекст, одними из приоритетных вопросов своего развития считает государственную безопасность и диверсификацию социально-экономической политики.

Наблюдается тенденция, при которой часть стран, ранее стремившихся установить крепкие и надежные связи со странами Западной Европы и Америки, пересматривают свое отношение к подобному взаимодействию. Этот процесс происходит в связи с влиянием Запада на ценности, национальное самосознание, менталитет, культуру многих стран мира. Происходит навязывание некоторых западных ценностей, связанных с ЛГБТ, феминизмом, толерантностью к однополым бракам, эвтаназии, пропагандированием идеалов потребительского общества. Под воздействием санкционной политики как экономического инструмента влияния сменилась траектория межгосударственного взаимодействия.

В современном мире назрела необходимость актуализировать поиск альтернативных Западу партнеров и усилить имеющиеся межгосударственные связи на Востоке. В такой ситуации Республика Беларусь провозгласила внешнеполитическую ориентацию на страны «дальней дуги» с целью усиления многовекторности экономических отношений и включения в активно развивающиеся рынки мусульманского мира. Такая стратегия реализуется с опорой на ценности безопасности, суверенитета и самобытных традиций. Доказательством тому послужило большое зарубежное турне в 2023 г. Президента Республики Беларусь, которое включало в себя визиты в регионы Ближнего Востока. Очевидный интерес Беларуси к Восточному миру обусловлен стремлением к интенсификации межгосударственного сотрудничества в различных направлениях социально-экономического сотрудничества. Здесь, однако, следует учитывать, что «Восток – дело тонкое» и взаимодействие со странами «дальней дуги» требует обязательного учета не только их национальных интересов, но и специфики политико-правовых основ государственности. В этой связи возникает объективная необходимость обратиться к обозначенному вопросу. В нашем

случае речь пойдет о политико-правовом потенциале мусульманского права.

Политико-правовые возможности мусульманского права в научной литературе рассмотрены такими авторами, как Х. Бехруз [1], Е.В. Быкова, Э.И. Джалилов, Д. Форте, А.Е. Игнатович, А.А. Мазурин, Е.А. Резван [2], Л.Р. Сюкияйнен [3] и др.

Цель статьи – охарактеризовать политико-правовой потенциал мусульманского права в разрезе межгосударственного взаимодействия.

Материал и методы. В рамках работы применяются системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, позволяющие комплексно изучить заявленную проблему.

Результаты и их обсуждение. В ряду правовых систем мира наименее изученной считается мусульманская, несмотря на то, что в современных геополитических условиях, характеризующихся активным экономическим развитием стран мусульманского мира, интерес к обозначенной системе правоотношений объективно обусловлен.

Мусульманское право является относительно молодой и быстро развивающейся правовой системой мира. Об этом свидетельствует возрастающее количество ее последователей. Если в начале XX века количество мусульман составляло почти 200 млн человек, то в настоящее время оно возросло более, чем в 9,5 раза и составляет – 1,9 млрд человек [4].

Мусульманское право – это правовая система, которая основывается на таких религиозных писаниях, как Коран, Сунна, Иджма и Кийас. Ее специфика в сравнении с другими правовыми системами заключается в религиозной природе, комплексном характере, адаптивности и плюрализме, а также в особенностях взаимодействия с государственными институтами.

Политико-правовой потенциал мусульманского права в контексте межгосударственного взаимодействия мы рассматриваем как комплекс политико-правовых особенностей мусульманской правовой системы, базирующихся на соответствующей религии, идеологии и государственности и обуславливающих ресурс для развития внешнеполитических отношений на принципах мира, сотрудничества и безопасности. Данный потенциал может быть описан через характеристику его базовых составляющих: *духовно-религиозной и государственно-идеологической.*

Духовно-религиозная составляющая имеет фундаментальную аксиологическую природу. Она вбирает в себя такие веками сформированные

гуманистические ценности, как жизнь человека, разумность, продолжение рода, религиозную веру, миролюбие, терпимость Ислама к инакомыслию [5]. В Коране они прописаны через призму религии.

Ислам – духовное ядро мусульманского общества. Появлению мусульманского права предшествует исламская религия, оказавшая самое существенное влияние, что привело к образованию целого религиозного правового института. Ислам как религия не только предложил духовные и моральные принципы, но и сыграл важную роль в формировании основ исламского государства, правовых норм, международных отношений и культурных традиций. Исторически исламский мир оказал значительное влияние на развитие дипломатии и международных договоров. Мусульманский взгляд на мир и жизнь формируется через религиозные убеждения, которые охватывают все сферы человеческой жизнедеятельности – от личных отношений до глобальной политики [1].

В настоящее время аксиологический контекст приобретает особую актуальность, так как современные вызовы диктуют необходимость защиты и укрепления традиционных ценностей как основы стабильности государства и личности. Ислам выступает как оплот традиционных общечеловеческих ценностей. Вместе с тем сегодня он нередко подвергается нападению в силу сложившихся ложных стереотипов и однобоких шаблонов мышления.

Жизнь человека – это самая главная базисная ценность человечества, которая включает в себя всю деятельность личности от рождения до смерти. Как справедливо отмечает А.Э. Мамедов, одним из первых необходимых условий осознания человеком своего духовного происхождения является его жизнь [6]. Жизнь человеку дается Аллахом, и забирать эту ценность вправе только Он. Задача общества заключается в защите этой ценности, развитии ее, совершенствовании и, когда придет время, возвращении ее назад первоисточнику. Коран как основной источник мусульманского права наставляет на то, чтобы человек использовал дары жизни [7].

Следующая, не менее важная ценность это – разумность. Она заключается в способности личности осознавать окружающую действительность, руководить своими действиями, уметь мыслить последовательно и творчески, выявлять причинно-следственные связи и давать объективные или субъективные заключения своей мыслительной деятельности. Необходимым основанием

привлечения человека к ответственности за совершенные им деяния является его умственное здоровье. В мусульманской правовой традиции оно определяется как «мукалляф», который в переводе с арабского означает «дееспособность». Значимое место разума в ценностной системе мусульманского права отражается в суре Корана «Йунус», аяте 100, в котором он рассматривается как ключевой элемент для правильного восприятия и следования религиозному пути. Вера человека возможна только с дозволения Всевышнего, а те, кто не используют разум, подвергаются наказанию. Все это свидетельствует о том, что разум является неотъемлемой частью веры и духовного развития. В аяте 90 суры «Аль-Маида» обозначены запреты на употребление опьяняющих напитков, азартные игры и поклонение идолам, что противоречит принципу разумности. В соответствии с предписаниями данного аята названные деяния считаются нечистыми и дьявольскими – мусульманам предписано избегать их. В случаях несоблюдения последнего аята, лицо, нарушившее данный запрет, привлекается к телесному наказанию.

Продолжение рода – ценность, обеспечивающая человечеству продолжение жизни, веры и составляющая смысл его существования. В мусульманском праве существует строгий запрет на явления, которые могут препятствовать продолжению рода и сохранению института семьи. К ним относятся аборт, обеты безбрачия и заключение однополых браков, пропагандируемые и поддерживаемые в некоторых странах Запада. В исламской правовой традиции продолжение рода крепко связано с институтом брака, являющегося ключевым звеном в воспроизводстве жизни и сохранении религиозных ценностей. В Исламе брак – это не только социальный, но и духовный акт, являющийся даром от Аллаха для обеспечения продолжения рода и укрепления веры. В аяте 72 Корана суры «Ан-Нахль» продолжение рода рассматривается как благословение от Аллаха, служащее для укрепления веры и семьи [8]. Согласно основному источнику мусульманского права (аят 72, сура «Ограды») продолжение рода стало важным действием в победе над врагами, а также укреплении и защите исламского сообщества. Данный аят напоминает о том, как Аллах благословил мусульман увеличением их численности в моменты слабости, а также предостерегает от действий, направленных на разрушение общества и отклонение от пути Аллаха [8].

Терпимость Ислама к инакомыслию не только декларирована в Коране, но и имела доказательные примеры в истории. Анализ писаний Корана позволяет констатировать, что в Исламе нет никакого религиозного принуждения. Данное положение подтверждается сурой «Корова» аятом 256 Корана, которая гласит: «Нет принуждения в религии» [8].

Ислам признает историческую значимость иудаизма, христианства и других мировых религий. Их уважение является одним из базовых принципов мусульманского права. Это закреплено в аяте 46 Корана суры 29 «Аль-Анкабут», где подтверждена важность конструктивного и уважительного диалога между мусульманами и последователями других религий. Данный аят призывает верующих вести дискуссии только наилучшим образом, то есть с доводами, основанными на истине, с добрым нравом и уважением, избегая агрессии и насилия. В аяте подчеркивается идея взаимодействия с представителями других религий на основе взаимного стремления к миру и гармонии [8]. Мусульманское право настаивает на важности сотрудничества и мира, даже в случае религиозных разногласий, всегда на основе общего признания единого Бога и уважения к священным текстам [8].

Мусульманское право в своей исторической практике проявляло высокую степень терпимости и уважения к религиозному многообразию, что наглядно иллюстрируется на примере Османской империи. Несмотря на статус ислама как государственной религии, османская система управления не только ограничивала права представителей других религий, но и обеспечивала им условия для автономного существования в рамках многоконфессионального общества. После падения Византии в XV–XVII веках на территории Османской империи продолжали активно функционировать значительные христианские и иудейские общины, которые в силу своих религиозных традиций сохраняли автономию и свободу вероисповедания. В отличие от других политических систем мира того времени Османская империя не пыталась навязать унификацию в религиозной сфере, а, напротив, способствовала интеграции и коэкзистенции различных конфессий. Одним из ярких проявлений этого подхода стало учреждение системы миллетов, которая обеспечивала религиозным меньшинствам организационную и административную независимость. Так, армянские, иудейские и другие христианские общины не только сохраняли возможность испове-

довать свою религию, но управляли своими внутренними делами, включая вопросы правосудия, образования и социальной защиты внутри строго очерченных территорий в городах. Эти автономные территориальные образования, по мнению Е.А. Резван, представляли собой как административные единицы, так и фактически служили своеобразными религиозными «государствами в государстве», что значительно усиливало внутреннюю стабильность империи.

Видный ученый и исследователь мусульманского права Л.Р. Сюкияйнен подчеркивал, что в Аравии среди бедуинов и берберских племен Северной Африки основным механизмом урегулирования межплеменных и внутриплеменных отношений служили устные правила, обычаи, которые выполняли роль неформальных правовых норм [3].

Ислам не только исполнил роль духовного проводника для своих последователей, но и стал мощным фактором межцивилизационного диалога, способствуя формированию связующего звена между различными народами, культурами и традициями. К примеру, населенный египтянами, коптами, римлянами и евреями Египет стал исламским; берберы и другие народы Северной Африки также стали мусульманами. Также есть примеры, когда представители других религий продолжали исповедовать свою религию (в настоящее время в Иране, Турции, Ливане, Сирии и др.).

В современной действительности ценности религиозной свободы также являются актуальными, в частности для Республики Беларусь. В своем послании белорусскому народу и Национальному собранию, произнесенном 31 марта 2023 года, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко акцентировал внимание на центральной роли духовно-нравственных ценностей в процессе укрепления национальной идентичности и социальной сплоченности. Выступая перед депутатами Парламента, руководителями государственных органов, представителями дипломатического корпуса, религиозных общин, а также различных слоев гражданского общества, он отметил: «И конечно, мы рады принимать в свою национальную семью всех, кто разделяет наши духовно-нравственные принципы, кто так же, как и мы, беспокоится о будущем, хочет воспитать своих детей на традиционных ценностях» [9]. Это заявленная приверженность традиционным ценностям и духовно-нравственному фундаменту рассматривается как важнейший фактор национальной устойчивости и долгосрочного социального прогресса, на основе которых

выстраиваются ключевые ориентиры государственной политики. Принципы, акцентированные в выступлении, свидетельствуют о стремлении к сохранению культурного и морального базиса, который способствует не только обеспечению стабильности, но и содействует консолидации общества в условиях современных вызовов в мире. Глава государства подчеркнул, что традиционные ценности общества – это основа устойчивости государства [9].

Необходимо особо выделить значимость глобальной инициативы «Всемирная неделя гармоничных отношений», которая проводится ежегодно в первую неделю февраля в рамках деятельности Организации Объединенных Наций. Идея данного мероприятия была выдвинута королем Иордании Абдаллой II в его обращении на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 3 сентября 2010 года: «... люди во всем мире тесно связаны друг с другом, причем не только взаимными интересами, но и общими заповедями о любви к Богу и ближнему, любви к добру и ближнему своему» [10]. Это заявление отражает концептуальный посыл инициативы, направленной на укрепление межконфессиональной гармонии и продвижение идеи добрососедства и взаимопонимания между народами и культурами. Цель «Всемирной недели гармоничных отношений», предложенной королем, заключается в поддержке и распространении ценностей межрелигиозного диалога и доброй воли, с акцентом на взаимное уважение и признание духовных основ всех мировых религий. Это мероприятие стремится создать платформу для развития взаимного уважения и содействия миру через почитание универсальных моральных принципов любви и добра, которые занимают центральное место в различных ремизных традициях. Его задача – вдохновлять религиозные сообщества по всему миру на действия, направленные на утверждение этих ценностей в храмах, мечетях, синагогах и других местах поклонения, что, в свою очередь, способствует развитию глобальной культуры мира и взаимопонимания. Таким образом, эта инициатива представляет собой не только практическое, но и философское стремление к созданию единого глобального пространства, где преобладают принципы гармонии и духовной сопричастности, преодолевающие религиозные и культурные различия и способствующие укреплению мира на всех уровнях межгосударственных и межкультурных отношений.

Так, духовно-религиозная составляющая политико-правового потенциала мусульманского права реализуется через систему соответствующих традиционных ценностей, обеспечивающих основу устойчивости государства и общества и способствующих обеспечению конструктивных межгосударственных связей.

Государственно-идеологическая составляющая политико-правового потенциала мусульманского права в данном контексте выступает своего рода «надстройкой» религиозно-духовной основой, которая представляет собой ее «базис», фундамент. Она реализуется посредством активного участия исламских организаций и стран в решении проблем на международной арене, также через социальные институты и культурные мероприятия. Шариат обуславливает регулирование не только религиозных, но и социальных, политических, экономических аспектов жизнедеятельности мусульман. В данной связи Ислам можно считать всеобъемлющим основанием государственной идеологии. В мусульманском праве религия и идеология тесно взаимосвязаны и практически неразделимы, так как его нормы базируются на религиозных источниках – Коране, Сунне, Иджме и Кийасе.

Идеологическая особенность религиозного свойства политико-правового потенциала мусульманского права прежде всего основана на идее величия Всевышнего Аллаха, который стоит над Вселенной, человеком и жизнью. Идеология мусульманских стран базируется на таких принципах, как уважение и терпимость к другим религиям, взаимопомощь, солидарность и коллективная ответственность.

Вместе с тем необходимо отметить, что во многих странах прослеживаются грубые вопиющие случаи оскорбления духовной основы мусульманского мира. В качестве примеров можно привести факты, происходившие и происходящие в странах Запада: сожжение основного источника мусульманского права – Корана в 2023 году в Швеции и Дании, организованное датским политиком и адвокатом Расмусом Палуданом. Данный акт он оправдал как «свободное волеизъявление человека», что ставит под сомнение границы свободы выражения мнений в контексте уважения к религиозным убеждениям и правам других людей. В том же году аналогичная акция была совершена гражданином Швеции. Примечательным в упомянутом контексте является заявление Премьер-министра страны Ульфа Кристерссона, который, комментируя эти события, подчеркнул,

что «данное действие является законным» [11]. Такое официальное оправдание акта осквернения священной для миллионов мусульман книги с позиции закона открывает путь для легитимации действий, нарушающих основные принципы уважения к религиозной чувствительности и правам верующих. Многие авторы, среди которых ученые (В.Х. Акаев, А.Э. Мамедов, Л.А. Морозова, Д.О. Усанов) и общественные деятели (А.Ф. Дарьян, В.Р. Легойда, Х.И. Таха и др.) [12], отмечают, что такого рода действия, нарушающие и оскорбляющие религиозные чувства человека, стали возможными в результате вытеснения сформированных тысячелетиями традиционных ценностей нетрадиционными, пропагандируемыми во многих странах Запада.

В ответ на вышеописанные инциденты с осквернением Священного Корана Совет Организации Объединенных Наций по правам человека 12 июня 2023 года принял резолюцию, осуждающую проявления религиозной ненависти, подстрекающие к дискриминации, вражде или насилию. В данном документе содержится решительное осуждение любой формы пропаганды религиозной ненависти, включая публичные акты осквернения священных текстов, таких как Священный Коран, и утверждается необходимость привлечения виновных к ответственности на основании международных норм прав человека. Важнейшей частью резолюции стало напоминание о том, что государства должны соблюдать обязательства, вытекающие из международного права, направленного на защиту прав и свобод личности, в том числе в контексте защиты религиозных чувств и недопущения насилия, разжигаемого религиозной нетерпимостью [13]. Такие акты, оправдываемые как проявление свободы слова или волеизъявления, в действительности способствовали серьезному переосмыслению взаимоотношений между странами Запада и мусульманским миром. Публичные акты осквернения религиозных текстов под флагом демократии и прав человека не только ставят под сомнение фундаментальные принципы уважения к религиозным и культурным чувствам, но и становятся факторами эскалации межкультурных конфликтов. В упомянутом контексте вышеприведенные инциденты ставят на повестку дня важнейший вопрос о необходимости пересмотра механизма балансировки прав на свободу выражения и защиты от религиозных оскорблений.

Ислам выступает краеугольным камнем для создания международных организаций: Всемирной

исламской лиги (ВИЛ), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Лиги арабских государств (ЛАГ), Исламского банка развития (ИБР), Исламской восьмерки, Всемирного исламского конгресса и др. Эти организации устанавливают партнерские отношения с ООН, ЕС и другими международными организациями и государствами для решения глобальных вопросов в области инфраструктуры, энергетики и социального развития. Положения о взаимодействии с государствами и международными организациями прописаны в Коране (сура 8, аят 61), где говорится о принципах мирного сосуществования и необходимости готовности к дипломатическому разрешению конфликтов в случае, если другая сторона демонстрирует стремление к миру [8].

Всемирная исламская лига, созданная в 1962 году, – ведущая организация в мусульманском мире. Ее штаб-квартира находится в Мекке (Саудовская Аравия). В состав этой организации входят 29 государств. Она имеет консультативный статус при ООН. ВИЛ включает такие подразделения, как Всемирный высший совет мечетей, Высший комитет по делам ислама, Академию исламского фикха и Международную исламскую организацию помощи. Организация имеет четыре региональных совета: Совет Европы; Африканский совет; Совет Северной и Южной Америки, Карибского бассейна; Азиатский совет. Основными направлениями деятельности ВИЛ являются развитие социально-духовных, научно-образовательных и культурных связей мусульманских стран, пропаганда вероучения ислама, содействие строительству мечетей и медресе, принятие фетв по текущим вопросам, оказание поддержки мусульманским государствам, пострадавшим от вооруженных конфликтов и стихийных бедствий.

В конце марта 2019 года ВИЛ провела в Москве Всемирную конференцию с участием 43 стран по вопросам милосердия, мира и религиозных ценностей. Ее целью стало продвижение ценностей мирного сосуществования, активизация работы гуманитарного и общенационального направлений. В конференции принимали участие старшие муфтии, ученые, лидеры общественного мнения, представители интеллигенции и политики, а также религиозные лидеры различных конфессий.

Организация исламского сотрудничества включает в себя 57 государств, что охватывает 22% от населения планеты. Она является второй по величине межправительственной организацией после ООН и объединяет треть государств – членов этой

организации [14]. ОИС играет особую роль в решении арабо-израильского конфликта, борьбе с международным терроризмом и оказание в этой связи поддержки Ираку и Афганистану.

Страны мусульманского мира не стремятся навязать свои ценности другим странам, они выстраивают свои отношения исходя из принципов «невмешательства в дела других стран» и уважения их суверенитета, что служит благодатной почвой для развития межгосударственных связей, взаимопроникновения культур, распространения духовных ценностей.

К примеру, в последнее время наблюдается активное стремление Республики Беларусь развивать межгосударственные связи со странами мусульманского мира. Об этом свидетельствуют визиты Президента Республики Беларусь в регионы Ближнего Востока. В частности, Глава государства дважды посещал ОАЭ (25.01.2023 г. и 02.02.2023 г.). Позднее двухсторонняя встреча была организована 30.11.2023 г. в рамках Всемирного саммита по борьбе с изменением климата, проходившим под эгидой ООН. В 2024 г. А.Г. Лукашенко совершил визиты в ОАЭ, Оман, Пакистан, а также провел встречу в рамках БРИКС с новым руководителем Исламской Республики, на Всемирном саммите по борьбе с изменением климата встретился с президентом ОАЭ в рамках неформального ужина.

Также Беларусь активно развивает отношения с такими центрально-азиатскими странами, как Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан и Туркменистан. В частности, 13.10.2022 г. лидеры Беларуси и Казахстана провели двухстороннюю встречу, где были обсуждены перспективы развития белорусско-казахского многопланового сотрудничества. Особо место на встрече заняли вопросы активизации торгово-экономического взаимодействия и производственной кооперации. 26.12.2023 г. Глава белорусского государства провел двухстороннюю встречу с Президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым, где лидеры обсудили вопросы развития двухсторонних отношений, а также договорились о выработке плана мероприятий совместной работы на предстоящие годы.

В 2016 году Республика Беларусь была лично приглашена Президентом Турецкой Республики Реджепом Тайипом Эрдоганом на саммит Организации исламского сотрудничества в Стамбуле. Беларусь не является членом данной организации, поэтому ее приглашение на этот саммит

свидетельствует об особом статусе белорусско-турецких отношений. Участие Республики Беларусь в качестве наблюдателя в ОИС не дает права голоса, однако позволяет повысить уровень осведомленности белорусской стороны о процессах, которые происходят в исламском мире. Беларусь нацелена не только развивать торгово-экономические и инвестиционные отношения со странами ОИС, но также играть значительную роль на политической арене. Об этом свидетельствует готовность Республики Беларусь с миротворческим посылом принимать участие в урегулировании конфликтов и кризисов, в которые вовлечены и исламские страны. Беларусь также сотрудничает в военно-технической сфере с такими странами мусульманского мира, как Турция, Катар, Индонезия, Объединенные Арабские Эмираты, Азербайджан, Пакистан и др.

Анализ современного межгосударственного взаимодействия Республики Беларусь с мусульманским миром позволяет обозначить следующие ключевые стратегии: *политическое сотрудничество* (регулярные встречи и переговоры лидера Беларуси с лидерами Саудовской Аравии, Ирана, Турции по вопросам региональной безопасности и двустороннего взаимодействия; участие Беларуси в саммите ОИС); *экономическая кооперация* (развитие торговли и совместных проектов в энергетике, инфраструктуре между ОАЭ, Ираном, Турцией и др.); *гуманитарное сотрудничество* (проведение совместных образовательных, научных и культурных программ); *межрелигиозный диалог* (проведение совместных форумов, конференций по вопросам межконфессионального взаимодействия); *противодействие экстремизму* (обмен информацией по борьбе с терроризмом: Закон Республики Беларусь 24 мая 2024 г. № 9-3 «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в области безопасности и противодействия терроризму между Правительством Республики Беларусь и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов»).

По мнению Р.И. Беккина, несмотря на то, что религия является базисом Исламского банка развития, он финансирует совместные проекты с другими немусульманскими государствами в области инфраструктуры, энергетики и других сферах (сотрудничество со странами Африки, Азии, Латинской Америки) [15].

В сфере культуры государство придает важное значение отмечанию традиционных исламских праздников (Курбан-байрам, Рамадан и др.), которые признаются во всем мире независимо

от территориальной принадлежности мусульман. Эти религиозно-культурные события имеют ценность также для немусульманских стран и поддерживаются ими (Германия, США, Великобритания, Российская Федерация, Республика Беларусь и др.). Официальные лидеры стран поздравляют всех мусульман, на государственном уровне создаются необходимые условия для празднования, организуются встречи с представителями других религий и т.п. Так, в рамках культурного взаимодействия люди из разных стран могут знакомиться с Исламом, что способствует укреплению межгосударственных связей. С этой же целью проводятся научные, образовательные, социально-политические мероприятия. К примеру, Международная религиозная конференция «Ислам – послание милости и мира», Международный день исламского искусства, Всемирная конференция в поддержку Пророка, международные торжества в честь появления Ислама на землях других стран и т.п.

Республика Беларусь имеет свою собственную, исторически сложившуюся систему взаимодействия с мусульманским миром. Международные торжества, посвященные 625-летию появления Ислама на территории Беларуси, состоявшиеся 24–25 ноября 2022 года в Минске, стали важным культурным и политическим событием, символизирующим глубину взаимодействия и взаимопонимания между мусульманским миром и белорусским обществом. Мероприятия, организованные Мусульманским религиозным объединением в Республике Беларусь с поддержкой Международной Общественной Палаты созыва 2020–2025 гг., привлекли внимание значительных фигур, представляющих не только Беларусь, но и множество стран, включая Россию, Турцию, Иран, Катар, Саудовскую Аравию, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Сирию, Палестину, Судан, Ливию и Болгарию. Участие такого разнообразного контингента подчеркивает глобальный характер этого события, его значимость в контексте межкультурных и межрелигиозных отношений. В ходе торжеств прозвучали выступления, которые акцентировали важность роли мусульманской общины в развитии белорусского государства и общества как в исторической перспективе, так и в современности. Уполномоченный по делам религий и национальностей Республики Беларусь А.А. Румак отметил вклад мусульман в стабильность и гармонию в стране, подчеркнув их активную роль в сохранении межрелигиозного мира и содействия национальному единству. В своей речи

Сопредседатель Международной Общественной Палаты созыва 2020–2025 гг. А.С. Олышевский выделил Беларусь как уникальный пример государства, где удается достигать исключительно высокого уровня межэтнического и межконфессионального согласия. Он подчеркнул, что Беларусь представляет собой модель для других стран, где разнообразие религиозных и этнических групп не становится причиной конфликтов, а наоборот, способствует созданию гармоничного социального пространства [16].

В настоящее время в Республике Беларусь существуют 24 мусульманские религиозные конфессии, 6 мечетей, 2 молитвенных дома. 11 ноября 2016 г. состоялось официальное открытие Соборной мечети в Минске с участием Президента Беларуси А.Г. Лукашенко и Президента Турции Р.Т. Эрдогана.

Анализ деятельности Республики Беларусь в сфере развития двухсторонних отношений со странами мусульманского мира позволяет выявить ее высокий потенциал в данном направлении. Однако для совершенствования данных отношений необходимо глубже понять правовую культуру, менталитет, идеологию и сознание. Учитывая вектор развития международных отношений в мире и важность совершенствования двухсторонних связей со странами мусульманского мира, мы предлагаем создать при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь Департамент по Мусульманским Странам (Department of Muslim Countries). Его цель заключается в развитии политических, экономических, социально-культурных и гуманитарных связей Республики Беларусь со странами мусульманского мира, содействии взаимопониманию и доверию между Республикой Беларусь и мусульманскими странами на основе диалога и сотрудничества, повышении роли Республики Беларусь в межгосударственных связях с мусульманским миром.

В качестве основных задач Департамента могут выступать:

- а) анализ и мониторинг политического, экономического и социально-культурного положения в странах мусульманского мира;
- б) разработка и реализация программ развития межгосударственных связей Республики Беларусь с мусульманскими странами;
- в) координирование деятельности государственных органов и общественных организаций Республики Беларусь по вопросам взаимодействия и сотрудничества со странами мусульманского мира;

г) поддержка и развитие культурно-гуманитарных, социально-культурных связей, включая межрелигиозное общение, обмен визитами и научные проекты;

д) развитие экономического сотрудничества, в том числе привлечение инвестиций и реализация совместных экономических проектов;

е) проведение информационно-просветительской работы, направленной на повышение взаимопонимания и укрепление имиджа Республики Беларусь в мусульманском мире.

Данные задачи будут реализовываться структурными подразделениями Департамента.

Заключение. В мусульманском праве политические, социальные, экономические и другие виды отношений основаны на ценностях, прописанных в священных исламских писаниях, что фактически интегрирует религию и идеологию в мусульманском обществе. Политико-правовой потенциал мусульманского права в контексте межгосударственного взаимодействия может быть реализован в единстве духовно-религиозной и государственно-идеологической составляющих. Их глубокое осознание создает благоприятные предпосылки для развития конструктивного межгосударственного сотрудничества, основанного на взаимопонимании, безопасности, миролюбии и терпимости. Попытки отдельных стран Запада оказать свое влияние на традиционные ценности государств с иным историческим путем приводят к сопротивлению и принятию необходимых шагов, отвечающих их интересам в сфере межгосударственного взаимодействия.

Результаты анализа опыта межгосударственного взаимодействия Республики Беларусь с мусульманскими странами позволяют констатировать наличие сложившегося механизма продуктивного межгосударственного взаимодействия. Создание при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь Департамента по Мусульманским Странам позволит совершенствовать межгосударственный диалог со странами мусульманского мира.

Литература

1. Бехруз, Х. Правовые ценности в исламской и западной правовых традициях: сравнительно-правовой ракурс / Х. Бехруз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 5. – С. 152–162.

2. Резван, Е.А. Милла / Е.А. Резван // Ислам: энциклопедический словарь; отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – 315 с.

3. Сюкияйнен, Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики / Л.Р. Сюкияйнен. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

4. Global Religion 2023 [Religious Beliefs Across the World]. – URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2023-05/Ipsos%20Global%20Advisor%20-%20Religion%2023%20Report%20-%2026%20countries.pdf>. (date of access: 22.09.2024).

5. Ораметов, Э.Д. Социальные ценности как основа мусульманской правовой системы / Э.Д. Ораметов // Право. Экономика. Психология. – 2024. – № 3(35). – С. 12–17.

6. Мамедов, А.Э. Защита чувств верующих: переосмысление проблемы / А.Э. Мамедов // Мировой судья. – 2022. – № 2. – С. 22–28.

7. Коран: смысловой перевод / пер. с араб. Э. Р. Кулиева. – М.: Умма, 2022. – 1312 с.

8. Коран онлайн: [сайт]. – URL: <https://quran-online.ru/> (дата обращения: 22.09.2024).

9. Послание белорусскому народу и Национальному собранию: [сайт]. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-u-sostoitsya-31-marta> (дата обращения: 22.09.2024).

10. King, M. Abdullah proposes World Interfaith Harmony Week at the UN / M. King. – URL: <https://worldinterfaithharmonyweek.com/h-m-king-abdullah-proposes-world-interfaith-harmony-week-at-the-un/> (date of access: 22.05.2024).

11. Это демократия? Зачем в Швеции сожгли Коран и как на это отреагировали в мире: [сайт]. – URL: <https://www.belta.by/world/view/eto-demokratija-zachem-v-shvetsii-sozhgli-koran-i-ka-k-na-eto-otreagirowali-v-mire-574467-2023/> (дата обращения: 22.09.2024).

12. Многие страны решительно осудили антиисламскую провокацию в Швеции: [сайт]. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/#> (дата обращения: 22.09.2024).

13. Резолюция Совета ООН по правам человека от 12 июля 2023 года № 53/1 «Противодействие религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию»: [сайт]. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/hr-bodies/hrc/documents> (дата обращения: 22.09.2024).

14. Башир, А. Исламский мир в современной мировой политике / А. Башир // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2009. – № 3. – С. 35–45.

15. Беккин, Р.И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.14 / Ренат Ирикович Беккин; Ин-т Африки Рос. акад. наук. – М., 2009. – 50 с.

16. Международные торжества в честь 625-летия Ислама на землях Беларуси: [сайт]. – URL: <https://op-soyuz.ru/> (дата обращения: 22.09.2024).

Поступила в редакцию 23.12.2024

Взаимозависимость продовольственной и экологической безопасности в контексте новой регионализации

Солодовников С.Ю.¹, Чжун Тайян², Сяо Лю³

¹Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

²Нанкинский университет

³Северо-Восточный университет

При рассмотрении эволюции продовольственной и экологической безопасности необходимо учитывать современную динамику мировых геополитических и политико-экономических процессов. Важнейшими тенденциями сегодня являются новая регионализация и переход к экономике рисков. Поэтому взаимосвязь и взаимозависимость продовольственной и экологической безопасности должна быть рассмотрена с учетом названных феноменов.

Цель статьи – раскрыть взаимозависимость продовольственной и экологической безопасности в контексте новой регионализации.

Материал и методы. В процессе работы использовались системный и институциональный подходы, анализ, синтез. Материалом для написания статьи послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, а также результаты ранее проведенных авторами исследований, включая полученные в процессе выполнения НИИР «Исследование теории и практики зеленой экономики для обеспечения экологической безопасности в Китае и Беларуси» результаты.

Результаты и их обсуждение. Исследование начинается с рассмотрения влияния новой регионализации и экономики рисков на обеспечение продовольственной и экологической безопасности. Раскрыты особенности обеспечения продовольственной и экологической безопасности в условиях новой регионализации. Показана взаимообусловленность и взаимозависимость продовольственной и экологической безопасности в современных геополитических и геоэкономических реалиях.

Заключение. Установлено, что для обеспечения продовольственной и экологической безопасности также следует продолжать: решать проблему трудodeфицитности в сельском хозяйстве за счет ускоренной модернизации на основе опережающей цифровизации и роботизации аграрного производства, а также разработки программы привлечения высококвалифицированной иностранной рабочей силы в АПК; совершенствовать систему поддержания приусадебного хозяйства и сбора дикорастущих растений путем создания современной системы закупки этой продукции, ее хранения и переработки; повышать урожайность и экологичность используемых сортов; усиливать кооперационные связи с Российской Федерацией и развивать импортозамещение в АПК; усилить государственную поддержку в формировании сельскохозяйственных кластеров, технопарков; совершенствовать работу вузов и колледжей по подготовке специалистов для сельского хозяйства.

Ключевые слова: зеленая экономика, продовольственная безопасность, экологическая безопасность, новая регионализация.

Interdependence of Food and Environmental Security in the Context of New Regionalization

Solodovnikov S.Yu.¹, Taiyang Zhong², Xiao Lyu³

¹Education Establishment "Belarusian National Technical University"

²Nanjing University

³Northeastern University

When considering the evolution of food and environmental security, it is necessary to take into account the current dynamics of global geopolitical and political-economic processes. The most important trends today are new regionalization and the transition to the risk economy. Therefore, the relationship and interdependence of food and environmental security should be considered taking into account the above-mentioned phenomena.

The purpose of the article is to reveal the interrelation of food and environmental security in the context of new regionalization.

Material and methods. The study used systemic and institutional approaches, analysis, and synthesis. The materials for the article were scientific works of domestic and foreign economists, as well as the results of previous studies by the authors, including the results obtained in the course of the research work "Study of the Theory and Practice of Green Economy to Ensure Environmental Safety in China and Belarus".

Findings and their discussion. The study begins with an examination of the impact of new regionalization and risk economy on ensuring food and environmental security. The features of ensuring food and environmental security in the context of new regionalization are revealed. The interdependence of food and environmental security in modern geopolitical and geoeconomic realities are shown.

Conclusion. It was established that in order to ensure food and environmental security, it is also necessary to continue: solving the problem of labour shortage in agriculture through accelerated modernization based on advanced digitalization and robotization of agricultural production, as well as developing a program to attract highly qualified foreign labour to the agro-industrial complex;

improving the system of maintaining household plots and collecting wild plants by creating a modern system for purchasing these products, storing and processing them; increasing the yield and environmental friendliness of the varieties used; strengthening cooperative ties with the Russian Federation and developing import substitution in the agro-industrial complex; strengthening state support in the formation of agricultural clusters, technology parks; improving the work of universities and colleges in training specialists for agriculture.

Key words: *green economy, food security, environmental security, new regionalization.*

Проблемы и перспективы обеспечения продовольственной безопасности в условиях новой регионализации являются важным направлением научных исследований, что подтверждается десятками тысяч русскоязычных публикаций на эту тему. Ввиду такого огромного количества публикаций на данную тему, нами оставляется за собой право даже не пытаться их все проанализировать в этой работе. Более того, это не только невозможно, но и в этом нет необходимости, поскольку прошло не так много времени с начала новой регионализации как международного ответа на несправедливость англо-саксонской глобализации. Потребуется еще годы и усилия многих ученых – политэкономов, социальных философов, политологов и историков, – прежде чем можно будет системно оценить новую регионализацию. Поэтому в рамках нашего исследования будем использовать лишь те работы, которые представляются гносеологически интересными, исходя из цели нашего исследования.

В современных геополитических и геоэкономических реалиях возрастает влияние на продовольственную и экологическую безопасность такого нового политико-экономического феномена, как экономика рисков. Напомним, что под последней нами понимается экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых, продовольственных и экологических неопределенностей и рисков. В отличие от традиционных экономических рисков как возможности потерь хозяйствующими субъектами вследствие рыночной неопределенности, в современной экономике политико-экономическая неопределенность становится постоянно действующим фактором, во многом обуславливающая трансформацию мировой и национальной экономики. В отличие от непредсказуемости так называемых «черных лебедей» или «эффектов сверхуверенности», в экономике рисков политико-экономические риски становятся не случайным, а постоянным фактором хозяйственной деятельности [1, с. 16]. Это позволяет их предсказывать, если и не предсказы-

вать, то по крайней мере к ним готовиться, как бы парадоксально на первый взгляд это не звучало, исходя из самого выше приведенного определения экономики рисков. Также следует отметить, что математические методы для этих прогнозов мало информативны, а в мировой практике скорее используются не как инструмент научного осмысления происходящего как первого этапа противодействия новым вызовам, рискам и угрозам, а как идеологическое оружие, направленное на придание наукоподобия рекомендациям, контролируемым англосаксонскими элитами, международных организаций (МВФ, МБРР и т.д.). Современный рандомизм с его «золотым стандартом» – яркое тому подтверждение.

Даже в самой современной политико-экономической неопределенности при использовании цивилизационного и синергетического подходов можно увидеть некоторые тенденции, которых достаточно много, но при известных субъективно обусловленных обстоятельствах они могут стать если и не господствующими трендами, то вызвать кратко- и среднесрочные социальные, политические, экономические и демографические шоки уж точно. Повышенная неопределенность современной хозяйственной деятельности обуславливается происходящим кризисом англосаксонской программы мирового господства, которая реализовывалась европейскими, а позднее и североамериканскими политическими и финансовыми элитами на протяжении последних пятисот лет. Близость краха этой системы, усиливающая глобальное противостояние между теми, кто уже не может управлять по-старому, но хочет при этом жить по-старому, потребляя в разы (а может, и на порядки) больше, чем они производят, и теми, кто хочет жить по-новому.

Важным козырем англосаксонских элит в этой борьбе является многовековой опыт политического, идеологического, культурного и экономического обмана, институционально закрепленный и умело защищаемый существующей системой «международного права». Идеологический фактор, заставляющий лидеров многих стран очертя голову бросаться защищать интересы англосак-

сонских элит, поддерживая таким образом «свободный мир», только на первый взгляд является субъективным фактором. В основе же этой идеологии лежит вполне реальная политико-экономическая сила названных элит, достаточная, чтобы принудить страны ЕС защищать интересы США «до последнего» промышленного и энергетического гиганта на европейской территории. Названной силой выступает многое – это и доллар как глобальная валюта, это и подкуп, а может и запугивание национальных элит, это и, конечно же, современные общественно-функциональные технологии, применяемые в конкурентной борьбе, «в своей совокупности представляющие не летальные формы информационного оружия, нацеленного как на отдельных индивидов, так и на большие группы людей, социальные классы, общество в целом» [2, с. 89]. Да еще и многое другое. В нашем случае важны не конкретные инструменты реализации этой политико-экономической силы, а, во-первых, то, что сегодня большинство стран и народов уже вступили в борьбу с англосаксонским владычеством и неплохо с этим справляются. Хотя для окончательной победы англосаксонских элит потребуется еще время, и, во-вторых, то, что политико-экономическая методология позволяет определять многие, хотя и не все, эти риски и, соответственно, к ним готовиться, быстрее на них реагировать, а значит, минимизировать причиняемый ими ущерб.

Следует также отметить, что решить политико-экономические проблемы экономики рисков нельзя без теоретического осмысления взаимозависимости экономики рисков с современной технологической, финансовой, продовольственной и экологической неопределенностью и рисками, ее порождаемыми. Понять природу экономики рисков – значит научиться им противостоять. Без обновления методологии политической экономии это будет невозможно.

Материал и методы. В процессе работы использовались системный и институциональный подходы, анализ, синтез. В качестве материала для написания статьи послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, а также результаты ранее проведенных авторами исследований, включая полученные в процессе выполнения НИР «Исследование теории и практики зеленой экономики для обеспечения экологической безопасности в Китае и Беларуси» результаты.

Результаты и их обсуждение. Экономика рисков и новая регионализация оказывают зна-

чительное влияние на обеспечение продовольственной и экологической безопасности. Российский экономист И.В. Щетинина справедливо отмечает по этому поводу: «Вопросы продовольственной безопасности в условиях СВО и международных ограничений приобретают новую актуальность. Неправомерные международные санкции, рост миграционных потоков в РФ, снижение количества и качества трудовых ресурсов на селе, рост экспорта продукции и цен на продовольствие и пр. порождают риски снижения физической и экономической доступности продуктов питания в России. В числе направлений выхода из сложившейся ситуации могут быть: разработка продовольственных балансов с учетом дополнительных потребностей в стране, увеличение стратегических запасов продуктов питания, дифференцированный подход к стимулированию экспорта продовольствия, переход на взаиморасчеты в надежных валютах, приостановка членства в ВТО, создание благоприятных условий для повышения уровня квалификации работников села, в том числе за счет программы репатриации соотечественников» [3, с. 77]. Действительно, процессы новой регионализации значительно усилились после начала открытого военного противостояния России и Украины, сопровождаемого активными действиями западных стран по организации санкционного давления на Российскую Федерацию и Республику Беларусь. Эти действия представителей англосаксонского мира вызвали открытое или скрытое противодействие со стороны большинства стран мира, что и послужило политико-экономическим катализатором новой регионализации. Быстрое изменение геополитических и геоэкономических реалий не могло не повлиять на продовольственную и экологическую безопасность. В результате новые вызовы в сфере продовольственной безопасности наложились на традиционные проблемы, часть из которых уже была актуальна и в СССР.

К числу последних следует отнести возрастающую трудовую дефицитность сельского хозяйства как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь. Л.Н. Липатова, О.В. Кужельная, Е.В. Строкан и М.С. Пылькина подчеркивают: «Итоги Всероссийской переписи населения показали, что сельское население продолжает сокращаться и быстро стареет, а удельный вес населения в трудоспособном возрасте уменьшился с 59,2% в 2010 г. до 55,7% в 2021 г., несмотря на расширение границ трудоспособного возраста. Численность занятых в экономике сельских пен-

сионеров составляет 900 тыс. чел. Кроме того, далеко не все граждане готовы работать в сельском хозяйстве. Следовательно, ресурсы для восполнения, а тем более расширения численности работников, занятых в сельском хозяйстве, среди сельского населения весьма скудны. Современная демографическая динамика может стать серьезным ограничением в развитии сельского хозяйства и обеспечении стабильности продовольственного рынка страны <...> Для решения проблемы дефицита высококвалифицированных кадров предлагается ввести плановое распределение выпускников учебных заведений сельскохозяйственного профиля, прошедших обучение на бюджетной основе» [4, с. 3]. Следует отметить, что такого рода распределение в Республике Беларусь существует, но само по себе оно не может решить проблему трудодефицитности сельского хозяйства. При этом необходимо учитывать, что даже распределенные выпускники учебных заведений сельскохозяйственного профиля после обязательной отработки положенного срока могут поменять место работы и жительства, в том числе переехав в город. Кроме того, для обеспечения нормальных условий жизни в сельских населенных пунктах, обеспечения в них социальных условий, близких к городским, требуются не только специалисты, окончившие учебные заведения сельскохозяйственного профиля, но и многие другие: учителя, врачи и медсестры, строители, водители и т.д. Таким образом, решить проблему сохранения и воспроизводства трудовых ресурсов в сельской местности вообще и в сельском хозяйстве, в частности, можно только за счет ускоренной модернизации сельскохозяйственного производства на основе опережающей цифровизации и рациональной (т.е. там, где это экономически целесообразно) роботизации аграрного производства, что также нужно учесть в предлагаемой отечественными исследователями к разработке и принятию «стратегии развития робототехники в Республике Беларусь» [5, с. 68]. Ускоренная модернизация сельскохозяйственного производства должна сопровождаться для жителей деревень и поселков городского типа улучшением транспортной связи с городами, а соответственно, возможностью ими использования услуг, доступных сегодня только в крупных городах. Как отмечается в литературе, «развитие транспортной инфраструктуры позволяет снижать государственные инвестиции в выравнивание обеспеченностью социальной инфраструктурой городов агломерации» [6, с. 42]. То же касается и сельской мест-

ности. В Республике Беларусь уже проведена значительная работа по улучшению качества дорог и дорожной инфраструктуры. В этом смысле наше село находится в лучшем положении, чем в России, поскольку в последней намного больше расстояния между крупными городами и большинством сельским поселений.

Поскольку «динамика трудовых отношений в Республике Беларусь носит системный характер и соответствует существующим сегодня глобальным и региональным тенденциям» [7, с. 6], в сфере регулирования трудовых отношений может быть использован российский опыт. В этом плане очень показателен опыт Амурской области Российской Федерации. Губернатор области В.А. Орлов рассказал: «Пять лет назад мы решили запретить применение иностранной рабочей силы в сельском хозяйстве и золотодобыче – не только китайской, но и из СНГ. Решение было жесткое, болезненное, многие приняли его в штыки, доказывали, что на селе работать некому, что народ спился. Однако через пять лет ВНЕЗАПНО выясняется, что если платить нормальные деньги, то и люди есть, и техникой они управлять умеют, и не пьют. Показатели в сельском хозяйстве с тех пор выросли, вклад сельского хозяйства в ВРП удвоился, а урожаи сои вообще достигли рекордных показателей. Более того – это решение нас спасло в ковид. Есть некоторые регионы – не буду называть – которые не запретили иностранную рабочую силу и в ковид оказались в плохой ситуации. На нас это вообще никак не повлияло» [8]. Это еще раз подтверждает, что если для решения проблемы продовольственной безопасности в Республике Беларусь и привлекать рабочую силу из-за границы, то только высококвалифицированную. В этом плане представляется перспективным прием трудовых мигрантов из ЕС, прежде всего, ФРГ. Последнее с учетом усиления экономики рисков в новых геополитических и геоэкономических реалиях представляется достаточно близкой перспективой.

В Республике Беларусь сегодня накоплен значительный опыт по обеспечению продовольственной безопасности за счет отечественного АПК. Модернизация сельскохозяйственного производства, производство в рамках импортозамещения новых видов отечественных продовольственных товаров будет еще более эффективными, если при этом будут использоваться не только европейские технологии и оборудование, но и привлекаться к этому процессу рабочая сила из технологически развитых регионов ЕС. Организационно-управленческой

составляющей модернизации сельского хозяйства, включающей изменение подходов к управлению трудом, должно быть уделено особое внимание, поскольку сегодня человеческий капитал становится наиважнейшим экономическим ресурсом [9; 10].

В качестве еще одной угрозы продовольственной безопасности стоит назвать ослабление такого фактора, как «поддержания стабильности системы продовольственного обеспечения, как производство сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения, что связано со старением населения и отсутствием эффективных механизмов закупки сельскохозяйственной продукции и инфраструктуры для ее хранения» [4, с. 3]. Для противодействия этому следует продолжать совершенствовать систему поддержания приусадебного хозяйства и сбора дикорастущих растений путем создания современной системы закупки этой продукции, ее хранения и переработки. В этой потенциально перспективной нише уже сегодня может быть найдено оптимальное соотношение обеспечения продовольственной и экологической безопасности.

Следует учитывать, что на обеспечение продовольственной безопасности в современных условиях продолжает действовать такой негативный фактор, как высокая волатильность мировых цен на продовольствие. Как отмечает А.А. Потапова, «в период 2000–2010-х гг. в мире различались высокочастотные колебания волатильности цен на продовольствие, с конца 2021 г. начался затяжной период аномально высокой волатильности. <...> Несмотря на различия в причинах, вызывающих рост и волатильность цен на продовольствие, набор применяемых мер остается одинаковым в рамках направлений торговой политики, внутренней защиты производителей, потребителей и зависит от уровня развития страны. Достаточно распространен запрет на экспорт, однако он может быть рекомендован только как чрезвычайная краткосрочная мера, т.к. ограничение предложения лишь усиливает волатильность цен на мировом рынке и в конечном итоге способствует повышению цен в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В то же время смягчение импортных барьеров в ситуации нестабильности рынков – вполне адекватная мера <...> Поддержка производителей имеет целью стабилизировать их доходы, которые в период волатильности цен как на ресурсы, так и на сельскохозяйственную продукцию, нестабильности и удорожания в логистике могут значительно снижаться, что в свою очередь может угрожать продовольственной безопасности» [11, с. 97].

Так же одной из проблем продовольственной безопасности для России, актуальной еще в СССР, остается относительно низкая урожайность отечественных сортов. В частности, по этому поводу еще в 2010 г. говорил известный российский ученый-биолог А. Гапоненко: «Главная причина низкой рентабельности АПК России состоит в том, что российские сорта малоурожайны. Их урожайность в два-пять раз меньше по сравнению с аналогичными сортами в ЕС и США» [12, с. 81]. Названная проблема, несмотря на имеющиеся успехи в ее преодолении, остается актуальной для российского сельского хозяйства и в настоящее время. Низкая рентабельность сельского хозяйства вынуждает повышать ее за счет эксплуатации природных ресурсов. Соответственно, гармонизировать продовольственную и экологическую безопасность можно только за счет повышения урожайности используемых сортов. В Республике Беларусь ситуация с повышением урожайности отечественных сортов сегодня выглядит значительно лучше, чем в Российской Федерации. Вместе с тем нельзя забывать о том, что балльность сельскохозяйственных угодий в нашей стране может быть в 2–3 раза ниже, чем балльность российских черноземных регионов. Это требует еще больших усилий наших селекционеров. Без решения данной проблемы повышение рентабельности сельского хозяйства будет возможно только за счет ухудшения плодородия почв (т.е. за счет снижения экологической безопасности), а это не допустимо по отношению к будущим поколениям.

Процессы новой регионализации послужили значительным импульсом не только для обеспечения продовольственной безопасности, трансформируя к тому же взаимообусловленность и взаимозависимость продовольственной и экологической безопасности. Этот процесс для Республики Беларусь неразрывно связан с усилением кооперационных связей с Российской Федерацией [13]. Наш АПК достаточно эффективно занимает многие ниши, оставленные западными компаниями на рынке продовольствия и сельскохозяйственной техники, химии и биологии не только в Беларуси, но и в России.

Российские экономисты А.В. Минаков, И.Н. Сафиуллин и Л.В. Михайлова пишут: «Сельское хозяйство Российской Федерации является важной частью национальной экономики, основой обеспечения продовольственной безопасности страны. На развитие сельского хозяйства влияют как внутренние факторы (климат, экономика,

трудовые ресурсы, государственная поддержка отрасли и т.д.), так и внешние факторы (санкции недружественных стран, цены на мировом рынке и т.д.). Значимость повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной отрасли России на международном рынке возросла с началом проведения специальной военной операции в 2022 г., так как она столкнулась с новыми вызовами. В результате масштабного политического давления недружественных государств страна оказалась отрезанной от импорта необходимых для агропромышленного сектора техники, запчастей, технологий и семян, нарушились цепочки поставок, повысились цены на импортные товары, возникли проблемы с экспортом. Вопреки указанным трудностям, сельское хозяйство России, несмотря на снижение объемов производства растениеводческих продуктов, за счет роста показателей в молочном и мясном животноводстве, показывает устойчивые темпы увеличения совокупной продукции» [14, с. 191]. Написано российскими экономистами-аграриями, а как будто про нас. И это не случайно. Общность исторической судьбы двух братских народов – белорусского и российского, схожесть исторических вызовов, включая политико-экономическое место в новой глобализации приводит и к тому, что многие проблемы у нас схожи (но не одинаковы), поэтому и некоторые рекомендации вышеназванных авторов по проблемам повышения продовольственной безопасности страны в условиях новой регионализации будут применимы и в нашей стране. Они отмечают, что «основными рекомендациями по развитию сельскохозяйственной отрасли <...> являются: развитие импортозамещения, включая налаживание сельскохозяйственного машиностроения, развитие отечественной селекции и генетики, государственная поддержка формирования сельскохозяйственных кластеров, технопарков, расширение финансирования государственных программ развития, перестройка работы ВУЗов и подготовка специалистов для отрасли сельского хозяйства...» [14, с. 197].

Заключение. На основании вышесказанного можно сделать ряд обобщений и выводов по поводу обеспечения продовольственной и экологической безопасности, а также их взаимообусловленности и взаимозависимости в геополитических и геоэкономических реалиях новой регионализации. На эти процессы повлияла повышенная неопределенность современной хозяйственной деятельности, обусловленная происходящим кризисом англосаксонской программы мирового

господства, что сопровождается обострением глобального противостояния между теми, кто уже не может управлять по-старому, но хочет при этом жить по-старому, потребляя в разы (а может и на порядки) больше, чем они производят, и теми, кто хочет жить по-новому. Новые вызовы и угрозы продовольственной и экологической безопасности наложились на традиционные проблемы в этой сфере: в Беларуси возрастает трудовое дефицитность в сельском хозяйстве, решить которую можно только за счет ускоренной модернизации на основе опережающей цифровизации и роботизации аграрного производства. Нами установлено, что для решения проблемы продовольственной безопасности следует привлекать только высококвалифицированную иностранную рабочую силу (в среднесрочной перспективе это могут быть мигранты из технологически развитых стран ЕС, прежде всего, ФРГ). При этом следует придерживаться принципа нашего общества: от каждого – по способностям и труду, каждому – по социальной справедливости.

Для обеспечения продовольственной и экологической безопасности также следует продолжать: совершенствовать систему поддержания приусадебного хозяйства и сбора дикорастущих растений путем создания современной системы закупки этой продукции, ее хранения и переработки; повышать урожайность и экологичность используемых сортов; усиливать кооперационные связи с Российской Федерацией и развивать импортозамещение в АПК; усилить государственную поддержку в формировании сельскохозяйственных кластеров, технопарков; совершенствовать работу вузов и колледжей по подготовке специалистов для сельского хозяйства.

Выполнено в рамках НИР «Исследование теории и практики зеленой экономики для обеспечения экологической безопасности в Китае и Беларуси» при финансовой поддержке БРФФИ (договор № Г23КИ-ЭКО-005 от 01.02.2023 г.) и Программы международного (регионального) сотрудничества и обмена Национального фонда естественных наук Китая (42261144750).

Литература

1. Солодовников, С.Ю. Экономика рисков / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 16–55. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-8-16-55>
2. Солодовников, С.Ю. Сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. –

Вып. 9. – С. 84–92. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2019-9-84-92>

3. Щетинина, И.В. Обострение проблем продовольственной безопасности в современных международных условиях / И.В. Щетинина // ЭКО. – 2023. – № 8(590). – С. 77–103.

4. Современная демографическая ситуация и продовольственная безопасность России / Л.Н. Липатова, О.В. Кужельная, Е.В. Строкан, М.С. Пылькина // АПК: экономика, управление. – 2023. – № 9. – С. 3–16.

5. Сергиевич, Т.В. Пути преодоления организационно-экономических проблем роботизации белорусской промышленности / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2023. – Вып. 17. – С. 60–71. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2023-17-60-71>

6. Клименко, В.А. Факторы перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта / В.А. Клименко, В.В. Фаузер, Т.В. Сергиевич // Право. Экономика. Психология. – 2021. – № 4(24). – С. 35–43.

7. Богатырёва, В.В. Эволюция трудовых отношений в Республике Беларусь в контексте цифровизации и роботизации экономики / В.В. Богатырёва, М.Ю. Бобрик, Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 13. – С. 6–14. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-13-6-14>

8. Мир сегодня с Юрием Подоляко [телеграм-канал]. – URL: <https://t.me/s/Mikle1On?before=14275> (дата обращения: 29.01.2024).

9. Богатырёва, В.В. Роль социального и человеческого капиталов в формировании и функционировании социально-экономической системы государства / В.В. Богатырёва // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2020. – Вып. 11. – С. 5–11. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2020-11-5-11>

10. Богатырёва, В.В. Человеческий капитал, инвестиции и инновации: фундаментальный и прикладной аспекты исследования взаимосвязи / В.В. Богатырёва // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 5. – С. 94–97.

11. Потапова, А.А. Международные практики противодействия волатильности и росту цен на продовольствие / А.А. Потапова // АПК: экономика, управление. – 2023. – № 3. – С. 97–107.

12. Продовольствие и биотехнология. Экономический комментарий // Экономика сельского хозяйства России. – 2010. – № 5. – С. 80–86.

13. Богатырёва, В.В. Факторы, влияющие на интеграционные процессы экономик Республики Беларусь и Российской Федерации / В.В. Богатырёва, Ю.Ш. Салахова // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 3(11). – С. 19–30.

14. Минаков, А.В. Развитие сельского хозяйства России и направления повышения его конкурентоспособности на международном рынке / А.В. Минаков, И.Н. Сафиуллин, Л.В. Михайлова // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2023. – № 2(70). – С. 191–198.

Поступила в редакцию 10.01.2024

УДК 330.59:364.2:[37+61](476.5)

Особенности системы государственных социальных стандартов социально-культурного комплекса Витебской области

Чахович Е.В.

Комитет государственного контроля Витебской области

Республика Беларусь как суверенное государство с социально ориентированной экономикой стремится создать систему, которая гарантирует своим гражданам достойный уровень жизни и предоставить минимальные социальные гарантии на получение минимального уровня социальных услуг и материальной поддержки. В условиях современных экономических и социальных изменений становится особенно актуальным и важным обеспечение государственных социальных стандартов по обслуживанию населения.

Цель статьи – проанализировать выполнение государственных социальных стандартов по обслуживанию населения регионами Витебской области, выявить особенности, влияющие на их обеспечение.

Материал и методы. *Исследование основано на отчетных данных местных органов власти, нормативно-правовых актах, данных Портала общих информационных ресурсов и открытых данных. Автором публикации использовались общенаучные и специальные методы: абстрактно-логический, статистический, системный анализ, систематизация и обобщение.*

Результаты и их обсуждение. *Проведено исследование основных показателей соблюдения государственных социальных стандартов по обслуживанию населения в сфере образования и здравоохранения. Дан сравнительный анализ показателей, обеспечивающих выполнение государственных социальных стандартов районов Витебской области. Выявлены особенности административно-хозяйственных единиц Витебской области, оказывающих воздействие на обеспечение выполнения государственных социальных стандартов по обслуживанию населения. Предложены направления совершенствования системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения.*

Заключение. *По результатам исследования определены региональные особенности Витебской области, влияющие на обеспечение выполнения государственных социальных стандартов по обслуживанию населения. Анализ показал, что в целом сформированная действующая система государственных социальных стандартов, несмотря на их соблюдение большинством районов Витебской области, не исключает проблемных вопросов, требующих решения, как на областном, так и на республиканском уровнях. На основании проведенной работы предложены направления совершенствования действующей системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения.*

Ключевые слова: *государственные социальные стандарты, социально-экономическое развитие, социальные гарантии, нормы обслуживания, сфера образования, сфера здравоохранения, Витебская область.*

Features of the System of State Social Standards of the Social and Cultural Complex of Vitebsk Region

Chakhovich E.V.

Committee of State Control of Vitebsk Region

The Republic of Belarus, as a sovereign state with a socially oriented economy, strives to create a system that guarantees its citizens a decent standard of living and provide minimum social guarantees for receiving a minimum level of social services and material support. In the context of modern economic and social changes, it becomes especially relevant and important to ensure state social standards for serving the population.

The purpose of the study is to analyze the implementation of state social standards for serving the population in the districts of Vitebsk Region, to identify features that influence the implementation of them.

Material and methods. *The study is based on data from local authorities, regulations, data from the Shared Information Resources Portal and open data. The author of the article used general scientific and special research methods: abstract-logical, statistical, system analysis, systematization and generalization.*

Findings and their discussion. *A study of the main indicators of the implementation of state social standards for public service in the field of education and health care was conducted. A comparative analysis of the indicators of the districts of Vitebsk Region that ensure the implementation of state social standards was given. The features of the administrative and economic units of Vitebsk Region that affect the implementation of state social standards for public service were identified. Directions for improving the system of state social standards for public service were proposed.*

Conclusion. *Based on the results of the study, regional features of Vitebsk Region that influence the implementation of state social standards for serving the population were identified. The analysis showed that, in general, the current system of state social standards, despite their implementation by most districts of Vitebsk Region, does not exclude problematic issues that require solutions at both the regional and republican levels. Based on the research, directions for improving the current system of state social standards for serving the population were proposed.*

Key words: *state social standards, social and economic development, social guarantees, service standards, education, healthcare, Vitebsk Region.*

Республика Беларусь как суверенное государство с социально-ориентированной экономикой стремится создать систему, которая гарантирует своим гражданам достойный уровень жизни и предоставить минимальные социальные гарантии на получение минимального уровня социальных услуг и материальной поддержки.

В современном мире региональное развитие является ключевым фактором общественного прогресса, влияя на уровень экономического положения, социальное благополучие, качество жизни населения и его социальные гарантии. Управление социально-экономическим развитием на региональном уровне привлекает все большее внимание исследователей и практиков, учитывая постоянно меняющиеся социально-экономические условия, новые вызовы и возможности. Сложившиеся тенденции в мировой экономике, изменения в политической и социокультурной сферах, а также динамичные процессы глобализации создают новые рамки и ожидания для регионального развития. Актуальность проблемы совершенствования механизмов управления социально-экономическим развитием на региональном уровне возрастает в связи с необходимостью эффективной адаптации регионов к новой обстановке и одновременно при сохранении социальных гарантий для населения. В условиях построения многополярного мира Республика Беларусь зарекомендовала себя как страна безопасная как для проживания местного населения, так и для гостей. В условиях современных экономических и социальных изменений становится особенно актуальным и важным обеспечение государственных социальных стандартов.

Несомненно, что основная часть жизненных интересов человека реализуется на местном уровне. В этой связи очень важно установить гибкий механизм управления с его оптимальной структурой, меньшей бюрократией, раскрыть социально-экономический потенциал территориальных единиц, поддерживать политическое равновесие и гармонию в местных сообществах, оптимально сочетать местные и общественные интересы и интересы простого человека, в том числе обеспечение ему социальных гарантий.

Материал и методы. Исследование основано на отчетных данных местных органов власти, нормативно-правовых актах, данных Портала общих информационных ресурсов и открытых данных. Автором статьи использовались следующие общенаучные и специальные методы:

абстрактно-логический, статистический, системный анализ, систематизация и обобщение.

Результаты и их обсуждение. Одной из самой важной чертой белорусской модели является высокий уровень социальной защиты. Государство активно участвует в регулировании занятости, обеспечении доступности здравоохранения, образования и жилья для населения. Это создает условия для стабильности социальной сферы и уровня жизни граждан Беларуси. Более 45% расходов бюджета приходится на социальную сферу, что еще раз подчеркивает ее социальную направленность [1, с. 18].

В Беларуси приняты ряд ключевых нормативно-правовых актов, регулирующих социально-экономические отношения, в том числе Трудовой кодекс Республики Беларусь, Бюджетный кодекс Республики Беларусь, ежегодно утверждаемый Закон Республики Беларусь «О государственном бюджете», а также Национальная Стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. Поскольку мы упоминали, что немаловажная роль в социально-экономической модели Беларуси отводится социальной защите населения и улучшению качества жизни граждан Республики Беларусь, то среди всего перечня законов нашего государства стоит отметить трудовое законодательство. В стране действуют законы, регулирующие трудовые отношения, защищающие права работников и устанавливающие порядок трудовых отношений, условия труда, оплату и социальные гарантии.

Программы развития Беларуси играют ключевую роль в определении стратегических направлений развития страны, установлении приоритетов и целей, а также в выработке механизмов и инструментов для достижения этих целей. Они ориентированы на устойчивое и сбалансированное развитие экономики, социальной сферы, экологии и культуры. Одной из ключевых программ является программа национального развития, ориентированная на устойчивое экономическое развитие, повышение уровня занятости, улучшение социальной инфраструктуры и поддержку ключевых отраслей экономики «Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы» [2].

«Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 года» нацелена на долгосрочное стабильное развитие страны, с упором на модернизацию экономики, развитие человеческого капитала, социальную

защиту и устойчивое использование природных ресурсов [3]. Необходимо отметить, что каждая из этих категорий имеет свою значимость в оценке социально-экономического развития. Исходя из специфики страны или региона, определенные категории могут иметь приоритет. Таким образом, каждая из перечисленных категорий оказывает влияние на уровень и качество жизни населения, что является неоспоримым приоритетом в реализации политики социально-экономического развития Республики Беларусь.

Учитывая социальную направленность государственной политики нашей страны, определены цели (обеспечения механизма реализации конституционных прав граждан в области социальных гарантий, повышение уровня жизни населения и обеспечения устойчивого развития общества), которые решаются при введении государственных социальных стандартов (далее – ГСС). Основными задачами выделены: удовлетворение основных потребностей граждан в материальных благах и услугах; нормативное обеспечение формирования и использования средств республиканского и местных бюджетов и средств государственных внебюджетных фондов на социальные нужды; обеспечение государственной поддержки развития социальной сферы и социальной защиты граждан; оказание необходимой социальной помощи гражданам малообеспеченным и находящимся в трудной жизненной ситуации [4].

Решение разработать перечень стандартов, определяющих виды и качество важнейших услуг в области образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, торговли, транспорта, связи, бытового и социального обслуживания, было принято Правительством весной 2003 г. Все стандарты были систематизированы и установлена система государственных социальных стандартов для населения республики (утверждена постановлением Совета министров Республики Беларусь от 30.05.2003 г. № 724). С 1 января 2021 г. в Беларуси начала действовать новая система государственных социальных стандартов. Данное решение закреплено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 декабря 2020 г. № 720 [4]. Сегодня в Республике Беларусь действует 39 нормативов государственных минимальных стандартов по различным сферам обслуживания населения. Государственные социальные стандарты по обслуживанию населения республики являются обязательными для использования в организациях всех форм собственности; используются при форми-

ровании республиканского и местных бюджетов, а также государственных внебюджетных фондов и реализуются в пределах выделяемых на эти цели средств; установленные в денежном выражении ежегодно с учетом средств, предусматриваются законом о бюджете Республики Беларусь на очередной финансовый год, корректируются в установленном порядке; используются при создании социальной инфраструктуры в агрогородках, формируемых в соответствии с Государственной программой возрождения и развития села.

Социальные стандарты – инструмент управления социальной сферой, благодаря ему распределяется (перераспределяется) национальное богатство с целью достижения благосостояния каждого гражданина и всего населения страны. Социальные стандарты могут быть обозначены с точки зрения в широком понимании «социальные стандарты – это признание значимости права человека на определенную долю благосостояния общества. При этом государство берет на себя обязательства по реализации социальных прав и обеспечению их гарантий», с точки зрения более узкого значения как «мера потребления социальных благ, как помощь гражданину в целях улучшения условий жизнедеятельности и (или) расширения возможностей для обеспечения основных жизненных потребностей» [5]. Некоторыми исследователями утверждается, что «по своей природе социальные права не являются самоисполнимыми и требуют для своей реализации выделения необходимых финансовых и материальных ресурсов, в настоящее время они часто закрепляются за публичными образованиями без обеспечения последних» [6]. Возникает вопрос о соответствии бюджетного финансирования и эффективности достижения минимальных стандартов нормативу.

Проведем анализ выполнения государственных социальных стандартов в сфере образования и здравоохранения Витебской области.

Для исключения неоднозначного понимания полученных фактов динамических тенденций выполнения социальных стандартов, степени их влияния на инвестиционную и социальную привлекательность районов Витебской области в данном анализе они представлены буквенными обозначениями и не связаны с их реальными названиями.

Анализ выполнения государственных социальных стандартов в сфере образования. Государственными социальными стандартами в области образования являются: бесплатное образование, в том числе дошкольное, общее среднее, про-

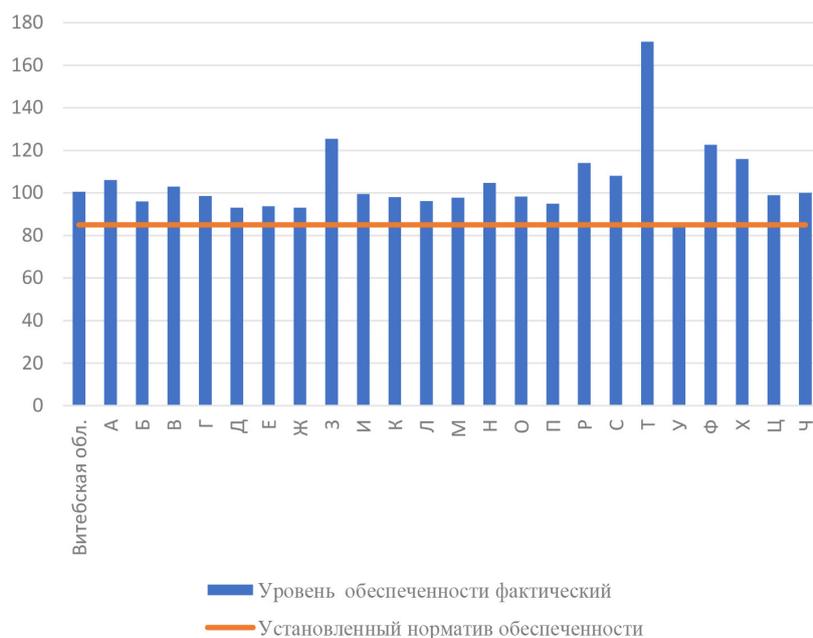

Рисунок 1 – Выполнение норматива обеспеченности детскими дошкольными учреждениями населения районами Витебской области в 2023 году

фессионально-техническое, специальное образование, дополнительное образование детей и молодежи (за исключением дополнительного образования детей и молодежи, получаемого в государственных детских школах искусств), на конкурсной основе среднее специальное, высшее образование; нормы и нормативы обеспеченности населения бесплатными и общедоступными социальными услугами, наполняемости классов, групп в государственных учреждениях образования при реализации образовательных программ; нормы и нормативы кадрового и материально-технического обеспечения государственных учреждений образования при реализации образовательных программ; нормы и нормативы мер социальной защиты обучающихся.

Витебская область по состоянию за 2023 год располагает 496 ед. учреждений дошкольного образования с численностью детей 40363 чел. (43119 чел. в 2022 году), 339 ед. (в 2022 году – 341 ед.) учреждений общего среднего образования с численностью учащихся 116,3 тыс. чел. по состоянию на начало 2023/2024 учебного года [7]. По структуре расходов республиканского бюджета в 2023 году из 36536,2 млн руб. на социальную сферу приходится 7002,6 млн руб., в т.ч. на сферу образования – 4,48%, на здравоохранение – 5,76% [1]. В 2022 году расходы республиканского бюджета на сферу образования составили 1,46 млрд (в 2023 г. – 1,64 млрд руб.), здравоохранения –

1,88 млрд (в 2023 г. – 2,1 млрд руб.), тем самым подчеркивается приоритетность финансирования социальной сферы государством с целью повышения уровня жизни [8].

В сфере образования постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.05.2003 г. № 724 установлено 10 нормативов государственных социальных стандартов. Норматив обеспеченности детей раннего и дошкольного возраста местами в учреждениях дошкольного образования, иных учреждениях образования, организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования, образовательную программу специального образования на уровне дошкольного образования, образовательную программу специального образования на уровне дошкольного образования для лиц с интеллектуальной недостаточностью регламентирован статьями 2 и 3 Кодекса Республики Беларусь об образовании, Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХІІ «О правах ребенка» в размере 85%. Рисунок 1 демонстрирует тенденции, сложившиеся в районах Витебской области.

Несмотря на то, что норматив выполняется во всех районах Витебской области тем не менее (рисунок 1), существуют проблемы с определением детей в детские сады по месту жительства (особенно это характерно для микрорайонов с интенсивной жилой застройкой). Указанная проблема актуальна для новых жилых микрорайонов

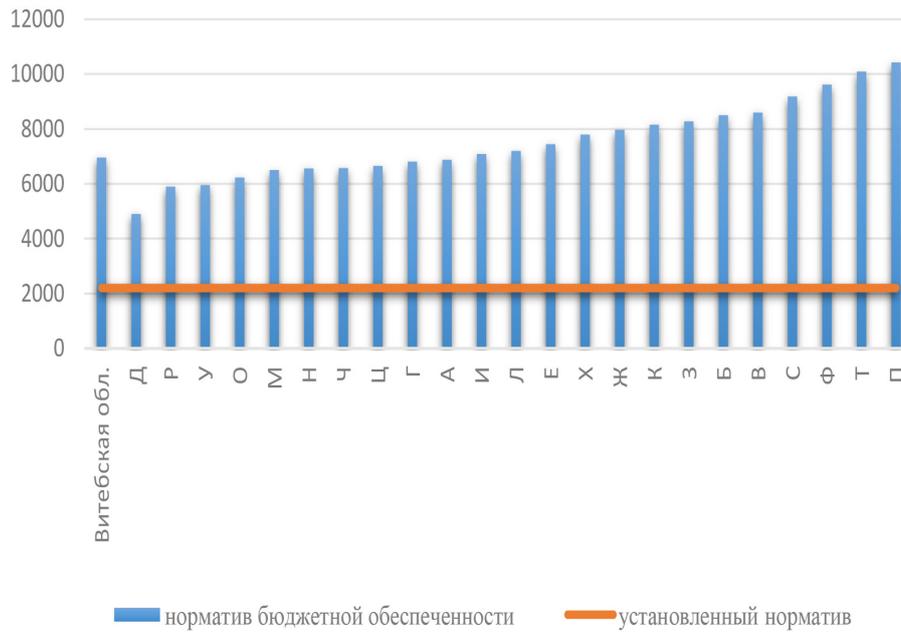

Рисунок 2 – Выполнение норматива бюджетной обеспеченности расходов на одного воспитанника в учреждениях дошкольного образования, специальных детских садах районов Витебской области в 2023 году

крупных населенных пунктов. Следует обратить внимание, что превышение норматива районами «Т» и «З» обусловлено со значительным снижением численности населения, в том числе детей, посещающих дошкольные учреждения.

Также имеется проблема переполненности дошкольных учреждений образования: в Витебской области из 376 дошкольных учреждений образования 16 или 4,2% работают с превышением проектной мощности. Из них в 5 – количество детей превысило проектную мощность более чем на 30%. Норматив охвата детей пятилетнего возраста подготовкой к обучению в учреждениях общего среднего образования в размере 100% определен в пункте 4 статьи 152 Кодекса Республики Беларусь об образовании, выполняется во всех регионах Витебской области. ГСС гарантировано населению бесплатное образование, в том числе дошкольное, общее среднее и т.д. Обеспечение бесплатного образования на различных уровнях определяет необходимость бюджетного финансирования.

Следует подчеркнуть, что постановлением № 720 установлены нормативы бюджетной обеспеченности расходов: норматив бюджетной обеспеченности расходов на одного воспитанника в учреждениях дошкольного образования, специальных детских садах (статьи 3 и 137 Кодекса Республики Беларусь об образовании) не менее 2200 руб. в год; на одного учащегося в учреж-

дениях общего среднего образования не менее 1700 руб. в год; на одного учащегося в учреждениях среднего-специального образования 7900 руб. в год; на одного учащегося в учреждениях дополнительного образования детей и молодежи в размере 120 руб. в год.

Действующий на данный момент норматив бюджетной обеспеченности расходов на одного воспитанника в учреждениях дошкольного образования, специальных детских садах установлен в статьях 3 и 137 Кодекса Республики Беларусь об образовании в размере 2200 рублей на одного воспитанника. Анализ выполнения представлен на рисунке 2.

В Витебской области норматив бюджетной обеспеченности расходов на одного воспитанника в учреждениях дошкольного образования, специальных детских садах перевыполняется (рисунок 2) и фактически составляет 6956,1 руб. (в среднем по области) и превышает установленный.

Анализ выполнения норматива бюджетной обеспеченности расходов в расчете на одного учащегося в учреждениях общего среднего образования не менее 1700 руб. в год представлен на рисунке 3.

Как видно из рисунка 3, даже минимальный сложившийся фактический норматив по региону «Ц» практически в два раза ниже максимального, сложившегося по региону «Ф». Аналогичная ситуация наблюдалась как по нормативу бюджет-

Рисунок 3 – Выполнение норматива бюджетной обеспеченности расходов на одного учащегося в учреждениях общего среднего образования районами Витебской области в 2023 г.

ной обеспеченности расходов в расчете на одного учащегося в учреждениях среднего специального образования, так и по нормативу бюджетной обеспеченности расходов в расчете на одного учащегося в учреждениях дополнительного образования детей и молодежи.

Учитывая, что по методике Министерства образования оценка выполнения этого норматива в детских дошкольных учреждениях, учреждениях общего среднего образования и дополнительного образования детей и молодежи осуществляется в разрезе административно-территориальной единицы, а в специальных школах, специальных школах-интернатах, центрах коррекционно-развивающего обучения и реабилитации – в целом по области. При этом в Законе «О республиканском бюджете» и решениях областных Советов депутатов об областных бюджетах на очередной финансовый год утверждается минимальный норматив бюджетной обеспеченности расходов в целом на всю сферу образования региона, что по своей сути и является минимальным объемом бюджетного финансирования для нее.

Нами выявлено, что в то же время при наличии на территории города (района) нескольких учреждений образования, доведенные постановлением № 724, Законом «О республиканском бюджете» и решением областного Совета депутатов «Об областном бюджете» на очередной финансовый год нормативы бюджетной обеспеченности расходов

практически никак не влияют на объем их финансирования, и тем более на одного обучающегося в них. Из чего следует: необходимый конкретному учреждению образования объем бюджетного финансирования на его текущее содержание рассчитывается исходя из законодательно утвержденных нормативов расходов на обучение и воспитание одного обучающегося, корректирующих коэффициентов к нему и численности обучающихся. Планирование текущих расходов на содержание учреждений дошкольного и общего среднего образования осуществляется в соответствии с постановлениями Совета Министров Республики Беларусь от 26.12.2020 г. № 762 и от 29.12.2018 г. № 975.

Наряду с этим выполнение нормативов бюджетной обеспеченности расходов зависит от наполняемости учреждений образования. В малокомплектных учреждениях образования по сравнению с полностью укомплектованными этот норматив перевыполняется в разы. Норматив обеспеченности учащихся начальных, базовых, средних школ, гимназий, лицеев общей площадью установлен в размере 8 м² на 1 учащегося и Витебской области во всех учреждениях образования выполняется. Оценка указанного норматива, согласно методике Министерства образования Республики Беларусь, осуществляется в среднем по району (городу). При этом санитарные нормы должны соблюдаться в каждом учреждении

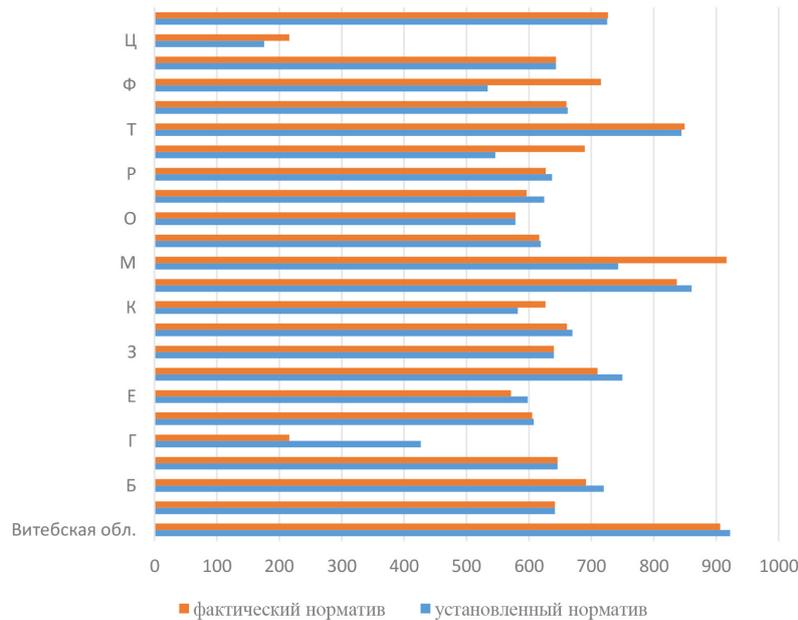

Рисунок 4 – Выполнение норматива бюджетной обеспеченности расходов на здравоохранение в расчете на одного жителя районов Витебской области в 2023 году

образования, с учетом требований по площади для различных учебных классов, установленных в приложении к Специфическим санитарным-эпидемиологическим требованиям к содержанию и эксплуатации учреждений образования, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 07.08.2019 г. № 525.

Кроме того, во вновь построенных школах, исходя из проектной вместимости, в расчете на одного учащегося, уже приходится более 8 м² общей площади зданий. Норматив обеспеченности многопрофильными учреждениями дополнительного образования детей и молодежи в области выполняется полностью (1 учреждение для районов, районов в городе, городов областного подчинения с численностью населения менее 50000 человек; 2 учреждения – для районов, районов в городе, городов областного подчинения (кроме городов – административных центров областей) с численностью населения более 50000 человек, для города Минска и городов – административных центров областей). По сути, для выполнения этого норматива достаточно только наличие в установленном количестве таких учреждений в соответствующем регионе (городе, районе). Поскольку учреждения дополнительного образования детей и молодежи в предусмотренном нормативом количестве или даже больше имеются во всех районах Витебской области и страны в целом. Норматив обеспеченности

учащихся учреждений общего среднего образования, учреждений, реализующих образовательную программу профессионально-технического образования, специальных школ, специальных школ-интернатов персональными компьютерами (один компьютер, в том числе портативный, на 10 учащихся или не менее двух компьютерных классов на учреждение) является обязательным для выполнения по методике Министерства образования Республики Беларусь для всех учреждений и исполняется всеми районами.

Анализ выполнения государственных социальных стандартов в сфере здравоохранения. В сфере здравоохранения постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.05.2003 г. № 724 установлены 6 нормативов социальных стандартов, постановлением от 12.07.2024 г. – № 507 внесены изменения и дополнительно введены еще 2 стандарта, с выполнением в 2025 году – норматив обеспеченности межрайонными (межрегиональными) центрами, оказывающими населению специализированную медицинскую помощь и доля организаций здравоохранения, оказывающих медицинскую помощь с применением телемедицинских технологий. Проведенный анализ показал, что в некоторых районах Витебской области не обеспечивается выполнение отдельных нормативов, а также имеются проблемные вопросы при обеспечении выполнения социальных стандартов в области здравоохранения.

Рисунок 5 – Выполнение норматива обеспеченности врачами общей практики на 1000 человек населения Витебской области в 2023 году

На территории Витебской области по состоянию на конец 2023 года численность врачей составила 4997, что ниже на 30 специалистов, чем в 2022 году (46,2 врача на 10000 человек населения), число больничных организаций сократилось на 6 ед. по отношению к 2022 году и составило 96 ед., число амбулаторно-поликлинических организаций 304 ед. (не изменилась по отношению к прошлому году). Несмотря на снижение численности практикующих врачей в Витебской области, возрастает показатель числа по профильным специальностям хирургического и медикодиагностического направлений [6].

Норматив бюджетной обеспеченности расходов на здравоохранение в расчете на одного жителя в среднем по республике и рассчитывается в размерах, установленных Законом «О республиканском бюджете» на очередной финансовый год, что представлено на рисунке 4.

Рисунок 4 демонстрирует, что норматив бюджетной обеспеченности выполняется в 6 районах. Фактический норматив выше нормативного в районах «Ц», «Ф», «Т», «К», «М», «С». Не выполняется норматив в таких районах, как «Б», «Г», «Е», «Ж», «Л», «П», «Р». В целом по Витебской области норматив в 2023 году не выполнен.

Законодательством установлен норматив обеспеченности врачами, который рассчитывается в размерах для врачей общей практики (ВОП),

ведущих прием взрослого и детского населения, 1 врач на 1,3 тыс. населения; ВОП, ведущих прием взрослого населения, – 1 врач на 1,5 тыс. взрослого населения; врачей – педиатров участковых – 1 врач на 0,8 тыс. детского населения (рисунок 5).

Рисунок 5 отражает динамику выполнения указанного норматива в целом по Витебской области, невыполнение норматива обеспеченности врачами, ведущими взрослый и детский прием, допущено в двух районах. Также норматив обеспеченности врачами общей практики, ведущих прием взрослого населения, не выполнялся в двух районах.

При анализе выявлена необходимость совершенствования порядка расчета показателя обеспеченности. В частности, учет только фактически работающих врачей, например, в фактическое количество работающих врачей включаются работники, находящиеся в отпусках по уходу за детьми до достижения ими трехлетнего возраста. При этом указанные категории врачей фактически не осуществляют прием и не участвуют в оказании услуг населению в сфере здравоохранения.

Норматив обеспеченности аптеками для районов определяется как минимальное количество аптек всех форм собственности, осуществляющих розничную реализацию лекарственных средств и изделий медицинского назначения из расчета 1 аптека на 8 тыс. жителей (рисунок 6).

Рисунок 6 – Выполнение норматива обеспеченности аптеками в Витебской области в 2023 году

Несмотря на перевыполнение норматива в Витебской области (рисунок 6) (1 аптека на 2,1 тыс. жителей), жители сельской местности испытывают трудности с лекарственным обеспечением. Даже выполнение указанного норматива не позволяет обеспечить равный доступ для приобретения лекарств как жителями городов, так и жителями сельских населенных пунктов.

Исследование показывает, что норматив обеспеченности бригадами скорой медицинской помощи выполняется и по области, и по районам и учитывает наличие врачебных, фельдшерских и специализированных бригад скорой медицинской помощи (суммарно) для областей рассчитывается: две бригады скорой медицинской помощи в районах с населением до 15 тыс. жителей, три бригады с населением от 15 до 35 тыс. жителей; в районах с населением свыше 35 тыс. жителей три бригады скорой медицинской помощи на 35 тыс. жителей и дополнительно одна бригада скорой медицинской помощи на каждые 12 тыс. жителей сверх 35 тыс. жителей).

Анализ выполнения норматива обеспеченности специальными автомобилями, который предусматривает наличие в каждой амбулатории, больнице сестринского ухода специального автомобиля «Медицинская помощь», в каждой участковой больнице в зависимости от коечного фонда и по методике Совета Министров его вы-

полнение обязательно для каждого учреждения здравоохранения, имеющего амбулатории, больницу сестринского ухода, участковую больницу, демонстрирует его выполнение во всех районах и в целом по Витебской области, за исключением одного района. Установлен норматив обеспеченности межрайонными (межрегиональными) центрами, оказывающими населению специализированную медицинскую помощь с 2025 года менее двух центров на область.

Указанный норматив не содержит требований по профилю оказания такими центрами специализированной медпомощи (в том числе с учетом специфики для каждой области), наличию в нем соответствующего медицинского персонала и оборудования. В результате показатель завязан только на количестве указанных центров и не гарантирует повышение качества оказания гражданам медицинских услуг, например, отсутствие очередей. На наш взгляд, указанный норматив требует доработки путем введения показателей оценки качества и объемов предоставленных межрайонными (межрегиональными) центрами услуг.

Заключение. В результате анализа системы государственных минимальных социальных стандартов в контексте предложенных социальных сфер можно сделать следующие общие выводы. Действительно, предложенные показатели отражают важные аспекты обеспечения социаль-

ных гарантий для населения. Их положительные или отрицательные значения влияют на качество жизни, в том числе уязвимых и незащищенных слоев населения. Анализ нормативов социальных стандартов необходим для понимания текущего социального состояния региона, что важно для обеспечения устойчивого экономического роста, повышения уровня благосостояния населения и конкурентоспособности, а также для принятия грамотных и своевременных управленческих решений. Исследование показало, что одновременно с системой социальных стандартов в Республике Беларусь действует система нормативного финансирования социальной сферы, устанавливающая нормы, определяющие объемы бюджетного финансирования, которые, на наш взгляд, несколько дублируют частично действующие социальные стандарты.

Согласно результатам проведенного анализа в целом сформированная действующая система государственных социальных стандартов, несмотря на их выполнение большинством регионов Витебской области, не исключает проблемных вопросов, требующих решения как на областном, так и на республиканском уровнях. Действующая система государственных минимальных социальных стандартов направлена на повышение качества обслуживания населения, обеспечение доступности оказываемых услуг, особенно сельскому населению, дальнейшее развитие и укрепление материально-технической базы организаций, оказывающих услуги образования и здравоохранения, но требует совершенствования в части согласованности с действующим нормативным финансированием социальной сферы.

Литература

1. Бюджет Республики Беларусь для граждан на 2022 год. Министерство финансов Республики Беларусь. – Минск, 2022. – URL: <https://minfin.gov.by/upload/bp/budjet/budjet2022.pdf> (дата обращения: 21.12.2024).
2. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2021. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 21.12.2024).
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. – Минск, 2017. – URL: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 21.12.2024).
4. Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2003 № 724: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14.12.2020 № 720 // Национальной реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2020. – № 5/48594.
5. Григорьева, Н.С. Социальные стандарты качества жизни: к постановке вопроса / Н.С. Григорьева // Стандарты и качество. – 2022. – № 7. – С. 91–95.
6. Чаннов, С.Е. О социальных правах и социальных стандартах / С.Е. Чаннов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3. – С. 198–206. – DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-198-206.
7. Статистический ежегодник Витебской области, 2024: стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Витеб. обл.; [редкол.: Ю.И. Москалев (пред.) и др.]. – Минск, 2024. – URL: https://vitebsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135042/ (дата обращения: 21.12.2024).
8. Бюджет Республики Беларусь для граждан на 2023 год. Министерство финансов Республики Беларусь. – Минск, 2023. – URL: <https://www.minfin.gov.by/upload/bp/budjet/budjet2023.pdf> (дата обращения: 21.12.2024).

Поступила в редакцию 24.01.2025

Типология национальных экономических систем и идеология социалистически ориентированной белорусской государственности

Янчук В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

На современном этапе экономического развития государства актуальными являются исследования, посвященные социальной ориентации национальных экономических систем, учитывающих социальную специфику экономики, ее связь с другими сферами общественной жизни. В публикации по критерию социальной ориентации выделяются различные виды национальных экономических систем.

Цель статьи – обосновать дифференциацию национальных моделей на либеральные капиталистические, социализированные капиталистические, социалистически ориентированные и выяснить место белорусской экономической модели.

Материал и методы. *Материалом исследования является экономическая и социологическая литература, где анализируется состояние и динамика национальных экономических систем. В качестве методов использованы классификация, анализ и синтез, системный подход, выделение матрицы социальных детерминантов.*

Результаты и их обсуждение. *На основе матрицы социальных детерминантов экономических систем выделяются: либеральные капиталистические, социализированные капиталистические и социалистически ориентированные.*

Заключение. *Проведенное исследование на основе использования матрицы социальных детерминантов позволило сделать вывод о том, что для Республики Беларусь наиболее перспективной является социалистически ориентированная модель с белорусской спецификой.*

Ключевые слова: *социальное государство, социалистически ориентированное государство, матрица социальных детерминантов экономических систем, либеральная капиталистическая экономика, социализированная капиталистическая экономика, социалистически ориентированная экономика, белорусская национальная модель.*

Typology of National Economic Systems and Ideology of the Socialist-Oriented Belarusian Statehood

Yanchuk V.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

At the present stage of the economic development of the state, research on the social orientation of national economic systems is relevant, taking into account the social specifics of the economy and its relationship with other spheres of public life. According to the criterion of social orientation, the publication identifies various types of national economic systems.

The purpose of the article is to substantiate the differentiation of national models into liberal capitalist, socialized capitalist, and socialist-oriented ones and to find out the place of the Belarusian economic model.

Materials and methods. *The research material is economic and sociological literature, which analyzes the state and dynamics of national economic systems. The main methods are classification, analysis and synthesis, a systematic approach, and the identification of a matrix of social determinants.*

Findings and their discussion. *Based on the matrix of social determinants of economic systems, the following are distinguished: liberal capitalist, socialized capitalist, and socialist-oriented. The results were discussed at international scientific and practical conferences in the Republic of Belarus.*

Conclusion. *The conducted research based on the use of the matrix of social determinants allowed us to conclude that the most promising for the Republic of Belarus is a socialist-oriented model with Belarusian specifics.*

Key words: *welfare state, socialist-oriented state, matrix of social determinants of economic systems, liberal capitalist economy, socialized capitalist economy, socialist-oriented economy, Belarusian national model.*

На современном этапе развития Республики Беларусь актуальна проблема формирования перспективной социально-экономической модели по критерию социальной ориентации. Важными ее категориями являются понятия «социальное» и «социалистическое». Их анализ затрудняется

тем, что у многих обществоведов из постсоветских республик нет четкого представления о том, в каком соотношении находятся категории «социальный» и «социалистический». На это указывает белорусский юрист Г.А. Василевич. Однако вряд ли можно согласиться с его мнением, что социаль-

ное государство принципиально отличается от социалистического [1, с. 98–99]. Любое государство является социальным. Сама государственность возникает на определенном уровне развития социальных отношений и выражает либо национальный интерес, либо интересы какого-либо класса. Категория же «социальный» в свой объем включает и категорию «социалистический» в качестве подчиненного компонента.

Классифицировать современные национальные экономические системы можно по разным основаниям. В современной литературе с этой целью используют такие критерии, как формационный и цивилизационный подходы, технологический уровень развития страны, степень социальной ориентации экономики.

По социальной ориентации можно выделить, по меньшей мере, три базовые экономические модели: либеральную капиталистическую, социализированную (социал-демократическую) капиталистическую и социалистически ориентированную. Социальные их детерминанты – господствующая собственность на ресурсы общества; доминирующий социально-экономический субъект; сущностный характер отношений между экономическими субъектами в национальной экономической системе; механизм координации поведения экономических субъектов; приоритеты социальной политики государства. Подробно система социальных детерминантов национальных экономических систем уже была описана автором в журнале «Право. Экономика, Психология» [2, с. 49–53] и затем развита и дополнена в журнале «Беларуская думка» [3, с. 84–90].

Материал и методы. Материалом исследования является экономическая и социологическая литература, в которой излагается и анализируется состояние, структура и динамика национальных экономических систем. Основные методы: классификация, анализ и синтез, системный подход, выделение матрицы социальных детерминантов. Цель статьи – обоснование типологизации национальных экономических систем на либеральные капиталистические, социализированные капиталистические, социалистически ориентированные и определение основных признаков белорусской модели.

Результаты и их обсуждение. На основе матрицы социальных детерминантов выделяются: либеральные капиталистические, социализированные капиталистические и социалистически ориентированные макросистемы.

Либеральная капиталистическая модель – это экономическая система, основанная на частнока-

питалистической собственности на средства производства, природные и финансовые ресурсы, и конкуренции, где ведущим социально-экономическим субъектом являются предприниматели-капиталисты, которым с целью присвоения максимально возможной прибыли государство предоставляет наибольшую экономическую свободу.

В основе этой модели лежит разделительная идеология гражданского общества. Его атом – каждый отдельно взятый гражданин, а отношения между гражданами определяются принципами индивидуализма и конкуренции. Господствующей в стране собственностью является частная капиталистическая форма собственности. Она разъединяет экономических субъектов и создает предпосылки для конкуренции между ними. Доминирующим социально-экономическим субъектом являются предприниматели-капиталисты. Главный стимул экономической деятельности – получение прибыли. Производство продукции в этом случае организуется только тогда, если при этом есть возможность получить достаточную прибыль.

Господствующая частнокапиталистическая собственность определяет и характер отношений между доминирующим социально-экономическим субъектом и совокупным работником общества в процессах производства, распределения, обмена и потребления совокупного продукта общества. В процессе производства отношения между собственником средств производства и наемными работниками выступают как отношения эксплуатации. Это выражается в том, что, во-первых, собственник средств производства использует работников как ресурс для изготовления продукции. Кроме того, во-вторых, по Марксу, наемные работники – источник прибавочной стоимости, а прибыль представляет собой реализованную прибавочную стоимость. Эта мысль К. Маркса не устарела и в современных условиях. Капиталист по-прежнему использует наемных работников как ресурс, необходимый для производства товарной продукции. Верно и то, что наемные работники являются источником прибавочной стоимости.

Отношения по поводу распределения произведенного дохода в такой модели основаны на принципах распределения по капиталу, результатам предпринимательской деятельности и цене рабочей силы. Заработная плата работника выступает как цена рабочей силы на рынке труда. Вместе с тем ясно и другое: предприниматели-капиталисты заинтересованы в том, чтобы

предложение рабочей силы на рынке труда превышало спрос на рабочую силу. В отношениях в сфере обмена также наблюдается стремление к неэквивалентному обмену, так как в этом случае можно приобрести дополнительное количество продукции и получить большую прибыль. В отношениях по поводу потребления произведенной продукции преимущество также у предпринимателей-капиталистов, что выражается в росте удельного веса предметов роскоши в валовом внутреннем продукте (ВВП), масштабов паразитического потребления, нерационального использования ресурсов общества.

Экономическая роль государства в либеральной капиталистической модели крайне ограничена. В основу такого поведения положены, сформулированные еще А. Смитом, два принципа: «Пусть идет, как идет» и «Невидимая рука рынка». Государство в этой модели играет роли «ночного сторожа», «сценариста», «судьи», «прокурора», «налогового инспектора». Занимается оно и регулированием экономики, но при этом старается законодательно предоставить максимально возможную свободу для субъектов рынка, в первую очередь для ведущего социально-экономического субъекта. В производстве ВВП господствует частнокапиталистический сектор экономики, поощряется индивидуализм граждан, стимулируется конкуренция между ними, низкая налоговая нагрузка на предпринимателей, невысокая ставка подоходного налога.

Социальная политика ограничивается минимальной социальной защитой для малоимущих и неспособных к производительной деятельности. Такая цель, как реализация права каждого экономического субъекта на труд даже не ставится. Наблюдается высокая социальная дифференциация. Большой разрыв между богатыми и бедными по доходу и величине располагаемого личного богатства продолжает в современных условиях увеличиваться. Так, например, в 2021 году, по данным журнала *Forbes*, совокупное состояние всех миллиардеров достигло 12,7 трлн долларов, что составило 12,5% мирового продукта.

В чистом виде такая модель была представлена в США, которая просуществовала до конца 40-х годов прошлого века, однако и в настоящее время американская система считается эталоном либеральной модели. В ней частная собственность — «священная корова», конкуренция и личное богатство превыше всего. Эта модель является классическим примером либеральной капиталистической модели. В США

абсолютно господствует частнокапиталистическая собственность на средства производства, природные и финансовые ресурсы. Относительно низкий удельный вес государства в произведенном ВВП: государственная собственность представлена в атомной энергетике, производственной инфраструктуре (мосты, дороги, трубопроводы), образовании и здравоохранении, и в целом государственный сектор создает около 12% ВВП страны.

Доминирующим социально-экономическим субъектом в США являются предприниматели-капиталисты. Государство всемерно поощряет предпринимательскую активность граждан с целью извлечения прибыли. В такой экономике предприниматели — образец для подражания, двигатель рыночной экономики, а остальные граждане — актеры заднего плана. Положение человека в капиталистическом обществе, например, определяется тем, «сколько он стоит» (размер заработков, капитала и т.д.) и каковы его «связи». Этот субъект обладает наибольшей экономической свободой, так как у него и максимально возможное количество ресурсов свободы.

Считается, что конкуренция — «живая вода рыночной экономики». Это экономическая война всех против всех. Популярен постулат: «Ничего личного — это бизнес». С одной стороны, война ведется по горизонтали, например, между производителями продукции в одной отрасли. С другой — имеет место и межотраслевая конкуренция между отраслями-смежниками. Конкуренция предполагает наличие коммерческой тайны.

Отношения между доминирующим социально-экономическим субъектом и совокупным работником складываются как отношения между работодателями и наемными работниками. Отношения между ними в производстве, распределении, обмене и потреблении продукта — это отношения эксплуатации, так как наемные работники отделены от средств производства. Так, например, 5% жителей США принадлежит 33,4% совокупного дохода, а американцы, входящие в число 50% беднейших жителей страны, получают 13,4% дохода. Наниматели и работники — в постоянном поиске: первые — лучших кадров, а вторые — более высокой заработной платы. Обычными являются краткосрочные контракты, конкурсы на замещение вакансий, «переманивание» высококвалифицированных кадров. Ежегодно около 25% работников меняют место

работы. Феномен США – сеть «параллельных» крупных городов из домов на колесах.

Механизм координации деятельности экономических субъектов в либеральной макроэкономической системе рыночный. Это значит, что регулирование динамики финансовых, потребительских и инвестиционных потоков товаров происходит по законам рыночной экономики. Однако и в этой модели государство играет определенную экономическую роль, хотя и минимальную. В основе политики государства лежит принцип: «Частная инициатива – двигатель экономики». Главная задача правительства – создавать благоприятные условия для функционирования рыночного механизма, вовремя его смазывать, не допускать сбоев в работе. Ведется борьба с недобросовестной конкуренцией и ограничивается деятельность монополий. Но финансовый кризис в США в 2008–2009 годах свидетельствует о том, что государственное регулирование экономики является недостаточным. Именно США погнало волну финансового кризиса по всему миру. Государство в американской модели и обеспечивает страну общественными благами. При этом законодательно ограничивается государственное вмешательство в экономику. В госбюджете значительную долю занимают расходы на оборону.

Социальная роль государства явно недостаточна. В Америке право на труд не гарантируется. Правительство может быть озабочено высоким уровнем безработицы. В стране наблюдается большая дифференциация населения по доходу и личному богатству. В США относительно низкий уровень перераспределения ВВП через госбюджет (менее 17–18% через федеральный и около 30% через консолидированный бюджет, т.е. гораздо меньше, чем в большинстве развитых стран). В этой модели, хотя и допускается минимальная социальная защита населения, высока дифференциация населения по доходам и величине личного имущества. Американский экономист Джозеф Стиглиц, лауреат Нобелевской премии, ссылаясь на исследование Оксфордского комитета помощи голодающим, соглашается с его выводом о том, что «неравенство в обществе нарастает: всего 85 миллиардеров обладают теми же богатствами, что и половина всего населения планеты – около 3 миллиардов людей... Один процент владеет половиной всех богатств человечества и находится на пути к тому, чтобы заполучить всё, что есть у оставшихся 99 процентов, вместе взятых...» [4, с. 11–12].

В США архаичная избирательная система. Дело в том, что в этой стране нет прямых выборов президента вообще, а подсчитываются голоса выборщиков. Камала Харрис, например, представлявшая демократическую партию, набрала 223 голоса, а республиканец Дональд Трамп – 279, а для победы было достаточно набрать 270 голосов. Голосовать можно по почте и электронным образом. Удостоверять личность не обязательно. По решению Верховного суда США корпорации имеют право без ограничений финансировать предвыборные кампании, но в таком случае «кто платит, тот и музыку заказывает». Или приведем другой пример. На президентских выборах 2000 года в США республиканец Джордж Буш победил демократа Альберта Гора, набрав значительно меньше голосов избирателей. При этом уже после выборов в течение месяца происходили многочисленные пересчеты и судебные заседания, пока не были официально объявлены результаты выборов. Но, как говорится, «что позволено Юпитеру, то не позволено быку».

Таким образом, либеральная экономическая система обладает недостатками, которые перевешивают ее достоинства. Поэтому завоевывает право на существование модель социализированного капитализма, которую представляют, главным образом, страны Западной Европы.

Социализированная капиталистическая модель. Капитализм в этой модели, по мнению ее теоретиков, «был, есть и будет», но надо придать ему «человеческое лицо», сделать более привлекательным для общества. Поэтому государство должно стремиться ликвидировать такие социальные язвы капитализма, как эксплуатацию наемных работников, огромное неравенство между людьми по размерам доходов и личного имущества, большую безработицу. Либеральная экономическая модель в этом случае дополняется принципами социального партнерства, солидарности и ответственности различных экономических субъектов. Модель социализированного капитализма – это экономическая система, основанная на частнокапиталистической собственности на первостепенные ресурсы общества и конкуренции, дополняемая отношениями социального партнерства, солидарности и ответственности, где доминирующим социально-экономическим субъектом являются предприниматели-капиталисты, которым для получения прибыли предоставляется экономическая свобода, ограниченная социальными обязательствами государства.

Господствующая собственность на средства производства, природные и финансовые ресурсы в этой модели частнокапиталистическая. Вместе с тем доля государственного сектора в ВВП здесь существенно выше, нежели в либеральной капиталистической модели, но, как правило, меньше 50%. Государству принадлежат объекты социальной и производственной инфраструктуры. Доминирующим социально-экономическим субъектом являются предприниматели-капиталисты, для которых главным стимулом к экономической деятельности является получение прибыли. Но их экономическая свобода ограничивается социальными обязательствами, которые принимаются с учетом социально-экономической специфики каждой страны. Характер отношений между экономическими субъектами определяется частнокапиталистической собственностью на основные ресурсы общества. В ней господствуют отношения конкуренции, базирующиеся на стратегии вытеснения соперника из общего экономического пространства. Они дополняются и смягчаются отношениями социального партнерства и социальной ответственности.

Социальное партнерство определяется как особый вид отношений между партнерами, обеспечивающий разрешение противоречий и сбалансированность их интересов и действий на основе паритетности и консенсуса в переговорно-договорном процессе. Данное обстоятельство уже свидетельствует о том, что отношения конкуренции имеют свои пределы. Всемирно известный эксперт в сфере менеджмента Ицхак Адизес приходит к следующему выводу: «Сейчас мы ставим во главу угла принцип состязательности, а не сотрудничества... Нужно разработать методику, испытать и преподавать сотрудничество и взаимное доверие и уважение. Это должен быть главный компонент глобальной системы образования» [5, с. 36].

Отношения между доминирующим социально-экономическим субъектом и совокупным работником и в этой модели выступают как отношения между предпринимателями-капиталистами и наемными работниками. Такие отношения можно квалифицировать как эксплуатацию с целью получения прибыли. В этой модели предприниматели-капиталисты и наемные работники становятся социальными партнерами, ведут переговоры, добиваются компромисса. Необходимость социального партнерства обусловлена тем, что основные субъекты играют

разные роли как в производстве, так и в обществе в целом, и поэтому возникает проблема согласования их экономических интересов. Ни собственник средств производства, ни работник не смогут получить: один – прибыль, а другой – средства для жизни, если они не будут объединяться в процессе производства.

Основными принципами социального партнерства являются: взаимное признание интересов партнеров; паритетность на всех стадиях партнерских отношений; социальная справедливость при регулировании интересов и действий; ответственность сторон за исполнение принятых решений. Их реализация на практике сглаживает поляризацию общества. При этом растет как политическая, так и социальная устойчивость общества и создаются условия для прогрессивного развития экономики и общества в целом. В первую очередь объектом такого партнерства являются тарифы заработной платы, а в настоящее же время к ним добавляются условия труда, занятость, безработица, социальная защита.

В этой модели основная ставка делается на рыночный механизм регулирования экономической динамики, в основе которого лежат законы рыночной экономики. Вместе с тем государство, с одной стороны, пытается помочь рыночной экономике, когда поддерживает конкуренцию и оказывает содействие малому бизнесу. С другой – правительство стремится сгладить экономические циклы, внутренне присущие капиталистической рыночной экономике, уменьшить амплитуду колебаний в объемах производства продукции, регулируя рыночный механизм. Данное обстоятельство уже свидетельствует о том, что такой механизм имеет границы применения и эффективности, как экономической, так и социальной.

Экономическую политику государства в этой модели можно определить как совокупность действий правительства, направленных на регулирование макроэкономической динамики с целью бескризисного и устойчивого экономического роста. Такая политика осуществляется не только средствами кредитно-денежной и налогово-бюджетной политики, но охватывает и другие сферы экономики. Государство, например, проводит политику прогрессивных преобразований в структуре народного хозяйства, стимулирует инвестиционную активность экономических субъектов. Правительства тщательно составляют и принимают государственные бюджеты, добиваются их исполнения. Кроме того, разрабатываются

и реализуются среднесрочные и долгосрочные программы, определяющие основные направления развития научно-технического прогресса (НТП). Большое значение государство придает проблемам безопасности. Однако, как показал мировой кризис 2008–2009 гг., и модель социализированного капитализма не избавляет экономику от потрясений, глубоких спадов в производстве продукции, ухудшения положения трудящихся.

Основная философия социального рыночного хозяйства состоит во взаимодействии рынка и государства. Все больше западных экономистов приходят к выводу, что велением времени становится социальная справедливость. Социальная политика в такой модели представляет собой совокупность действий правительства по регулированию социального развития общества на основе реализации принципов партнерства, солидарности и социальной справедливости. Ее основные функции следующие: формирование устойчивой и справедливой социальной структуры общества на основе социального партнерства; стимулирование позитивной экономической и социальной активности населения; создание механизма социальной защиты. Однако и социализированная капиталистическая ориентация не освобождает данные страны от родимых пятен капитализма. Она, во-первых, порождает кризисы в экономике. Во-вторых, в таких странах доминирует разорванная демократия, которая отчетливо проявляется во время избирательных кампаний. Приведем примеры результатов таких кампаний в странах Европы, правительства которых наиболее агрессивно относятся к Беларуси и России. Начнем с Польши. В выборах президента в 2020 году в первом туре участвовали 11 кандидатов. Во второй тур, который состоялся 12 июля, прошли Анджей Дуда и Рафал Тшасковский. В результате выборов первый кандидат набрал 51,03%, а второй – 48,97%. В конечном счете за победителя избирательной кампании проголосовало немногим больше 28% от имеющих право голоса граждан. Глава миссии, наблюдавшей за ходом выборов, из Бюро демократических институтов и прав человека ОБСЕ Томас Бозеруп отметил, что кампания велась в конфронтационной атмосфере, а государственные СМИ не выполнили в полном объеме свои обязанности.

Президентские выборы в Литве прошли 12 мая (1-й тур) и 26 мая (2-й тур) 2019 года. В них участвовали 9 кандидатов. Во втором туре

победителями стали Гитанас Науседа (65,86%) и Ингрида Шимоните (32,86%). Превосходство победителя над побежденным, казалось бы, внушительное. Однако надо учесть, что в первом туре победитель набрал только 30,95% голосов проголосовавших избирателей, а его результаты во втором туре составляют немногим больше 35% от зарегистрированного количества избирателей. Вывод очевиден: перед нами примеры выборов в странах с разорванной демократией, где победители избирательных кампаний не выражают интересы большинства. Более того, проведение избирательных кампаний в западных странах тщательно контролируется и довольно жестко направляется глубинными правительствами США и ЕС. В Румынии, к примеру, в первом туре на выборах Президента Румынии 24 ноября 2024 г. с явным преимуществом победил Кэлин Джоржеску, который набрал 22,94%. Что произошло потом? Конституционный суд Румынии сначала признал этот результат, а затем, после давления на него руководства США и ЕС, положительная оценка полученного результата была аннулирована, а выборы Президента перенесены на неопределенное время. Почему? Победитель был за прекращение войны на Украине и отмену санкций против России. В Молдове с большим трудом и только под большим давлением Запада Президентом стала Майя Санду. В Грузии западные спецслужбы делали все возможное, чтобы вернуть эту страну под влияние Запада. США руководствуются принципом «Кто не с нами, тот против нас!».

Выделим и социалистически ориентированную базовую модель национальной экономики. *Социалистическая экономическая модель* – это управляемая и регулируемая государством экономическая система, основанная на общенародной собственности на ресурсы общества, развиваемая с целью повышения духовно-нравственного, интеллектуального и физического уровня развития человека.

Социализм базируется на собирательной идеологии, объединяющей людей в народ. Ядро такой идеологии составляют принципы коллективизма и общих целей. Ее можно определить следующим образом: «Мы – одна семья!». В этой модели делается попытка направить производство на удовлетворение потребностей всего общества как единого целого. Государство так организует производство и потребление продукции, чтобы имело место расширенное воспроизводство физически и духовно здорового

населения и была обеспечена безопасность народа и личности. Социалистическое государство создает условия для реализации прав на жизнь, труд, здоровье, образование. При социализме не прибыль – главное, а жизнедеятельность всего населения.

В такой модели в стране господствует общенародная собственность, поскольку именно она выражает интерес народа. Общественной, например, является собственность на невозпроизводимые природные ресурсы, имущество топливно-энергетического, военно-промышленного, социально-культурного комплексов.

В основе социалистического хозяйственного механизма лежит централизованное экономическое управление. Его ядром является планирование – особая форма деятельности правительства по разработке, согласованию и утверждению планов, доведению их до исполнителей и контролю. В современной социалистической экономике централизованное планирование дополняется рыночным механизмом для предприятий, основанных на частнокапиталистической собственности и конкуренции.

Ядро социальной политики составляет социальное планирование – разработка государственными органами управления и трудовыми коллективами системы мер по повышению уровня и качества жизни трудящихся, совершенствованию социалистической демократии, развитию трудовых коллективов. Важнейшие принципы социальной политики – справедливость, солидарность и ответственность членов общества. Они предполагают: общую ориентацию экономики на увеличение средней продолжительности жизни и уровня духовно-интеллектуального развития населения; социальную защищенность населения; создание условий для максимально возможной и эффективной занятости трудящихся; справедливое распределение доходов; социальные гарантии на труд, пенсионное обеспечение, отдых, образование, медицинские услуги; доступность жилья; социальную и экономическую безопасность граждан и страны.

Белорусская экономическая модель стала формироваться во второй половине 90-х годов прошедшего столетия. Она была определена в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития (НСУР) Республики Беларусь на период до 2020 года как социально ориентированная рыночная экономика – это высокоэффективная экономика с развитым предпринимательством и рыночной

инфраструктурой, действенным государственным регулированием, заинтересовывающим предпринимателей в расширении и совершенствовании производства, а наемных работников – в высокопроизводительном труде [6, с. 13]. В этом определении не учитываются, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, любая экономическая система является социально ориентированной. Поэтому речь может идти лишь о степени ее социальной ориентации. Во-вторых, современные национальные экономические системы являются смешанными.

Стратегическая цель устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 года, принятая 2 мая 2017 года, сформулирована «как обеспечение высоких жизненных стандартов населения и условий для гармоничного развития личности на основе перехода к высокоэффективной экономике, основанной на знаниях и инновациях, при сохранении благоприятной окружающей среды для будущих поколений» [7, с. 21].

В Республике Беларусь большую роль играет государственная собственность на средства производства, природные и финансовые ресурсы. По Конституции Республики Беларусь (ст. 13) в собственности государства находятся недра, воды, леса, земли сельскохозяйственного назначения [8, с. 7]. У нас по-прежнему сохраняется мощный государственный сектор, на долю которого приходится более половины всех работающих. Отношение к государственному сектору можно определить по принципу «Частный сектор – насколько возможно, а государственный – насколько это необходимо».

В социалистическом обществе доминирует такой социально-экономический субъект, как совокупный работник, а отношения между людьми в такой экономической системе характеризуется не конкурентностью, а сотрудничеством, солидарностью, социалистическим соревнованием. Ведущим социально-экономическим субъектом в Беларуси является народ, ядро которого составляет совокупный работник. В статье 13 Конституции Республики Беларусь, в частности, говорится о том, что «государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [8].

Государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает управление и координацию государственной и частной

экономической деятельности в социальных целях». В статье 14 сказано о том, что «отношения в социально-трудовой сфере между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профессиональными союзам осуществляются на принципах социального партнерства и взаимодействия сторон» [8].

Развитие трудящихся, их человеческого потенциала, является важнейшим приоритетом Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы. Предполагается, что «политика занятости будет нацелена на максимальное вовлечение трудоспособного населения в экономику, повышение эффективности использования трудового потенциала. Задача государства – обеспечить каждого трудоспособного человека рабочим местом» [9, с. 11].

В Беларуси сотрудничество культивируется вместо конкуренции. Конкуренция, по своей сути, – это экономическая война между всеми хозяйствующими субъектами, и неважно, как она при этом называется: совершенная или несовершенная, добросовестная или недобросовестная. В нашей же стране, с одной стороны, роль конкуренции довольно часто преувеличивается. С другой – в качестве одного из приоритетов в Программе на 2021–2025 годы выделяется полноценное партнерство между государством, государственными и частными предприятиями. Предполагается совершенствование делового климата для всех субъектов хозяйствования – государственных и частных, отечественных и иностранных. Тем самым белорусское Правительство предпринимает попытку объединить усилия бизнеса и государства в один механизм с целью повышения благосостояния населения Беларуси.

В Республике Беларусь была сформирована система управления экономикой, а на смену либерализации цен на многие товары пришло их государственное регулирование, дополненное жесткой бюджетно-финансовой политикой. Во второй половине 90-х гг. XX века в Беларуси была создана вертикаль государственной власти, способная реально управлять социально-экономическими процессами в интересах всего народа. В 1998 году был принят Закон Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь». 12 июля 2023 года разработан и стал действовать Закон Республики Беларусь «О государственном прогнозира-

нии и государственном планировании в Республике Беларусь» [10]. Это означает, что наше государство не только регулирует социально-экономическое развитие страны, но и управляет им. Поэтому было бы целесообразным создать, подчиненную непосредственно Президенту Республики Беларусь, Государственную плановую комиссию (Госплан). Под государственным управлением будем понимать сознательное воздействие государства на экономические процессы посредством целостной совокупности средств и методов для достижения определенных целей. Основными функциями государственного социалистически ориентированного управления экономической системой в современных условиях являются: целеполагание; организация производства и потребления продукции и услуг; регулирование экономики; управление государственным сектором экономики; планирование и прогнозирование социально-экономического развития страны; безопасность граждан и населения в целом.

Каковы результаты проявления патернализма на практике в Беларуси? Особо стоит отметить 2003 год, когда в Республике Беларусь был превзойден уровень 1990 г. по объему производства ВВП. Ровно 13 лет понадобилось, чтобы преодолеть экономический спад. В 2003 году ВВП России по сравнению с 1990 г. был равен 79,2%, Украины – 53,3%, Молдовы – 42,2%, Литвы – 88%, Латвии – 78,8%. Барьер 1990 г. тогда превошли только две республики бывшего СССР: Беларусь и Эстония. На «БелАЗ» в настоящее время приходится около 30% мирового рынка аналогичной карьерной техники. «МТЗ», один из восьми крупнейших производителей тракторов в мире, занимает 2/3 рынка тракторов в СНГ. «МАЗ» не только сохранил свои позиции по грузовым автомобилям, но и стал производить конкурентоспособные автобусы и троллейбусы.

Успехи в экономике позволили нашему государству проводить и сильную социальную политику. Основными направлениями социальной политики являются: создание условий для качественного воспроизводства населения; содействие развитию рациональной структуры занятости населения, повышение эффективности использования рабочей силы и ее качества; повышение реальных доходов как основного фактора улучшения качества жизни и формирования среднего класса в стране; обеспечение стабильной, финансово устойчивой пенсионной системы; совершенствование социальной

защиты населения на основе обеспечения адресности оказания социальной помощи, повышения эффективности и доступности социального обслуживания.

В статье 21 Конституции Беларуси говорится о том, что «каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства» [8]. В этой связи, на наш взгляд, целесообразно создавать и соответствующие предпосылки. Работник, например, любого государственного предприятия должен относиться к государственному имуществу как к своему и эффективно его использовать, но так случается не всегда. Одна из причин такого положения состоит в том, что между управленческим персоналом и рабочими в цехах, занятых непосредственно производством продукции, существует не всегда обоснованный разрыв в заработной плате, включая премию. Зарплата управленцев, с нашей точки зрения, должна повышаться пропорционально средней заработной плате рабочих в цехах. Кроме того, плоская шкала ставки подоходного налога в 13% по своей сути является либеральной капиталистической и приводит к росту дифференциации населения по доходам и имуществу. Она не соответствует принципу солидарности, который реализуется в социализированных капиталистических системах, например, в Швеции и Дании. Поэтому у нас в Беларуси имеет смысл ввести прогрессивную ставку подоходного налога.

В сфере здравоохранения наша Беларусь достигла успехов мирового уровня. Приведем следующий пример. Летальность при COVID-19 по состоянию на 11.06.2020 г. в Беларуси была гораздо меньше, чем во многих развитых странах. Отношение умерших к заболевшим в процентах составило: в Беларуси 0,56; Латвии 2,4; Чехии 3,4; Эстонии 3,5; Литве 4,2; Польше 4,3; США 5,6 [11, с. 11].

Главным достижением экономики Беларуси является подготовка образованных и высококвалифицированных специалистов, что позволит обеспечить благоприятные стартовые позиции для вхождения в новую глобальную экономику знаний. Основной задачей общества должно стать формирование личности с системным мировоззрением, критическим, социально и экологически ориентированным мышлением, активной гражданской позицией.

Стратегической целью развития системы охраны здоровья выступает увеличение продол-

жительности здоровой жизни населения. Предстоит выработать единую концепцию здорового образа жизни населения, направленную на формирование нравственной личной ответственности человека за сохранение своего здоровья и членов его семьи. Акцент будет сделан на создании условий, обеспечивающих сохранение здоровья населения. Устойчивое развитие человека, духовное здоровье нации базируются на системе духовно-нравственных ценностей общества, являющихся основой формирования национально-го самосознания.

В нашей стране существенно выше уровень демократичности избирательной системы нежели в западных капиталистических государствах, в первую очередь в США. 26 января 2025 г., например, белорусский избиратель выбрал А.Г. Лукашенко Президентом Республики Беларусь. За него проголосовало 5136293 избирателя, что составило около 86,82%. Это означает, что наш Президент выражает интересы абсолютного большинства народа. Ни одна западная страна не может таким единством народа похвастаться. Интересы большинства народа выражают лидеры России, Китая, Вьетнама, Северной Кореи, Республики Куба. В этом их преимущество перед странами Запада, где господствует разорванная демократия, подвергаемая различным манипуляциям.

Заключение. Проведенное научное исследование по поводу социальной ориентации национальных экономических систем позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, по критерию социальной ориентации можно выделить три группы национальных моделей: либеральную капиталистическую, социализированную капиталистическую и социалистически ориентированную. Во-вторых, имманентной менталитету народа Республики Беларусь – социалистически ориентированная модель национальной экономики. В-третьих, социальным детерминантом в такой модели является государственная (общенародная) собственность на средства производства, природные и финансовые ресурсы общества. В ней господствует такой социально-экономический субъект как совокупный работник. Отношения между людьми в такой экономической системе не конкурентные, а сотрудничества, солидарности, социалистического соревнования. В-четвертых, ядро социальной политики в социалистической системе составляет распределение произведенного продукта по труду и его результатам, социальной

справедливости. В-пятых, социалистическая экономика предполагает управление государственным сектором экономики на основе планирования и регулирования. В Беларуси было бы целесообразно создать подчиненную Президенту Республики Беларусь Государственную плановую комиссию (Госплан).

На основе сказанного можно сделать общий вывод о том, что белорусская модель может быть определена как социалистически ориентированная или «Социализм с белорусской спецификой!».

Литература

1. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г.А. Василевич. – Минск: Выш. шк., 2016. – 399 с.
2. Янчук, В.А. Белорусская экономическая модель в классификации национальных экономических моделей по признаку социальной ориентации экономики / В.А. Янчук // Право. Экономика. Психология. – 2015. – № 1. – С. 49 – 55.
3. Янчук, В.А. Альтернативные варианты экономического развития / В.А. Янчук // Белорусская думка. – 2017. – № 11. – С. 84–90.
4. Стиглиц, Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Дж. Стиглиц; пер. с англ. Ф. А. Исрафилова. – Москва: Эксмо, 2016. – 480 с. (Top Economics Awards).
5. Адизес, И. Политические озарения / И. Адизес. – М.: Рид Групп, 2012. – 240 с.
6. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь; редкол.: Я.М. Александрович [и др.]. – Минск: Юнипак, 2004. – 200 с.
7. Стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 31.12.2024).
8. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 80 с.
9. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 31.12.2024).
10. О государственном прогнозировании и государственном планировании: Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2023 г. № 279-З; в ред. от 20.07.2023 № 2/2999 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.
11. Летальность при COVID-19. Отношение умерших к заболевшим в процентах. По состоянию на 11.06.2020. По данным Университета Джона Хопкинса // СБ. Беларусь сегодня. – 2024. – 24 дек. – С. 11.

Поступила в редакцию 21.01.2025

Ключевые аспекты и условия развития «зеленого» образования в ЕАЭС

Мицкевич К.А., Краенкова К.И.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

«Зеленое» образование играет важную роль в формировании нового поколения, способного решать экологические проблемы и строить устойчивое будущее. Необходимость «зеленого» образования основывается на мировом опыте, который демонстрирует его ключевую роль в поддержании баланса между экономической, экологической и социальной частями в устойчивом развитии.

Цель работы – обоснование необходимости развития единой системы «зеленого» образования в странах ЕАЭС.

Материал и методы. *В качестве эмпирической базы исследования были использованы первичные данные о развитии «зеленого» образования в мире, изучен опыт стран Западной Европы, Азии, Америки по принципу кейс-стади. Выборочное изучение практики отдельных стран для изучения институциональных границ «зеленого» образования позволило оценить потенциал данного вида обучения, а также выявить лучшие кейсы для формирования единой системы «зеленого» образования в странах ЕАЭС.*

Основной метод сбора данных в работе – это обзор и синтез существующих аналитических материалов в области «зеленого» образования. Это позволило авторам сформировать целостное представление о текущем состоянии и тенденциях развития «зеленого» сегмента образовательной деятельности на глобальном уровне.

Результаты и их обсуждение. *В статье был проанализирован опыт стран – участниц ЕАЭС в области формирования системы «зеленого» образования, изучены инфраструктурные элементы, оценены институциональные границы «зеленого» образования и опыт отдельных зарубежных стран.*

Заключение. *Комплексный подход к оценке «зеленого» образования позволил сформировать целостное представление о состоянии «зеленого» сегмента образования в странах, выявить ключевые аспекты и условия развития, а также предложить шаги по формированию интернациональной платформы для «зеленого» образования в рамках ЕАЭС. Это будет способствовать созданию экосистемы «зеленого» образования для успешной реализации целей устойчивого развития на уровне отдельных государств и ЕАЭС в целом.*

Ключевые слова: *«зеленое образование», устойчивое развитие, образовательная среда, традиционные методы, цифровые методы.*

Key Aspects and Conditions for the Development of Green Education in the EAEU

Mitskevich K.A., Krayenkova K.I.

Education Establishment "Vitebsk State Technological University"

"Green" education plays an important role in shaping a new generation capable of addressing environmental issues and building a sustainable future. The necessity of "green" education is based on global experience, which demonstrates its key role in maintaining a balance between the economic, environmental, and social parts in sustainable development.

The purpose of the work is to justify the need for the development of a unified system of "green" education in the EAEU countries.

Material and methods. *The empirical basis of the study consisted of primary data on the development of "green" education worldwide, focusing on the experiences of Western European, Asian, and American countries through a case study approach. The selective examination of practices in individual countries to study the institutional boundaries of "green" education allowed for an assessment of the potential of this type of education, as well as the identification of best cases for forming a unified system of "green" education in the EAEU countries. The primary method of data collection in the study was a review and synthesis of existing analytical materials in the field of "green" education. This enabled the authors to develop a comprehensive understanding of the current state and trends in the development of the "green" segment of educational activities at the global level.*

Findings and their discussion. *The article analyzed the experience of EAEU countries in forming a "green" education system, studied the infrastructure elements, evaluated the institutional boundaries of "green" education, and examined the experiences of individual foreign countries.*

Conclusion. *A comprehensive approach to assessing "green" education allowed for a complete understanding of the state of the "green" segment of education in the countries, identified key aspects and conditions for development, and proposed steps to create an international platform for "green" education within the framework of EAEU. This will contribute to the creation of a "green" education ecosystem for the successful implementation of sustainable development goals at the level of individual states and the EAEU as a whole.*

Key words: *"green" education, sustainable development, educational environment, traditional methods, digital methods.*

«Зеленое» образование играет ключевую роль в формировании нового поколения, способного решать глобальные экологические проблемы и строить устойчивое будущее. Формирование целей будущего в мире происходит через концепцию устойчивого развития, которая получила свое отражение в Целях устойчивого развития ООН [1]. 17 целей устойчивого развития (далее – ЦУР) формируют глобальную повестку и направлены на решение актуальных задач, они согласованы правительствами 193 стран и их достижение зависит от действий и сотрудничества каждого его участника.

ЦУР могут быть разделены на этапы: 1 этап (цель 1–6), 2 этап (цель 7–10), 3 этап (11–15), 4 этап (16–17) [2]. Следует отметить, что для достижения каждого этапа целей устойчивого развития необходимо соблюдать экологические нормы и правила. В связи с этим кроме различных государственных и межгосударственных решений, соглашений в области сохранения окружающей среды необходимо развивать экологическую осознанность населения планеты и это можно осуществить с помощью инвестиций в «зеленое» образование.

«Зеленое» образование представляет собой подход к образованию, который учит людей понимать и решать глобальные экологические проблемы, такие как изменение климата, загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов и др. [3, с. 77]. В научном мировом сообществе вопросам «зеленого» образования уделяется достаточное внимание [4; 5; 6; 7; 8], что подтверждает актуальность выбранной темы исследования. Можно выделить следующие основные составляющие данного проекта: экологическое просвещение, научная деятельность в области экологии, участие в мероприятиях экологического характера, вовлечение всех групп населения в тему устойчивого развития.

Таким образом, «зеленое» образование охватывает всестороннюю деятельность в области экологии и предполагает полное вовлечение граждан в экологический аспект устойчивого развития.

«Зеленое» образование условно можно разделить на формальное и неформальное (рисунок 1).

Формальное «зеленое» образование получило свое распространение преимущественно в школах и университетах. В школьной среде обучение представляет собой интеграцию экологических тем в различные учебные предметы (биология, география, химия), проведение практических занятий на природе, создание школьных экологических клубов, участие в экологических проектах и конкурсах и др. Высшая школа развивает

«зеленое» образование в виде специализированных экологических программ (экология, природопользование, устойчивое развитие), междисциплинарных программ, объединяющих экологические, экономические и социальные аспекты, научные исследования в области экологии.

Неформальное «зеленое» образование направлено на популяризацию экологического движения в виде дополнительных кружков, секций, фестивалей, волонтерской деятельности, а также продвижению в Интернет-ресурсах.

«Зеленое» образование стало одним из ключевых направлений в современном обучении. Страны по всему миру внедряют различные программы и инициативы, направленные на формирование экологически ответственного поколения.

В странах Западной Европы активно начали обсуждаться вопросы данного проекта в середине XX века после конференции, посвященной защите окружающей среды и экологии, организатором которой была ООН. Кроме того, конференция оказала значительное влияние на формирование правовых норм и инициатив в данной сфере, способствуя развитию международного сотрудничества в области охраны окружающей среды [9].

Вопросы «зеленого» образования начали активно обсуждаться в США, затем в Австралии и Новой Зеландии, а также в странах Азии. На постсоветском пространстве выше указанная тема стала актуальной в конце 80-х годов XX века. Однако, после распада СССР каждое из государств-участников начало развивать собственные подходы в области экологии и образования.

К странам-лидерам в Северной Европе в области «зеленого» образования можно отнести Скандинавию и Германию. В данных странах такой подход интегрирован в школьные программы, начиная с младшего возраста, а в высшей школе имеется большой спектр специальностей в области экологии для получения высшей и других ступеней. Кроме этого, активно развивается неформальное «зеленое» образование. В США многие вузы предлагают специализированные программы по устойчивому развитию, экологическому менеджменту и другим смежным областям, созданные частные фонды выделяют гранты для роста экологической культуры населения страны. В связи с острыми экологическими проблемами лидерами по развитию данного проекта в азиатских странах являются Китай и Индия.

Проанализируем институциональные границы «зеленого» образования в зарубежных странах.

Рисунок 1 – Виды «зеленого» образования

Источник: составлено автором.

Таблица 1 – Институциональные границы «зеленого» образования в зарубежных странах

Страны	Утвержден	Наличие инфраструктурной поддержки	Участие в международных программах по достижению ЦУР	Наличие специализированных дипломов/сертификатов о получении «зеленого» образования
Германия ¹	Да	7 программ развития; 3 образовательные платформы; более 10 образовательных программ	Программа ЮНЕСКО «Образование для устойчивого развития»; более 10 международных программ	Есть
Швеция ²	Да	Национальный центр образования для устойчивого развития; 5 программ развития; 2 образовательные платформы; более 10 образовательных программ	Программы и инициативы ЮНЕСКО «Образование для устойчивого развития»; 4 международные программы	Есть
Норвегия ³	Да	2 программы развития; 1 образовательная платформа; более 10 образовательных программ	3 международные программы	Есть
США ⁴	Нет	Более 20 проектов экологической направленности; 5 образовательных платформ; более 15 образовательных программ	Косвенное участие в международных программах	Есть
Китай ⁵	Да	10 программ развития; 1 образовательная платформа; более 10 образовательных программ	Программа ЮНЕСКО «Образование для устойчивого развития»; более 10 международных программ	Есть
Индия ⁶	Да	1 программа развития; более 10 образовательных программ	3 международные программы	Нет

Источник: составлено автором на основе [10, с. 80].

¹ Национальная стратегия устойчивого развития Германии: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/nachhaltigkeitspolitik/eine-strategie-begleitet-uns/nationale-nachhaltigkeitsstrategie>

² Национальная стратегия устойчивого развития Швеции: <https://www.government.se/government-policy/the-2030-agenda-for-sustainable-development/>

³ Национальная стратегия устойчивого развития Норвегии: <https://www.regjeringen.no/no/tema/klima-og-miljo/baerekraftig-utvikling/id2648785/>

⁴ Стратегии устойчивого развития на уровне штатов США: <https://www.epa.gov/smartgrowth/state-and-local-climate-and-energy-program>

⁵ Национальный план Китая по достижению ЦУР: <https://www.cn.undp.org/content/china/en/home/sustainable-development.html>

⁶ Национальный план Индии по достижению ЦУР: https://niti.gov.in/writereaddata/files/SDG_3.0_Final_04.07.2019.pdf

Таким образом, международный опыт демонстрирует растущий спрос на продвижение «зеленого» образования, которое проявляется в интеграции с классическими образовательными программами и создании новых «зеленых» программ обучения разного уровня, т.е. речь идет о формировании отдельной «зеленой» школы формального и неформального образования.

Мировой опыт показывает возможность, необходимость и значимость «зеленого» образования, что является аргументом в постановке цели исследования, которая заключается в обосновании необходимости развития единой системы «зеленого» образования в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как движущей силы и главной инвестиции в процессы реализации целей устойчивого развития, последующего достижения долгосрочных результатов в области сохранения благополучного состояния окружающей среды.

В ЕАЭС реализуется много проектов, направленных на достижение ЦУР, каждый из которых имеет свои задачи и приоритеты. В 2022 году Департамент статистики Евразийской экономической комиссии опубликовал сборник под названием «Достижение Целей в области устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза» [11]. В данном сборнике собрана информация, сгруппированная по различным параметрам и показателям, относящаяся к выполнению ЦУР как отдельных стран, так и всего союза за 2017–2021 гг.

Контроль процессов выполнения ЦУР в странах ЕАЭС является необходимым, но не достаточным условием для совместного устойчивого развития. Наиболее важную роль играют реальные действия, проекты и программы в области устойчивого развития. Сегодня существуют такие программы как на уровне ЕАЭС, так и на национальном уровне стран – участниц Евразийского союза.

Современная модель развития экономики предполагает ответственное отношение каждого человека к ресурсам Земли, направленную на поиск компромисса между сохранением природных богатств и ростом благосостояния людей [12]. В соответствии с данным направлением Департаментом макроэкономической политики ЕАЭС была разработана Концепция внедрения принципов «зеленой» экономики в Евразийском экономическом союзе. Сообщается, что фундаментом для внедрения в государствах – членах ЕАЭС принципов «зеленой» экономики является закрепленная пунктом 8.3.7 стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных Решением

Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 договоренность глав государств – членов ЕАЭС [13].

С точки зрения логики зарубежных рынков «зеленый» проект должен соответствовать одному из трех направлений – снижение уровня загрязнения, предотвращение изменения климата, сохранение природных ресурсов и биоразнообразия. Также в 2023 году была утверждена модельная таксономия для обеспечения финансирования «зеленых» проектов. При этом общие критерии данных проектов стран – участниц ЕАЭС были одобрены Рабочей группой высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств – членов ЕАЭС в рамках климатической повестки (Протокол от 22.12.2022 № 43-АС) [14].

Несмотря на активную работу ЕАЭС в области экологического аспекта устойчивого развития, глобального, единого и комплексного подхода в области экологии на уровне ЕАЭС пока что не выработано. Следует отметить, что ни одно экологическое преобразование и нововведение невозможно без соответствующих знаний в данной области. Занимаясь финансированием «зеленых» проектов, стимулируется их появление, однако гораздо больших результатов можно добиться, совершенствуя уровень экологических знаний школьников и студентов на базовом и углубленном уровнях, а также стимулируя экологически необходимую и полезную для состояния окружающей среды деятельность населения.

Таким образом, развитие экосистемы «зеленого» образования является одним из направлений реализации ЦУР, становления «зеленой» экономики и формированию экологической культуры в мире.

Материал и методы. В качестве эмпирической базы исследования были использованы первичные данные о развитии «зеленого» образования в мире, изучен опыт стран Западной Европы, Азии, Америки по принципу кейс-стади. Выборочное исследование практики отдельных стран для изучения институциональных границ «зеленого» образования позволило оценить потенциал данного вида обучения, а также выявить лучшие кейсы для формирования единой системы указанного проекта в странах ЕАЭС.

Основной метод сбора данных в работе – это обзор и синтез существующих аналитических материалов в области «зеленого» образования. Это позволило авторам сформировать целостное представление о текущем состоянии и тенденциях развития «зеленого» сегмента образовательной деятельности на глобальном уровне.

Результаты и их обсуждение. «Зеленое» образование сегодня – необходимая мера для наиболее скорого перехода к режиму одновременного отсутствия урона окружающей среды и повышения всеобщего благосостояния, которое способно заложить фундамент для благополучной и экологически правильной жизни последующих поколений.

В настоящее время в каждой из стран ЕАЭС уделяется внимание развитию «зеленого» образования. Однако отсутствие единого подхода и реализация лишь точечных проектов может являться только базой для построения системы «зеленого» образования, необходимой для достижения целей устойчивого развития.

В Республике Казахстан в рамках развития экологического аспекта устойчивое развитие совместно с Программой развития ООН (ПРООН) государство реализует пилотный проект на 2020–2024 годы по развитию экологического образования среди населения страны⁷. Цель проекта – поддержка деятельности правительства в области формирования единой экологической культуры республики, а также подготовка соответствующих кадров и методических пособий на экологическую тематику. В рамках реализации проекта 17 учреждений разных ступеней образования были оснащены ресурсосберегающими и экологически безопасными технологиями, были подготовлены соответствующие материалы по экологической культуре для организации дошкольного образования; также предполагалось использование тематических настольных игр и видеоуроков интерактивного формата среди учеников 1–4-х классов по предмету «Познание мира».

В рамках проекта экспертами ПРООН было разработано более 90 цифровых уроков-презентаций на русском и казахском языках для 6–8-х классов с иллюстративными материалами по животному и растительному миру и экосистемам трех пилотных регионов: Северный Тянь-Шань и Жетысуский Алатау, казахстанский Алтай и Западный Тянь-Шань. Каждый урок сопровождается методическим пособием для учителей биологии. Более 130 педагогов прошли обучение по новой образовательной программе экологического характера. Реализации проекта содействуют НАО «Международный центр зеленых технологий и инвестиционных проектов», Министерство

экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан [15, с. 22].

В Кыргызской Республике действует общественное объединение «Студенты Кыргызстана за Зеленую Экономику» – молодежная экологическая некоммерческая организация, возглавляемая молодыми людьми, учрежденная инициативной группой студентов разных университетов Кыргызстана с целью развития и объединения интеллектуального потенциала молодежи для продвижения «зеленой» экономики и культуры устойчивого развития. В рамках развития экологического образования в Кыргызстане благодаря усилиям упомянутого выше общественного объединения, а также при поддержке Фонда Фридриха Эберта в Кыргызской Республике были переведены на кыргызский язык цифровая образовательная платформа ClimateScience⁸ и международная климатическая олимпиада, предоставляя возможность молодежи страны повышать свой потенциал в науке, а также участвовать в международной климатической олимпиаде.

ClimateScience – это комплексная платформа, созданная для получения знаний и навыков для принятия мер по борьбе с изменением климата. Платформа разработана на основе отчетов Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) при поддержке Кэмбриджского и Оксфордского Университетов, ООН и других образовательных учреждений и международных организаций [16].

В Республике Беларусь реализуется проект «Зеленые школы» в рамках подхода к экологическому образованию⁹. Проект включает в себя инициативы образовательных учреждений по экологическому просвещению учащихся, а также выполнение задач, направленных на обучение как учеников, так и учителей в таких областях, как биоразнообразие, энергосбережение, водосбережение и управление отходами. Кроме того, проводятся информационно-экологические мероприятия, включая акции, выставки, конкурсы и другие мероприятия по экологическому просвещению для местного населения.

Программа «Зеленые школы» была модифицирована для Беларуси в рамках проекта ПРООН «Повышение экологической информированности молодежи через создание и развитие “Зеленых школ” в Беларуси», который финансируется Европейским союзом. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды стало

⁷ <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/stories/pilotnyy-proekt-ekologicheskoy-shkoly-vdokhnovlyayet-shkolnikov-stat-khranitelyami-lesov-i-okruzhayushchey-sredy>

⁸ <https://climatescience.org/ru>

⁹ <https://rcek.by/o-seti-zelenyh-shkol/>

национальным исполняющим агентством проекта. В 2013 году представители Министерств образования и природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь подписали Положение о реализации проекта «Зеленые школы».

Также с апреля 2023 года в Республике Беларусь осуществляется проект «Климатическая шкатулка»¹⁰. Основная его цель – содействие реализации ЦУР и климатической повестки через развитие и пропаганду климатического образования и просвещения, используя специальные материалы и обучающую программу для школьников на тему «Изменение климата». Проект на региональном уровне охватывает ряд стран Восточной Европы и Центральной Азии. В его состав входят адаптация учебных материалов и программ для школьников по вопросам изменения климата, организация семинаров и конференций для преподавателей, а также разнообразные мероприятия для учащихся.

Таким образом, в Беларуси был начат процесс внедрения новонаправления в образовании – экологическое образование.

В Армении в целях просвещения населения в области экологического аспекта устойчивого развития, а также повышения качества общего образования, экологической осведомленности, сохранения природных ресурсов и биоразнообразия, устойчивого развития местных сообществ и вовлечения заинтересованных сторон действует экоклуб «Тапан». Направлениями деятельности клуба являются: экообразование, биоразнообразие, сохранение и развитие леса, деградация земель, водные ресурсы, рациональное использование энергии и ресурсов. С помощью образовательных и учебных программ, мероприятий по повышению осведомленности общественности, исследований биоразнообразия, экологических разработок и исследований НПО в рамках экоклуба осуществляются различные мероприятия.

Также в Армении действует программа «SPARE»¹¹ – международная школа энергии и ресурсов, в рамках которой производится редактирование и печать учебных пособий и материалов, а также подготовка соответствующих образовательных кадров и обучение студентов; внедрение эффективных и экономически целесообразных мер по снижению тепла, энергии и ресурсов в учебных учреждениях.

На сегодняшний день в Российской Федерации среди образования для школьников набирает

обороты проект «Зеленые школы»¹². Целью программы является формирование экологической культуры среди обучающихся с помощью развития системы экологического просвещения и внедрения экологической инфраструктуры на базе школ. Уроки разрабатываются экспертами и специалистами в разных областях. Доступ к Экоклас.рф есть у каждого учителя, где в можно ознакомиться и скачать необходимые материалы для проведения уроков. Сегодня на портале Экоклас.рф зарегистрированы: 74000 учителей, 7000 волонтеров, 2300000 школьников из всех регионов России и 11 других стран. В среднем в одном уроке принимают участие от 5000 до 10000 учителей. Охват каждого урока – в среднем 200000 школьников.

Среди студентов высших учебных заведений Российской Федерации действует программа «Зеленые вузы России»¹³, целью которой является формирование экологической культуры в вузовском сообществе и внедрение конкретных экологических практик.

Результаты деятельности программы включают в себя:

- создание 9 общероссийских квестов;
- 477 вузов-участников из 83 регионов России;
- более 857 тонн вторсырья переработано экоклубами;
- 61200 участников квестов;
- 172 члена Ассоциации «зеленых» вузов России.

Деятельность в рамках проекта предполагает просвещение и обучение, практические действия, которые приводят к формированию экологической культуры у студентов и реализации «зеленых» практик в университетах.

В рамках федеральной партнерской программы «Зеленые вузы России» действует Ассоциация «зеленых» вузов России, направленная на реализацию экологических принципов развития и «зеленой» экономики в университетах Российской Федерации. В рамках программы работы Ассоциации кроме образовательной деятельности проводятся постоянные работы практического характера: экологическое просвещение студентов, привлечение преподавателей к участию в развитии экологического движения, развитие международного студенческого взаимодействия и кооперации, развитие экологического студенческого движения в России.

¹² <https://ecamir.ru/upload/iblock/493/493acc1e5cb0b0d8f0504e35b4054247.pdf>

¹³ <https://greenuniversity.ru>

¹⁰ <https://rcek.by/klimaticheskaya-shkatulka-belarus/>

¹¹ <https://пуни.рф/SPARE>

Таблица 2 – Список цифровых образовательных решений, необходимых для создания программы «Зеленая образовательная среда ЕАЭС»

Наименование образовательной среды	Характеристика
Единый сайт-платформа «зеленого» образования	В рамках платформы планируется разделение образовательного контента для учеников школ разных классов (например, 1–2-е классы, 2–3-е классы, 4–5-е классы и т.д.), для студентов учреждений среднего специального, а также высшего образования
Разделы образовательных викторин	Вовлечение детей и молодежи в экологические темы с использованием игровых викторин
Система электронного документооборота	Оптимизация процессов сбора, хранения и обработки документов
Система онлайн-обучения	Дистанционное обучение, формирование статистики по результатам пройденных курсов и усвояемости учебных материалов
«Зеленые» курсы	Создание образовательных курсов и тестов на экологическую тематику, тематику устойчивого развития
Корпоративный портал	Составление учебных планов учащихся и студентов

Источник: составлено автором.

Из рассмотренных выше фактов по деятельности стран ЕАЭС в области «зеленого» образования можно сделать вывод о понимании данными государствами всей важности указанной программы, так как в рамках каждой страны существуют и реализуются соответствующие проекты. На основании рассмотренных примеров программ стоит выделить работу программ Российской Федерации в данной области как наиболее системных, исследованных и относящихся к понятию «зеленого» образования, предполагающего как образовательную и просветительскую деятельность, так и научную в области экологии.

Единый подход к «зеленому» образованию в ЕАЭС – это следующий шаг к становлению «зеленой» экономики и реализации целей ЦУР в рамках союза.

Для формирования экосистемы «зеленого» образования в рамках ЕАЭС необходимо понимать и учитывать тенденции в образовании. В современном мире, где темпы развития технологий постоянно ускоряются, а информация становится все более доступной, роль образования не только не уменьшается, но, напротив, возрастает.

Сегодня образование – это не просто набор знаний и навыков, это непрерывный процесс самосовершенствования и адаптации к меняющимся условиям жизни. В настоящее время понятие «образование» можно разделить на традиционное и цифровое.

Традиционное образование представляет собой модель стандартного учебного процесса, не предполагающего использования цифровых

технологий как учащимися, так и преподавателями. В последние годы все более актуальным и востребованным становится цифровое образование, которое является одним из направлений цифровизации рынка труда [17; 18], сопровождающихся появлением новых навыков [19; 20]. Цифровое образование открывает новые возможности для обучения и самообразования, делая его более доступным, интерактивным и эффективным [21].

Формируя систему «зеленого» образования, необходимо понимать преимущества и недостатки каждого вида образования. Так, методы традиционного образования способствуют социализации учащихся, по сравнению с цифровым, помогая их большему развитию, что делает его неотъемлемой частью образовательного процесса. В свою очередь цифровое образование способствует персонификации учебного процесса и его адаптации под особенности каждого учащегося.

Таким образом, эмпирическое изучение опыта зарубежных стран и анализ кейсов формирования единой системы «зеленого» образования в отдельных странах ЕАЭС позволил разработать концепцию реализации проекта «Зеленая образовательная среда ЕАЭС», прототипом которого будет являться проект «Цифровая образовательная среда»¹⁴.

Для формирования единой «Зеленой образовательной среды ЕАЭС» необходимо наличие соответствующей инфраструктуры, приведенной в таблице 2.

¹⁴ <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/>

Таблица 3 – Министерства, которые будут контролировать выполнение заданий в рамках экологической деятельности стран ЕАЭС

Страна	Наименование министерства
Российская Федерация	Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации
Республика Казахстан	Министерство экологии и природных ресурсов Республики Казахстан
Кыргызская Республика	Министерство природных ресурсов, экологии и Технического надзора Кыргызской Республики
Республика Беларусь	Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь
Республика Армения	Министерство окружающей среды Республики Армения

Источник: составлено автором.

Предложенные цифровые решения будут являться фундаментом экосистемы «зеленого» образования в странах ЕАЭС.

В рамках применения методов традиционного образования возможна организация очных учебных занятий и уроков по экопросвещению. Подобная деятельность волонтерского характера в целях противодействия глобальным экологическим проблемам может контролироваться соответствующими министерствами стран – участниц ЕАЭС, приведенными в таблице 3, что позволит успешно реализовывать планы по достижению ЦУР на уровне государств и союза.

Представителям каждого из министерств будет предоставлен доступ к публикации соответствующих направлений и областей волонтерской экологической деятельности. По результатам оценки показателей усвояемости учебных материалов, прохождения тестов и викторин будет возможна разносторонняя оценка тенденций в области протекания процессов «зеленого» образования.

Заключение. Глобальные тенденции по изменению планеты затрагивают каждую страну, что объясняет необходимость создания экосистемы устойчивого развития и формирования системы «зеленого» образования.

Экологические преобразования и нововведения невозможны без соответствующих знаний в данной области, что подчеркивает значимость становления «зеленого» образования как отдельной школы. Экосистема указанного проекта представляет собой инвестицию в будущее становление принципов устойчивого развития, их внедрение, а также выполнение ЦУР и, как результат, изменение глобальной экологической обстановки во всем мире.

В рамках проведенного исследования:

– выставлены институциональные границы «зеленого» образования в отдельных странах

Западной Европы, Азии, Америки, где выявлены элементы инфраструктурной поддержки, наличие образовательных программ, участие в международных и национальных проектах в области устойчивого развития и «зеленого» образования;

– оценен потенциал развития «зеленого» образования в ЕАЭС, проанализированы соответствующие проекты в странах-участницах;

– предложены направления формирования системы «зеленого» образования в рамках ЕАЭС для достижений ЦУР.

Таким образом, «зеленое» образование является важным инструментом формирования благополучного будущего планеты.

Литература

1. Цели в области устойчивого развития // Повестка дня в области устойчивого развития, 2015. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/developmentagenda/> (дата обращения: 01.08.2024).
2. Krayenkova, K.I. Formation of a system of sustainable education for the young generation of the Republic of Belarus: necessity and practical implementation, публикации в изданиях, зарегистрированных в базе web of science // K.I. Krayenkova, V.A. Stashkevich, V.D. Dubovets, K.A. Mitskevich // E3S Web of Conferences ESMGT, 2023. – URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2023/88/e3sconf_esmgt2023_06003/e3sconf_esmgt2023_06003.html (date of access: 01.08.2024). DOI: [org/10.1051/e3sconf/202345106003](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202345106003).
3. Мицкевич, К.А. Зеленое образование в рамках реализации концепции устойчивого развития в Республике Беларусь / К.А. Мицкевич, К.И. Краенкова // Тез. докл. 57-й Междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов. – Витебск: УО «ВГТУ», 2024. – С. 77–78.
4. «Зеленая» экономика / А.С. Гейда, А.В. Голубев, Е.В. Жиряева [и др.]; под общ. ред. Е.В. Жиряевой; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сев.-Зап. ин-т управления. – Санкт-Петербург: СЗИУ, 2023. – 260 с.
5. Adnyana, I.M. The importance of green education in primary, secondary and higher education: A review / I.M. Adnyana, K.A. Mahendra, S.M. Raza // Journal of Environment and Sustainability Education. – 2023. – URL: <https://joease.id/index.php/joease/article/view/14> (date of access: 01.08.2024).

6. Dong, X. Building sustainability education for green recovery in the energy resource sector: A cross country analysis / X. Dong, X. Zhang, C. Zhang, Ch. Bi // *Resources Policy*, 2023. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.103385> (date of access: 01.08.2024).
7. Qiu, Y. Research on the spillover effects of digital transformation on the sustainable growth of green schools / Y. Qiu, Q. Chen, P.S.J. Ng // *Proceedings of business and economic studies*. – 2023. – № 6(6). – PP. 16–23.
8. Filho, W.L. The role of transformation in learning and education for sustainability / W.L. Filho, S. Raath, B. Lazzarini, [et al.]. // *Journal of cleaner production*. – 2023. – № 199. – PP. 286–295.
9. Цверианашвили, И.А. Стокгольмская конференция 1972 г. и ее роль в становлении международного экологического сотрудничества / И.А. Цверианашвили // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2016. – № 1. – С. 89–94.
10. Мицкевич, К.А. Опыт стран ЕАЭС в становлении «зеленого» образования / К.А. Мицкевич, В.Д. Дубовец, К.И. Краенкова // Тез. док. 57-й Междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов. – Витебск: УО «ВГТУ», 2024. – С. 80–81.
11. Достижение Целей в области устойчивого развития в Евразийском экономическом союзе: стат. сб. // *Евразийская экономическая комиссия*. – Москва, 2023. – 184 с.
12. Зомонова, Э.М. Понятие и принципы «зеленой» экономики / Э.М. Зомонова // *АНИ: экономика и управление*. – 2016. – № 1(14). – С. 13–17.
13. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // *Евразийская Экономическая комиссия и правительства государств – членов ЕАЭС*, 2020. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-gazvitiya.php (дата обращения: 01.08.2024).
14. Критерии зеленых проектов государств-членов евразийского экономического союза // *Евразийская Экономическая комиссия*, 2022. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/df7/Kriterii-dlya-opublikovaniya-Modelnaya-taksonomiya.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).
15. Жаксылыкова, Е.К. Внедрение экологических праздников: шаг к зеленому будущему / Е.К. Жаксылыкова, С.Б. Абеуова // *International Sciences Reviews: Natural Sciences and Technologies*. – 2024. – № 3(Vol. 5). – С. 19–23.
16. *Climate Science* // *Climate Science Ltd.*, 2023. – URL: <https://climatescience.org/ru> (дата обращения: 01.08.2024).
17. Ванкевич, Е.В. Изменение информационного обеспечения анализа рынка труда в условиях его цифровизации (региональный аспект) / Е.В. Ванкевич, Е.В. Гурторова // *Вестник Витебского государственного технологического университета*, 2021. – № 1(40). – С. 185–200. – DOI: 10.24412/2079-7958-2021-1-185-200.
18. Зайцева, О.В. Платформенная занятость: сущность, тенденции развития и особенности оценки / О.В. Зайцева // *Вестник Витебского государственного технологического университета*. – 2024. – № 47. – С. 105–121. – DOI: 10.24412/2079-7958-2024-1-105-121.
19. Koprina, N. Education for the future? Critical evaluation of education for sustainable development goals / N. Koprina // *The journal of environmental Education*. – 2020. – № 51(4). – PP. 280–291. – DOI: [org/10.1080/00958964.2019.1710444](https://doi.org/10.1080/00958964.2019.1710444).
20. Rosanti, A. Pendidikan hijau (green education) dalam menghadapi isu nasional dan global / A. Rosanti, H. Juhana, U. Juhana, M. Erihadiana // *Edumaspul: Jurnal Pendidikan*. – 2022. – № 6(1). – PP. 1218–1223. – DOI: [org/10.33487/edumaspul.v6i1.3637](https://doi.org/10.33487/edumaspul.v6i1.3637).
21. Кондаков, А.М. Цифровое образование: от школы для всех к школе для каждого / А.М. Кондаков, А.А. Костылева // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования*, 2019. – Т.16, № 4. – С. 295–307. – DOI: 10.22363/2312-8631-2019-16-4-295-307.

Поступила в редакцию 29.10.2024

УДК 128:159.944:004:159.942.2

Взаимосвязь смысложизненных ориентаций и эмоционального выгорания у работников и студентов сферы ИТ

Поляков А.М.¹, Ракетский Е.Н.²

¹Белорусский государственный университет

²ООО «ФОРАНКС»

Анализ исследований показывает, что профессиональная деятельность в сфере ИТ сопряжена со значительными интеллектуальными перегрузками и напряженностью эмоциональной сферы, вплоть до состояния, в котором работник не способен ставить перед собой цели, и отсутствия смысла жизни, что, как следствие, может влиять на ценностно-смысловую сферу личности, приводя к деформациям. Это обуславливает необходимость раскрытия связи эмоционального выгорания и осмысленности жизни.

Цель работы – выявить специфику взаимосвязи смысложизненных ориентаций и эмоционального выгорания личности у работников и студентов сферы ИТ.

Материал и методы. Материалом для работы послужили теоретические и эмпирические исследования по проблемам эмоционального выгорания и осмысленности жизни работников сферы ИТ, а также данные проведенного нами эмпирического исследования работников ($n=60$) и студентов ($n=60$) сферы ИТ. Основными методами выступили теоретический анализ литературных источников, метод тестов и статистические методы (критерий Манна – Уитни, коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена, сравнение коэффициентов ранговой корреляции). Использовались методики: «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев) и «Диагностика эмоционального “выгорания” личности» (В.В. Бойко).

Результаты и их обсуждение. В результате исследования установлено, что у работников и студентов сферы ИТ преобладают нормативный уровень осмысленности жизни и умеренный уровень эмоционального выгорания. Взаимосвязи параметров осмысленности жизни и эмоционального выгорания носят противоположный по знаку характер, однако значимо различаются в группах студентов и работников. При этом сами параметры осмысленности жизни и эмоционального выгорания в двух группах принципиально не различаются.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии существенной динамики как эмоционального выгорания, так и осмысленности жизни, связанной с профессиональной деятельностью, что указывает на преимущественное значение личностных характеристик в формировании симптомов эмоционального выгорания. В то же время студенты и работники сферы ИТ значимо различаются по характеру связей выгорания и осмысленности жизни, что свидетельствует об изменении роли смысложизненных ориентаций в работе механизмов совладания с профессиональным стрессом в процессе длительного пребывания в профессии.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, осмысленность жизни, профессиональное выгорание, эмоциональное выгорание, работники сферы ИТ, студенты сферы ИТ.

The Relationship between IT Workers' and IT Students' Life-Meaning Orientations and Emotional Burnout

Polyakov A.M.¹, Raketski Ye.N.²

¹Belarusian State University

²FORANX LLC

Research analysis shows that professional activity in the IT sphere is associated with significant intellectual overload and emotional tension, up to a state in which the employee is unable to set goals for himself and the absence of meaning in life, which, as a consequence, can affect the value-semantic sphere of the individual, leading to deformations. This determines the need to reveal the connection between emotional burnout and meaningfulness of life.

The purpose of the work is to identify the specifics of the relationship between meaningful life orientations and emotional burnout of IT workers and students.

Material and methods. *The material for the study was theoretical and empirical studies on the problems of emotional burnout and meaningfulness of life of IT workers, as well as the data of our empirical study of workers (n=60) and students (n=60) in the IT sphere. The main methods were theoretical analysis of literary sources, test method and statistical methods (Mann-Whitney criterion, Spearman's rank correlation coefficient, comparison of rank correlation coefficients). The following methods were used: "Life-Meaning Orientations" (D.A. Leontiev) and "Diagnostics of Personality Emotional Burnout" (V.V. Boyko).*

Findings and their discussion. *The study found out that IT workers and students have a normative level of meaningfulness of life and a moderate level of emotional burnout. The relationships between the parameters of meaningfulness of life and emotional burnout are opposite in sign, but differ significantly in the groups of students and workers. At the same time, the parameters of meaningfulness of life and emotional burnout in the two groups do not differ significantly.*

Conclusion. *The results of the study indicate the absence of significant dynamics of both emotional burnout and meaningfulness of life associated with professional activity, which indicates the predominant importance of personal characteristics in the formation of symptoms of emotional burnout. At the same time, IT students and IT workers differ significantly in the nature of the connections between burnout and meaningfulness of life, which indicates a change in the role of meaningful life orientations in the work of mechanisms for coping with professional stress during a long stay in the profession.*

Key words: *meaningful life orientations, meaningfulness of life, professional burnout, emotional burnout, IT workers, IT students.*

Современное общество отличается повышенным уровнем психологического стресса, который чаще всего связан с профессиональной деятельностью человека. Накопленные негативные эмоции, отсутствие «разрядки», «освобождения» из-за затянувшегося стрессового состояния, ведущие к истощению личностных ресурсов, способствуют формированию синдрома профессионального выгорания [1, с. 15]. В литературе профессиональное выгорание часто отождествляют с термином «эмоциональное выгорание», который у многих авторов используется и в контексте профессиональной деятельности человека.

Синдром эмоционального выгорания стал предметом изучения в социально-психологических исследованиях В.В. Бойко, М. Буриш, Н.Е. Водопьяновой, И.В. Забары, К. Маслач, В.А. Рудницкого, Е.С. Старченковой, Х. Фрейденберга и др. У многих исследователей (В.В. Бойко, Н.Е. Водопьяновой, К. Маслач, А.Б. Серебряковой, Е.С. Старченковой и др.) синдром эмоционального выгорания характеризуется сложным, многоуровневым характером. Термин «эмоциональное выгорание» определяется Х.Дж. Фреденбергом как «психическое состояние людей, которые интенсивно и тесно общаются с другими,

склонных к сочувствию, идеалистическому отношению к работе, в то же время нестабильных, склонных к мечтам, одержимых навязчивыми идеями» [2, с. 90]. М. Буриш в своем исследовании указывает, что синдром эмоционального выгорания «представляет собой механизм психологической защиты в форме частичного, либо полного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия» [3, с. 90]. В социально-психологическом исследовании К. Маслач данное состояние определяется как «синдром физического и эмоционального истощения, включая развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе, утрату понимания и сочувствия по отношению к клиентам или пациентам» [4, с. 46]. Среди отечественных концепций одной из центральных является концепция эмоционального выгорания В.В. Бойко, в которой последнее рассматривается как «выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на психотравмирующие воздействия» [5, с. 33]. В исследовании Н.Е. Водопьяновой эмоциональное выгорание трактуется как «реакция организма, возникающая в результате длительного воздействия професси-

онального стресса средней интенсивности» [6, с. 443]. Применительно к работникам сферы IT синдром эмоционального выгорания В.А. Рудницким рассматривается как «процесс постепенной утраты эмоциональной, когнитивной и физической энергии, проявляющийся в симптомах эмоционального, умственного истощения, физического утомления, личной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением работы» [7, с. 6].

Проблема эмоционального выгорания становится центральной среди специалистов IT-сферы и выступает предметом исследования у многих ученых, что свидетельствует о популярности данной проблематики. Так, например, И.В. Забарой и К.Г. Твердоступом была установлена значимая связь между такими параметрами, как уровень эмоционального выгорания и личностные особенности с разным ценностно-смысловым отношением к профессиональной деятельности [11]. М.С. Гуриным изучался характер связи эмоционального выгорания с эмоциональным интеллектом сотрудников IT-сферы [11].

Проблема эмоционального выгорания также активно исследуется отечественными учеными в контексте ценностно-смысловой сферы личности. Сформированность смысложизненных ориентаций, которые отражают направленность личности и формируют мировоззрение, рассматривается как важное условие для достижения профессионального и жизненного самоопределения. В современной психологии смысложизненные ориентации человека выступают как «результат осознанности своих ценностей, своих целей и смысла жизни в целом». Они изучаются в тесной связи с ценностными ориентациями, жизненными целями и смыслом жизни. В.Э. Чудновский определяет смысложизненные ориентации как «целостную систему сознательных и избирательных связей, отражающих направленность личности, наличие жизненных целей, осмысленность выборов и оценок, удовлетворенность жизнью (самореализацией) и способность брать за нее ответственность, влияя на ее ход» [8, с. 76]. Д.А. Леонтьевым смысложизненные ориентации понимаются как «система осмысленных и избирательных связей, отражающая направленность личности, наличие жизненных целей, осмысленность выборов и оценок, удовлетворенность самореализацией и способность брать за нее ответственность, влияя на ее развитие» [9, с. 164].

С нашей точки зрения, в связи с тем, что на формирование синдрома эмоционального выгорания влияет система ценностей и смыслов, проблема связи выгорания и смысложизненных ори-

ентаций нуждается в углубленном изучении. Как правило, в эмпирических исследованиях в рамках изучения данной тематики, объектом выступают представители субъект-субъектного типа профессий. Специфика выгорания у работников IT-сферы слабо изучена. Актуальным представляется исследование взаимосвязи данного феномена с ценностно-смысловыми ориентациями.

Материал и методы. С целью изучения взаимосвязи смысложизненных ориентаций и профессионального выгорания у работников сферы IT и студентов, обучающихся по профилю сферы IT, использовались следующие методики:

1. Методика «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев).

2. Методика «Диагностика эмоционального “выгорания” личности» (В.В. Бойко).

В исследовании принимали участие работники сферы IT как государственных, так и частных предприятий и компаний. Выборку составили 60 человек, средний стаж которых 16,2 лет. В группу вошли 35 женщин, средний возраст которых составил 35,5 лет, и 25 мужчин, средний возраст которых – 32,8 года. В исследовании также принимали участие студенты, обучающиеся по профилю сферы IT. Выборку составили также 60 человек. В данную группу вошли 34 девушки, средний возраст которых составил 21,8 лет, и 26 юношей, средний возраст которых – 21,6 лет.

С помощью методики Д.А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации» выявлены представления работников по таким параметрам, как наличие или отсутствие целей в жизни, осмысленности, интереса к жизни, удовлетворенности жизнью, представлений о себе как об активной и сильной личности, самостоятельно принимающей решения и контролирующей свою жизнь, а с методикой В.В. Бойко – особенности проявления синдрома эмоционального выгорания. Применение U-критерия Манна – Уитни способствовало выявлению значимых различий некоторых параметров смысложизненных ориентаций и профессионального выгорания у работников сферы IT и студентов, обучающихся по профилю сферы IT. Использование коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена позволило определить существенные связи между характеристиками смысложизненных ориентаций и профессиональным выгоранием у работников сферы IT. Далее мы проанализировали различия между коэффициентами корреляции в двух группах, включенных в исследование.

Результаты и их обсуждение. В результате эмпирического исследования смысложизнен-

ных ориентаций можно говорить о нормативном уровне осмысленности жизни большинства работников и студентов, обучающихся по профилю сферы ИТ. Для них характерны наличие целей в будущем, склонности восприятия самого процесса собственной жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом, оценка пройденного отрезка жизни как осмысленного, а своей жизни продуктивной, оценка себя как сильной личности, которая способна, обладая свободой выбора, строить жизнь, исходя из поставленных целей и задач, в соответствии со своими представлениями о смысле жизни. Им также присуще наличие убеждений о контроле собственной жизни, о свободе самостоятельно принимать решения и предпринимать усилия к их воплощению в жизнь.

В целом можно отметить, что большинство работников и студентов, обучающихся по профилю сферы ИТ, имеют умеренный показатель эмоционального выгорания. Тем не менее у представителей данной категории лиц сложены и сильно выражены такие симптомы эмоционального выгорания, как «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», а также «редукция профессиональных обязанностей». Остальные симптомы, кроме симптома «неудовлетворенность собой», у работников и студентов, обучающихся по профилю сферы ИТ, данной выборки в стадии формирования и имеют тенденцию к росту. Фаза резистенции доминирует в картине синдрома у большинства работников и студентов, обучающихся по профилю сферы ИТ. Аналогичные результаты установлены и в исследовании С.Т. Джанерьяна: при исследовании показателей эмоционального выгорания среди программистов, больше всего выражены симптомы по фазе «Резистенция», чем по симптомам фаз «Напряжение» и «Истощение» [10]. В результате личность человека стремится к эмоциональной защите на постоянной основе, представляя собой особую форму сопротивления нарастающему стрессу, стремясь к психологическому комфорту и снижению давления внешних психотравмирующих обстоятельств на свою личность. Подчеркнем, что в таком режиме психика человека неосознанно реагирует, устраняя стрессогенные факторы, в частности «выключая» эмпатию, сочувствие и другие эмоциональные проявления.

По результатам расчета с помощью U-критерия Манна – Уитни достоверных различий по параметрам выгорания между работниками и студентами, обучающимися по профилю сферы ИТ,

не выявлено. Отсутствие различий по выгоранию между студентами и работниками со стажем свидетельствует о том, что симптомы выгорания – скорее всего не результат работы в профессии, а некоторая совокупность личностных особенностей тех, кто выбирает данную профессию. Этот факт представляется важным и заставляет задуматься о самом феномене эмоционального выгорания, выявляемого с помощью данной методики. Вполне вероятно, что определяемые с ее помощью психологические особенности могут представлять собой не только результат реакции личности на длительное воздействие стрессовых факторов профессиональной деятельности, но и некоторое исходное устойчивое сочетание характеристик личности, не связанных ней.

Следующим этапом исследования стало выявление взаимосвязи смысложизненных ориентаций и профессионального выгорания у работников и студентов, обучающихся в сфере ИТ, с помощью коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена. Статистически значимые корреляционные связи выборке работников сферы ИТ представлены в таблице 1.

Статистический анализ результатов исследования свидетельствует о том, что чем более осмысленна жизнь у работников сферы ИТ, чем глубже видят смысл в результативности своей жизни, чем больше они воспринимают процесс жизни как интересный и представляют себя сильной личностью, тем ниже проявления симптомов «загнанности в клетку», тревоги и депрессии, сформированности фазы «напряжения». В то же время, наличие цели в жизни коррелирует с проявлением эмоционального дефицита. Результаты исследования согласовываются с результатами, полученными И.В. Забара, которым было установлено, что «выраженность эмоционального выгорания у программистов обусловлена их ценностно-смысловым отношением к профессиональной деятельности и жизни» [11].

Статистически значимые корреляционные связи по выборке студентов, обучающихся в сфере ИТ, представлены в таблице 2.

По результатам статистического анализа данных можно сделать вывод о наличии взаимосвязи смысложизненных ориентаций и профессионального выгорания у студентов, обучающихся в сфере ИТ: чем с большей вероятностью они способны ставить жизненные цели, видеть смысл в будущем, тем менее вероятно неадекватное избирательное эмоциональное реагирование на жизненные события; чем больше они воспринимают процесс

Таблица 1 – Статистически значимые корреляционные связи параметров у работников IT-сферы

Параметры взаимосвязи	Осмысленность жизни	Цель в жизни	Процесс жизни	Результативность жизни	Локус-контроля-Я	Локус-контроля-жизнь
«Загнанность в клетку»	-0,258*		-0,272*	-0,346*		
Тревога и депрессия	-0,315*			-0,333*	-0,332*	-0,315*
Напряжение			-0,264*	-0,293*	-0,275*	
Эмоциональный дефицит		0,279*				

Примечание: *статистически значимые результаты ($p \leq 0,05$), **высоко значимые результаты ($p \leq 0,01$).

Таблица 2 – Статистически значимые корреляционные связи параметров у студентов IT-сферы

Параметры взаимосвязи	Цель в жизни	Процесс жизни	Локус-контроля-Я	Локус-контроля-жизнь
Напряжение		0,350*		
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	-0,347*		-0,304*	-0,277*
Переживание психотравмирующих обстоятельств		0,266*		

Таблица 3 – Статистически значимые различия коэффициентов корреляции

Сравниваемые корреляции	Spearman 1 (работники)	Spearman 2 (студенты)	p-level
Осмысленность жизни & Тревога и депрессия	-0,31	0,20	0,0061
Осмысленность жизни & Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	0,19	-0,25	0,0184
Осмысленность жизни & Эмоциональный дефицит	0,21	-0,17	0,0422
Цель в жизни & Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	0,24	-0,35	0,0015
Цель в жизни & Эмоциональный дефицит	0,28	-0,24	0,0053
Процесс жизни & Переживание психотравмирующих обстоятельств	-0,22	0,27	0,0086
Процесс жизни & Неудовлетворенность собой	-0,17	0,23	0,0323
Процесс жизни & Загнанность в клетку	-0,27	0,22	0,0086
Процесс жизни & Тревога и депрессия	-0,21	0,25	0,0138
Процесс жизни & Напряжение	-0,26	0,35	0,0010
Процесс жизни & Эмоциональное выгорание	-0,20	0,21	0,0283
Результативность жизни & Загнанность в клетку	-0,35	0,11	0,0124
Результативность жизни & Тревога и депрессия	-0,33	0,25	0,0018
Результативность жизни & Напряжение	-0,29	0,16	0,0156
Локус контроля-Я & Тревога и депрессия	-0,33	0,23	0,0026
Локус контроля-Я & Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	0,19	-0,30	0,0085
Локус контроля-жизнь & Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	0,17	-0,28	0,0157
Локус контроля-жизнь & Эмоциональный дефицит	0,18	-0,22	0,0324

жизни как интересный, тем выше напряжение и склонность к переживанию психотравмирующих обстоятельств; чем больше они представляют себя сильной личностью и убеждены в управляемости жизнью, тем ниже проявления симптомов неадекватного эмоционального реагирования.

Чтобы сравнить корреляционные связи в группах работников и студентов сферы ИТ, мы также обратились к статистическим методам и определили значимость различий между коэффициентами корреляции. Значимые результаты представлены в таблице 3.

В результате статистического анализа установлены достоверные различия между двумя коэффициентами корреляции по показателям осмысленности жизни и тревоги и депрессии; процессу жизни и переживания психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенности собой, «загнанности в клетку», тревоги и депрессии, напряжения, эмоционального выгорания; результативности жизни и загнанности в клетку, тревоги и депрессии, напряжения; локуса контроля-Я и тревоги и депрессии. Результаты работников сферы ИТ характеризуются обратной взаимосвязью, в то время как студентов – прямой.

Коэффициенты «осмысленность жизни» и «неадекватное эмоциональное реагирование», «эмоциональный дефицит»; «цель в жизни» и «неадекватное эмоциональное реагирование», «эмоциональный дефицит»; «локус контроля-Я», «локус контроля-жизнь» и «неадекватное эмоциональное реагирование»; «локус контроля-жизнь» и «эмоциональный дефицит» отражают достоверные различия. Результаты работников сферы ИТ характеризуются прямой взаимосвязью, в то время как студентов – обратной.

Характерной чертой корреляционных связей по выборке работников сферы ИТ является то, что при высоких показателях осмысленности жизни у них в меньшей степени проявляются симптомы тревоги и депрессии, «загнанности в клетку», неудовлетворенности собой, переживания психотравмирующих обстоятельств, а симптомы неадекватного эмоционального реагирования и эмоционального дефицита – в большей степени. На наш взгляд, этому способствует специфика профессиональной деятельности инженеров-программистов, которая предполагает минимальное социальное взаимодействие, и как следствие минимальное проявление эмоций. Профессиональная направленность на сохранение контроля над собственной жизнью со временем усиливает внутреннее напряжение и приводит к неадекватному эмоциональному реа-

гированию и эмоциональному дефициту. В то же время у студентов фактор времени пребывания в профессии еще не сыграл такой роли и переживание контроля и силы собственного Я снижает данные показатели эмоционального выгорания. Это подтверждается наличием обратных связей по шкалам «локус контроля-Я» и «локус контроля-жизнь» и параметрами эмоционального выгорания у работников сферы ИТ.

По выборке студентов, обучающихся в сфере ИТ, выявлены противоположные особенности. Установлено, что симптомы эмоционального выгорания (переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, тревога и депрессия, «загнанность в клетку» и др.) выражаются интенсивнее при повышении показателей «осмысленность жизни», «процесс жизни» и «результативность жизни». Это можно объяснить, с одной стороны, возрастной спецификой, связанной с высокой чувствительностью к собственным личным переживаниям и проблемам, а с другой – спецификой учебной деятельности студентов, которая предъявляет к ним высокие требования и при повышении осмысленности жизни обостряет переживание собственной неуспешности и несостоятельности. Симптомы могут усиливаться из-за ощущения нехватки практического опыта работы, возникновения ощущений некомпетентности перед прохождением учебных практик и, как следствие, ощущения некоторой неопределенности будущего: студент переживает за то, как успешно он справится с обязанностями в будущей профессии. Можно также предположить, что трудности адаптации к профессиональной деятельности уже на стадии освоения деформируют представления о смысле жизни.

Статистически значимые корреляционные связи по всей выборке работников и студентов, сфере ИТ представлены в таблице 4.

В результате проведенного корреляционного анализа было установлено, что чем выше у работников и студентов, обучающихся в сфере ИТ, показатели осмысленности жизни в целом и, чем больше респонденты оценивают пройденный отрезок жизни как осмысленный, считают свою жизнь продуктивной, тем в меньшей степени у них выражен симптом расширения сферы экономики энергии, который чаще проявляется во взаимодействии с родными, друзьями, иными словами вне профессиональной деятельности, для которой характерно пресыщение социальными контактами. Вероятно, это общая характеристика личности представителей сферы ИТ, не связанная с опытом работы в профессии.

Таблица 4 – Статистически значимые корреляционные связи параметров по выборке работников и студентов в сфере ИТ

Параметры взаимосвязи	Осмысленность жизни	Результативность жизни
Расширение сферы экономии эмоций	-0,183*	-0,217*

Примечание: *статистически значимые результаты ($p \leq 0,05$), **высоко значимые результаты ($p \leq 0,01$).

Заключение. Таким образом, в результате эмпирического исследования смысложизненных ориентаций, можно говорить о достаточно высоком уровне осмысленности жизни большинства работников и студентов, обучающихся по профилю сферы ИТ. Представители данной категории лиц имеют умеренный показатель эмоционального выгорания. Тем не менее у ряда участников исследования сложились многие симптомы эмоционального выгорания, либо находятся в стадии формирования и имеют тенденцию к росту. Фаза резистенции доминирует в картине синдрома у большинства работников и студентов, обучающихся по профилю сферы ИТ. По результатам расчета U-критерия Манна – Уитни достоверных различий между работниками и студентами, обучающихся по профилю сферы ИТ, не выявлено.

По результатам корреляционного анализа данных установлена взаимосвязь смысложизненных ориентаций и профессионального выгорания у работников сферы ИТ: чем более осмысленна их жизнь в целом, их цели, чем больше они воспринимают процесс жизни как интересный, чем больше они представляют себя сильной личностью, тем ниже проявления симптомов «загнанность в клетку», «тревога и депрессия», ниже степень сформированности фазы «напряжение», но в большей степени характерен эмоциональный дефицит. Также установлена взаимосвязь смысложизненных ориентаций и профессионального выгорания у студентов, обучающихся в сфере ИТ. Так, чем более осмыслены их цели, чем больше они воспринимают процесс жизни как интересный, чем больше они представляют себя сильной личностью, тем в меньшей степени проявляется симптом «неадекватное эмоциональное реагирование», а симптом «переживание психотравмирующих обстоятельств» в большей, как и сформированность фазы «напряжение». Кроме того, установлены различия между коэффициентами корреляции двух выборок. Характерной чертой корреляционных связей по выборке работников сферы ИТ является то, что при высоких показателях осмысленности жизни, у них в меньшей степени проявляются симптомы «тревога и депрессия», «загнанность в клетку», «неудовлетворенность собой», «переживание

психотравмирующих обстоятельств», а симптомы «неадекватное эмоциональное реагирование» и «эмоциональный дефицит» в большей степени. У студентов, обучающихся по сфере ИТ, – противоположные особенности. Что касается результатов в целом по выборке, то установлена отрицательная достоверная взаимосвязь между осмысленностью и результативностью жизни с симптомом «расширение сферы экономии эмоций».

Литература

1. Борисова, М.В. Психологические детерминанты феномена эмоционального выгорания у сотрудников / М.В. Борисова // Вопросы психологии. – 2005. – № 2. – С. 15–18.
2. Freudenberg, H.G. The problem of diagnosing burnout / H.G. Freudenberg. – N.Y., 1974. – 192 p.
3. Burisch, M. In search of a theory: some ruminations on the nature and etiology of burnout / M. Burish // Professional burnout: recent developments in theory and research / ed. by: W.B. Schaufeli, C. Maslach, T. Marek. – Washington: Taylor and Francis, 1993. – PP. 75–93.
4. Маслач, К. Профессиональное выгорание: как люди справляются / К. Маслач. – М., 1999. – 322 с.
5. Бойко, В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В.В. Бойко. – СПб.: Питер, 2006. – 105 с.
6. Водопьянова, Н.Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях / Н.Е. Водопьянова. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2007. – С. 443–463.
7. Рудницкий, В.А. Эмоциональное выгорание как фактор снижения творческой активности в деятельности инженеров-программистов компаний ИТ / В.А. Рудницкий, Е.И. Бараева, Т.Ю. Шлыкова, Е.А. Демьянчик // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2015. – № 15.2. – С. 183–192.
8. Чудновский, В.Э. К проблеме адекватности смысла жизни / В.Э. Чудновский // Мир психологии. – 1999. – № 2. – С. 74–80.
9. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – Изд. 2-е, испр. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
10. Джанерьян, С.Т. Особенности эмоционального выгорания у программистов с различными типами ценностно-смыслового отношения к профессиональной деятельности / С.Т. Джанерьян, И.В. Забара // Педагогика и просвещение. – 2019. – № 2. – С. 32–40.
11. Забара, И.В. Взаимосвязь между личностными особенностями и эмоциональным выгоранием у программистов с различным ценностно-смысловым отношением к профессиональной деятельности / И.В. Забара, К.Г. Твердоступ // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 11(101), ч. 2. – С. 135–139.

Поступила в редакцию 09.10.2024

Психологическое сопровождение в работе с кадровым резервом руководителей учреждений высшего образования

Зенкевич А.Г.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет транспорта»

В данной статье рассматриваются приоритетные направления работы с кадровым резервом руководителей УВО, которые предполагают реформирование образовательной деятельности в области высшего образования в первую очередь, а также ротацию руководителей и оптимизацию организационно-штатной структуры УВО. Особая роль отводится личности руководителя, который должен проводить отбор и подготовку работников для выполнения руководящих функций.

Цель статьи – показать, что психологическое сопровождение должно осуществляться целенаправленно и с учетом соответствующей модели должности, уровня профессионального образования, практического опыта и происходящих процессов реформирования государственного управления в области высшего образования.

Материал и методы. *Исследование психологического сопровождения работы с кадровым резервом руководителей УВО проводилось в УО «Белорусский государственный университет транспорта». Использовалась методика А.А. Карпова «Дифференцированная экспертная оценка основных управленческих функций».*

Результаты и их обсуждение. *Наиболее весомыми предикторами, обеспечивающими высший уровень руководства, являются такие характеристики, как понимание особенностей управленческого труда, навыки руководства, личные цели и потребность в достижениях. Наименьшей прогностической ценностью обладают следующие характеристики: умение управлять собой, соперничество и способность формировать коллектив. Для среднего уровня руководства ключевыми предикторами являются навыки руководства, стремление к компромиссу и умение управлять собой.*

Помимо формальных требований (образование, возраст, стаж и т.д.) к критериям отбора в кадровый резерв руководителей УВО относятся высокий уровень профессионализма, опыт работы, знание законодательства, компьютерных технологий, прогрессивные личностные характеристики.

Заключение. *Психологическое сопровождение кадрового резерва руководителей УВО – это определенная система работы с кадровым резервом, связанная с последовательным отбором, обучением и оценкой работников УВО. Обучающие процедуры с работниками УВО, состоящими в кадровом резерве руководителей, позволяют получить необходимые знания и сформировать профессионально важные качества, которые требуются для активного и инициативного исполнения обязанностей на предполагаемой должности руководителя УВО с минимальным сроком адаптации к новой должности и трудовым обязанностям.*

Ключевые слова: *кадровый резерв руководителей УВО, психологическое сопровождение в работе с кадровым резервом, психологическая готовность руководителей УВО.*

Psychological Support in the Work with Employee Reserve of Higher Education Establishment Heads

Zenkevich A.G.

Education Establishment "Belarusian State University of Transport"

This article discusses the priority areas of work with the personnel reserve of heads of higher education, which involve reforming educational activities in the field of higher education in the first place, as well as the rotation of managers and optimization of the organizational and staff structure of (HEE). A special role is given to the personality of the manager, who must select and train employees to perform managerial functions.

The purpose of the article is to show that psychological support should be carried out purposefully and taking into account the appropriate model of position, level of professional education, practical experience and ongoing processes of reforming public administration in the field of higher education.

Material and methods. *The study of psychological support of work with the personnel reserve of HEE heads was carried out at the Education Establishment "Belarusian State University of Transport".*

Findings and their discussion. *The most significant predictors that provide the highest level of leadership are such characteristics as understanding the characteristics of managerial work, leadership skills, personal goals and the need for achievements. Such characteristics as the ability to manage oneself, rivalry and the ability to form a team possess the least predictive value. For the middle management level, the key predictors are leadership skills, the desire for compromise and the ability to manage oneself.*

In addition to formal requirements (education, age, length of service, etc.), the selection criteria for the personnel reserve of managers are a high level of professionalism, work experience, knowledge of legislation, computer technology, progressive personal characteristics.

Conclusion. *Psychological support of the personnel reserve of HEE managers is a certain system of work with the personnel reserve associated with the consistent selection, training and assessment of HEE employees. Training procedures with HEE employees, consisting of a personnel reserve of managers, make it possible to obtain the necessary knowledge and form professionally important qualities that are required for the active and initiative performance of duties in the proposed position of the HEE manager with a minimum period of adaptation to a new position and labor duties.*

Key words: *personnel reserve of HEE managers, psychological support in work with personnel reserve, psychological readiness of HEE managers.*

Составляющими повышения эффективности деятельности учреждения высшего образования (УВО) являются организация целенаправленной работы по формированию кадрового потенциала и комплектование УВО руководящими кадрами, способными успешно решать возложенные на них функции [1]. Реформирование образовательной деятельности в области высшего образования в первую очередь предполагает ротацию руководителей и оптимизацию организационно-штатной структуры УВО. Особая роль отводится личности руководителя УВО, который должен проводить отбор и подготовку работников для выполнения руководящих функций в данном учреждении.

На эффективность руководящей деятельности оказывают влияние наличие у руководителя определенного набора личностных и деловых качеств, его психологический потенциал, управленческая и социально-психологическая компетентность [2].

С помощью определенных методов (самооценки, тестирования, биографического и профессиографического анализа, экспертной оценки) можно оценить качества личности, которые позволят в дальнейшем успешно заниматься профессиональной деятельностью.

Несмотря на актуальность проблемы повышения психологической готовности руководителей УВО, на сегодняшний день наблюдается нехватка как теоретико-методологических, так и практико-ориентированных исследований в данной области.

Теоретическая и практическая психологическая подготовка кадрового резерва руководителей ставит своей целью выработку у работников готовности к успешному преодолению психологических трудностей на должности руководителя, развитие умения применить на практике психологические знания для эффективного выполнения своих обязанностей в любых условиях.

Указанное направление психологического обеспечения работы с кадровым резервом руководителей УВО является наиболее продолжительным и важным этапом работы с кадровым резервом, однако его используют только в 30% случаев.

На данный момент в системе высшего образования нет единых программ психологической подготовки руководителей УВО с различным

уровнем руководства (высшим, средним, низовым). Психологическое обеспечение работы руководителей УВО с различным уровнем руководства в процессе их профессиональной деятельности требует разработки программы психологической подготовки как необходимого условия психологического обеспечения работы с кадровым резервом. Кадровый резерв руководителей УВО должен заниматься по определенным учебным программам, которые представляют собой систематизированный набор психологических знаний, адаптированных к руководящей деятельности и специально отобранных для высшего образования в целях формирования и развития психологической компетентности.

Для эффективного психологического обеспечения работы с кадровым резервом руководителей УВО требуется не разовое подключение психолога к этой работе, а постоянная работа с кандидатом в течение всего периода нахождения в кадровом резерве, т.е. необходимо непрерывное психологическое сопровождение.

Психологическое сопровождение должно осуществляться целенаправленно и с учетом соответствующей модели должности, уровня профессионального образования, практического опыта и происходящих процессов реформирования государственного управления в области высшего образования.

В настоящее время психологическое обеспечение УВО, даже если в нем работает психологическая служба, его размеры и качество во многом зависят от руководителя, а также от того, готов ли психолог к выполнению этой работы, определенных функций и действий.

Материал и методы. Исследование психологического сопровождения работы с кадровым резервом руководителей УВО проводилось в УО «Белорусский государственный университет транспорта».

Объективными критериями, на основе которых проведена группировка выборки, послужили: возраст, пол, семейное положение, место рождения, образование, вторая ступень высшего образования, наличие ученой степени, ученого звания, стаж работы в занимаемой должности (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристика выборки кадрового резерва руководителей учреждения высшего образования

Критерии	Респонденты	Количество респондентов	Процент от респондентов
		Всего 105	100,0%
Возраст	20–29	9	8,6
	30–39	30	28,6
	40–49	29	27,5
	50–59	24	22,9
	60–69	13	12,4
Пол	мужчины	44	41,9
	женщины	61	58,1
Семейное положение	состоят в браке	71	67,6
	не состоят в браке	19	18,1
	разведены	4	3,8
	овдовели	1	1
	не указали	10	9,5
Место рождения	в городе	86	81,9
	в городском поселке	5	4,8
	в селе	14	13,3
Образование	высшее	104	99
	среднее	1	1
Вторая ступень высшего образования	не имеют	96	91,4
	магистратура	9	8,6
Наличие ученой степени	не имеют	58	55,2
	доктор наук	6	5,7
	кандидат наук	39	37,1
Наличие ученого звания	не имеют	61	58,1
	профессор	3	2,9
	доцент	41	39
Стаж работы в занимаемой должности	0–5	42	40
	6–10	32	30,5
	11–15	13	12,4
	16–20	12	11,4
	21–25	4	3,8
	26–30	2	1,9

В зависимости от занимаемой в настоящий момент должности и в соответствии с параллельным делением руководителей на уровни руководства, предложенным американским ученым Т. Парсонсом [3; 4], а также руководствуясь действующими нормативными правовыми документами (Указ Президента Республики Беларусь от 26.07.2004 г. № 354 «О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций» [5], постановление Министерства труда Респуб-

ки Беларусь от 28.04.2001 г. № 53 «Об утверждении квалификационного справочника должностей служащих» (в редакции постановления Министерства труда и социальной защиты от 03.10.2017 г. № 50) [6]), используя подходы, сформулированные Н.А. Дубинко [7], и методике А.А. Карпова «Дифференцированная экспертная оценка основных управленческих функций» [8; 9], все респонденты были разделены на три группы: высший, средний и низовой уровни руководства (таблица 2).

Таблица 2 – Характеристика выборки уровней руководства кадрового резерва

Критерии	Респонденты	Высший уровень	Средний уровень	Низовой уровень
		Количество – 17	Количество – 24	Количество – 64
Возраст	20–29			10
	30–39	1	3	25
	40–49	3	7	19
	50–59	5	13	6
	60–69	8	1	4
Пол	мужчины	11	11	21
	женщины	6	13	43
Семейное положение	состоят в браке	15	17	43
	не состоят в браке	1	2	13
	разведены		3	3
	овдовели			1
	не указали	1	2	4
Вторая ступень высшего образования	не имеют	16	22	58
	магистратура	1	2	6
Наличие ученой степени	не имеют степени	4	13	44
	доктор наук	3	2	1
	кандидат наук	10	9	19
Наличие ученого звания	не имеют	4	13	44
	профессор	3		
	доцент	10	11	20
Занимаемая должность		первый проректор	заместители деканов	доценты
		проректор по учебной работе	заведующие кафедрами	старшие преподаватели
		проректор по научной работе	главный бухгалтер	ассистенты
		проректор по воспитательной работе	заведующий канцелярией	методисты
		проректор по административно-хозяйственной работе	заведующий столовой	экономисты
		директор ИПК и ПК	начальники отделов	бухгалтеры
		директор Минского филиала		специалисты
		декан		инженеры
				техники
Стаж работы в занимаемой должности	0–5	2	10	29
	6–10	8	6	18
	11–15	2	4	8
	16–20	3	3	6
	21–25	2	1	1
	26–30			2

Таблица 3 – Коэффициенты канонической дискриминантной функции

Показатели	Функция	
	Высший уровень (1)	Средний уровень (2)
Потребность в достижениях	-0,106	-0,016
Способность к планированию деятельности	0,010	0,027
Соперничество	0,163	0,029
Сотрудничество	-0,002	0,005
Компромисс	0,084	0,144
Избегание	0,023	-0,100
Уровень активности	0,006	0,036
Организаторские склонности	-0,089	-0,076
Умение управлять собой	0,264	0,111
Личные ценности	0,064	-0,111
Личные цели	-0,176	0,006
Саморазвитие	-0,015	0,024
Навыки решать проблемы	-0,011	0,046
Творческий подход	0,021	0,058
Влияние на людей	-0,016	-0,005
Понимание особенностей управленческого труда	-0,136	-0,146
Навыки руководства	-0,129	0,168
Умение обучать	-0,007	0,065
Способность формировать коллектив	0,128	-0,075
(Константа)	1,469	-5,855

Результаты дискриминантного анализа позволили определить социально-психологические показатели, прогнозирующие высший уровень руководства.

В частности, были рассмотрены координаты центроидов для всех групп руководителей и проведена интерпретация канонических функций относительно их роли в различении классов (таблица 3).

В итоге было определено, что первая функция описывает 81,4% дисперсии, а центроид высшего уровня руководства располагается на отрицательном полюсе (-0,251). Подстановка в дискриминантное уравнение средних значений предикторов позволили констатировать, что чем меньше значение первой функции, тем выше уровень руководства

Результаты и их обсуждение. Исходя из изложенного, можно заключить, что наиболее весомыми предикторами, обеспечивающими высший уровень руководства, являются такие характеристики, как понимание особенностей управленческого труда, навыки руководства, личные цели и потребность в достижениях. Наименьшей прогностической ценностью обладают следующие характеристики:

умение управлять собой, соперничество и способность формировать коллектив. Для среднего уровня руководства ключевыми предикторами являются навыки руководства, стремление к компромиссу и умение управлять собой.

Помимо формальных требований (образование, возраст, стаж и т.д.) критериями отбора в кадровый резерв руководителей УВО являются высокий уровень профессионализма, опыт работы, знание законодательства, компьютерных технологий, прогрессивные личностные характеристики.

Успешный, перспективный руководитель УВО должен обладать определенными устойчивыми чертами личности, которые формируются в процессе его взаимодействия с другими работниками и руководителями при осуществлении профессиональной деятельности [9].

Особенности руководящей деятельности, такие как сложность решаемых задач (административных, представительских, информационно-аналитических, воспитательных, стратегического развития, текущего планирования деятельности и др.), динамичность и напряженность труда, высокая

цена возможных профессиональных ошибок формируют требования к психологическим качествам кандидатов на руководящую должность.

Необходимо в обязательном порядке анализировать и изучать управленческий потенциал кандидатов в кадровый резерв руководителей УВО, чтобы выявить личностные качества, определяющие успешность управленческой деятельности. Также следует определить в системе профессиональных и межличностных отношений работников управленческий статус и сделать прогноз успешности их управленческой деятельности.

Порядок формирования кадрового резерва руководителей УВО предусматривает:

– предварительное изучение личных дел работников, результатов их деятельности, выполнения должностных обязанностей, конкретных поручений, материалов аттестаций и конкурсов;

– собеседование с работниками для выявления ситуативного поведения, мировоззренческих позиций, ценностей, направленности, умения разрешать управленческие задачи;

– изучение структуры интеллекта, личности, мотивации, управленческого стиля, ценностных ориентаций, межличностных отношений (тестирование);

– анкетирование для составления характеристики профессиональных, организаторских и личностных качеств работников;

– экспертную оценку;

– социометрические данные.

По результатам вышеперечисленных действий составляется заключение, в котором характеризуются компетенции работника, такие как личностная зрелость, характерологические, интеллектуальные особенности личности, статус в системе отношений, профессиональные, организаторские и коммуникативные способности, индивидуальный стиль управленческой деятельности.

В процессе адаптации молодой руководитель чувствует неуверенность в своих силах, потребность в советах и поддержке опытных коллег, определенное психическое напряжение, ему не хватает профессиональных навыков.

Об успешности вхождения в новую должность руководителя говорит повышение его мотивации при выполнении новых обязанностей и соответствие реальной и требуемой компетентностям.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать выводы, что необходим ряд мероприятий, направленных на развитие сильных и коррекцию слабых качеств личности работников кадрового резерва руководителей УВО.

Таким образом, психологическое сопровождение кадрового резерва руководителей УВО – это определенная система работы с данным резервом, связанная с последовательным отбором, обучением и оценкой работников. Обучающие процедуры с работниками УВО, состоящими в кадровом резерве руководителей, позволяют получить необходимые знания и сформировать профессионально важные качества, которые требуются для активного и инициативного исполнения обязанностей на предполагаемой должности руководителя УВО с минимальным сроком адаптации к новой должности и трудовым обязанностям. Эмпирическое исследование кадрового резерва руководителей позволило заключить, что оценка деловых и личных качеств работника, составление характеристик на кандидатов в кадровый резерв и определение направлений их подготовки должны выполняться с применением ряда методов и в определенном порядке.

Изучение вопроса психологического обеспечения работы с кадровым резервом, не являющегося ранее предметом специального исследования, позволило получить достаточно полную картину участия психологов в работе с кадровым резервом УВО и выявить имеющиеся проблемы.

Литература

1. Спивак, В.А. Организационное поведение: учеб. пособие для вузов / В.А. Спивак. – М.: Юрайт, 2020. – 207 с.
2. Коротков, Э.М. Исследование систем управления / Э.М. Коротков. – М.: ДеКа, 2003. – 317 с.
3. Парсонс, Т. Теоретическая социология: в 2 ч. / Т. Парсонс. – М.: Книж. дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – 424 с.
4. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс. – М.: Акад. проект, 2018. – 529 с.
5. О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций: Указ Президента Республики Беларусь от 26 июля 2004 г. № 354 // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 1/5712.
6. Об утверждении квалификационного справочника должностей служащих: постановление М-ва труда Респ. Беларусь от 28 апр. 2001 г. № 53 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012. – № 8/25813.
7. Дубинко, Н.А. Образ управления в системе психической регуляции деятельности руководящих кадров / Н.А. Дубинко. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2019. – 214 с.
8. Карпов, А.А. Структурно-функциональная организация метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03 / Александр Александрович Карпов; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2019. – 49 с.
9. Карпов, А.А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности / А.А. Карпов. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 208 с.

Поступила в редакцию 15.11.2024

Психологическое благополучие женщин на разных сроках беременности

Болзан Н.А

Белорусский государственный университет

Беременность является ключевым периодом в жизни женщины, сопровождающимся значительными физиологическими, психологическими и социальными изменениями. Психологическое благополучие во время во время данного периода играет важную роль в обеспечении нормального протекания беременности и родов, а также в поддержании общего состояния здоровья женщины и развития плода.

Целью данной публикации являлось изучение динамики психологического благополучия и качества жизни женщин на разных сроках беременности.

Материал и методы. *Пилотажное исследование имело кросс-секционный дизайн и было проведено среди 204 женщин на разных сроках беременности. Для оценки психологического благополучия и качества жизни использовались Шкала психологического благополучия Рифф, Шкала качества жизни Дж. Эндикотт в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Тест отношений беременной ТОБ И.В. Добрякова.*

Результаты и их обсуждение. *Исследование выявило значимые различия в психологическом благополучии между женщинами на разных триместрах беременности, с более высокими показателями благополучия на втором триместре. В качестве жизни существенных различий между триместрами не обнаружено, что свидетельствует о стабильности этого аспекта. Было также установлено, что независимо от срока беременности преобладает оптимальный тип психологического компонента гестационной доминанты, что указывает на успешную адаптацию большинства женщин к изменениям, связанным с беременностью.*

Заключение. *Результаты эксперимента подчеркивают важность психологической поддержки женщин на всех этапах беременности, особенно на ранних сроках, для обеспечения их психологического благополучия и улучшения качества жизни. Необходимы дальнейшие продольные исследования для более глубокого понимания динамики психологического благополучия и качества жизни беременных женщин, а также для разработки и оценки программ поддержки, направленных на улучшение этих аспектов.*

Ключевые слова: *беременность, психологическое благополучие, перинатальная психология, психологический компонент гестационной доминанты, качество жизни.*

Psychological Well-being of Women at Different Stages of Pregnancy

Bolzan N.A.

Belarusian State University

Pregnancy is a key period in a woman's life, accompanied by significant physiological, psychological and social changes. Psychological well-being during pregnancy plays an important role in ensuring the normal course of pregnancy and childbirth, as well as in maintaining the overall health of the woman and the development of the fetus.

The purpose of the paper was to study the dynamics of psychological well-being and quality of life of women at different stages of pregnancy.

Material and methods. *The pilot study had a cross-sectional design and was conducted among 204 women at different stages of pregnancy. To assess psychological well-being and quality of life, the K. Rieff Psychological Well-Being Scale and the J. Endicott Quality of Life Scale adapted by N.E. Vodopyanova were used as well as Pregnant Relationship Test by I.V. Dobryakov.*

Findings and their discussion. *The study found out significant differences in psychological well-being between women at different trimesters of pregnancy, with higher rates of well-being in the second trimester. There were no significant differences between trimesters in the quality of life, which indicates the stability of this aspect. It was also found out that, regardless the duration of pregnancy, the optimal type of psychological component of the gestational dominant prevails, which indicates the successful adaptation of most women to the changes associated with pregnancy.*

Conclusion. *The study findings highlight the importance of psychological support for women at all stages of pregnancy, especially in the early stages, to ensure their psychological well-being and improve their quality of life. Further longitudinal research is needed to better understand the dynamics of psychological well-being and quality of life of pregnant women, and to develop and evaluate support programs aimed at improving these aspects.*

Key words: *pregnancy, psychological well-being, perinatal psychology, psychological component of gestational dominance, quality of life.*

В данной статье приведены результаты пилотажного исследования психологического благополучия женщин на разных сроках беременности. В перинатальный период психологическое благополучие является ключевым аспектом состояния женщины и играет важную роль в протекании беременности и родов [1; 2]. В то время как многие исследования сконцентрированы на физиологических аспектах здоровья беременных женщин, нарастающее количество доказательств подчеркивает необходимость внимания к психологическому состоянию будущих матерей на этом критически важном этапе их жизни [1–3]. Отмечается, что высокий уровень удовлетворенности жизнью и чувство благополучия во время беременности могут способствовать уменьшению риска развития перинатальной депрессии и тревоги [4; 5], уменьшению вероятности неблагоприятных исходов родов [6] и снижению риска вредных перинатальных привычек, включая употребление психоактивных веществ. Плохое психологическое состояние беременных женщин оказалось связано с риском преждевременных родов, низкой массой тела новорожденного и нарушениями развития мозга плода [5]. Следует признать, что несмотря на распространенное мнение о беременности как о счастливом периоде в жизни женщины, этот этап сопряжен с значительными физиологическими изменениями и стрессовыми факторами, такими как утренняя тошнота, болезненные ощущения, а также с динамикой социальной роли женщины, включая возможные изменения на работе и в семейных обязанностях [7–10]. Поэтому для определения направлений и задач перинатальной поддержки критически важно глубже понимать динамику психологического благополучия в этот особенный период.

Психологическое благополучие определяется как состояние оптимального психического функционирования, способствующее улучшению общего здоровья [11]. Два ключевых элемента психологического благополучия – это удовлетворенность жизнью и чувство реализации и процветания (эвдемония). Удовлетворенность жизнью отражает оценочное благополучие, когда индивидум положительно воспринимает общее качество своей жизни, что включает в себя оценку текущих жизненных условий как идеальных и положительное восприятие качества жизни в целом [11]. В отличие от этого, эвдемония, достигаемая через осмысленную жизнь, включает в себя следующие аспекты благополучия: позитивные межличностные отношения, чувство компетентности, наличие жизненных целей и оптимизм [11]. С. Allan и его коллеги [12] раз-

работали теоретическую модель перинатального благополучия в контексте беременности, представляя его как комплексную и многоаспектную концепцию. Под перинатальным благополучием понимается многогранный феномен, охватывающий период до и после рождения ребенка и включающий физические, психологические, социальные, духовные, экономические и экологические измерения, а также субъективное восприятие и оценку собственной жизни [12]. Психологическое благополучие будущей матери оказывает влияние на ее эмоциональное состояние, которое, в свою очередь, играет ключевую роль в развитии плода, процессе родов и адаптации матери в послеродовом периоде.

Исследования психологического благополучия во время беременности относительно новы и до сих пор не получили широкого распространения, поскольку основное внимание уделялось изучению неблагоприятных аспектов и проблем, возникающих в ходе беременности [13]. Несмотря на ограниченное количество исследований, посвященных непосредственному анализу динамики психологического благополучия на протяжении беременности и послеродового периода, существующие работы указывают на тенденцию к его увеличению после рождения ребенка. Исследования, проведенные G. Gebuza и коллегами [14], показали значительный рост удовлетворенности жизнью от третьего триместра беременности к послеродовому периоду. Подобные выводы были сделаны G.M. Dyrdal и коллегами [13], которые заметили повышение удовлетворенности жизнью с момента беременности до шести месяцев после родов. Дополнительно исследование M. Bassi и коллег [16] выявило увеличение показателей, связанных с процветанием, таких как самопринятие и личностный рост среди первородящих женщин от середины беременности до 3–6 месяцев после родов. Наблюдаемая тенденция в многочисленных исследованиях указывает на то, что психологическое благополучие беременных женщин часто ниже, чем у женщин аналогичного возраста, которые не находятся в состоянии беременности. Например, исследование, проведенное D. Da Costa и его командой [17], указывает на ухудшение благополучия у беременных женщин, связанное с их состоянием здоровья. Аналогичные результаты были получены в работе S.-R. Chang и коллег [18], которые также обнаружили статистически значимое снижение благополучия среди беременных по сравнению с общей популяцией. Анализ показал, что беременные женщины, особенно находящиеся на поздних сроках

беременности, испытывают значительно меньшее психологическое благополучие по сравнению с небеременными женщинами того же возраста. Также было выявлено, что с течением беременности физическое качество жизни у женщин снижается, причем наибольшее ухудшение наблюдается на втором и третьем триместрах [18].

Тем не менее существуют пробелы в понимании изменений психологического благополучия женщины в период беременности. В частности, отсутствуют данные о психологическом благополучии до наступления беременности, что оставляет открытым вопрос о том, являются ли наблюдаемые изменения результатом перехода к родительству или началом беременности. Например, неясно, отражает ли улучшение благополучия после рождения повышенный уровень благополучия или же возвращение к добеременным уровням после временного снижения во время беременности. В исследовании G.M. Dyrdal и R.E. Lucas [19] отмечено, что динамика удовлетворенности жизнью следует квадратичной модели, с ростом от момента до зачатия до беременности и последующим возвратом к исходным уровням в начале послеродового периода. Однако это исследование ограничивалось одним вопросом по удовлетворенности жизнью и не включало показатели эвдемонии. Более того, большинство существующих исследований основаны на данных относительно однородных групп, преимущественно экономически благополучных женщин из европейских стран, со средним возрастом около 30 лет [9]. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости дальнейших исследований с более молодыми и разнообразными группами, учитывая потенциальные уязвимости беременных женщин, которые могут влиять на психологическое благополучие, включая высокий риск стрессовых ситуаций, финансовых проблем, необходимости в ресурсах и риска перинатальных психических расстройств, таких как послеродовая депрессия. Научная проблема исследования заключается в недостаточной изученности психологического благополучия женщин в период беременности и его динамики, несмотря на его значимость для здоровья матери и ребенка.

Материал и методы. Целью данной работы являлось проведение эмпирического исследования психологического благополучия и качества жизни женщин на разных сроках беременности.

Психологическое благополучие в период беременности представляет собой комплексное понятие, которое включает не только общее психическое состояние женщины, но и уникальные аспекты, непосредственно связанные с беременностью. Для

глубокого анализа этого феномена необходимо учитывать следующие основные компоненты: общее психологическое благополучие, уровень качества жизни, оптимальный психологический аспект гестационной доминанты, который включает положительное восприятие будущего материнства. Общее психологическое благополучие охватывает эмоциональное состояние, уровень удовлетворенности жизнью, а также чувство личной эффективности и независимости [11]. В контексте беременности эти элементы приобретают особую значимость, поскольку психологическая устойчивость женщины напрямую влияет на процесс вынашивания и развитие ребенка. Исследования указывают на то, что высокие уровни стресса и беспокойства могут негативно отразиться на здоровье и матери, и ребенка. Аспект качества жизни важен для оценки психологического благополучия беременных и включает физическое здоровье, материальное состояние, социальную поддержку и удовлетворенность личными отношениями [13]. Положительное отношение к беременности и будущему ребенку включает эмоциональное принятие данного положения, адекватное отношение к изменениям в своем теле и поддержание здорового образа жизни, а также привязанность к ребенку, формирующуюся уже во время беременности, и готовность к изменениям, которые несет в себе родительство. Оптимальное психологическое состояние способствует благоприятному течению беременности и развитию плода [20].

В соответствии с данной концептуализацией психологического благополучия женщин в период беременности были выбраны следующие методики:

1. Шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко.

2. Шкала качества жизни Дж. Эндикотт в адаптации Н.Е. Водопьяновой.

3. Тест отношений беременной (ТОБ) И.В. Добрякова (отношение к беременности и к будущему ребенку).

В исследовании применялся поперечный (кросс-секционный) дизайн. Данные собирались в один момент времени на группах женщин с разным сроком беременности. Набор испытуемых осуществлялся по принципу «удобной выборки», для этого использовались социальные сети. Женщины заполняли онлайн-анкету, в которой были представлены все методики и социально-демографические вопросы.

Выборку исследования составили 204 женщины на разных сроках беременности, проживающие в разных странах (Россия, Беларусь, Европа).

Средний возраст M (среднее) = 29,88, SD (квadraticное отклонение) = 4,22. Для 57 испытуемых данная беременность является первой. Выборка была разделена на три группы в соответствии с акушерскими сроками беременности: 1-й триместр – первые 13 недель беременности, 2-й триместр – с 14-й по 27-ю неделю беременности, 3-й триместр – с 28-й недели беременности. В первую группу вошли 63 женщины (возраст $M = 29,98$, $SD = 4,17$, акушерский срок $M = 8,33$, $SD = 3,09$), во вторую – 65 (возраст $M = 29,84$, $SD = 4,02$, акушерский срок $M = 20,96$, $SD = 4,41$), в третью – 76 (возраст $M = 30,02$, $SD = 4,15$, акушерский срок $M = 34,73$, $SD = 3,33$).

Был проведен сравнительный анализ при помощи параметрического критерия для несвязанных выборок t -Стьюдента. Предварительно была проведена оценка нормальности распределения при помощи критерия Колмогорова – Смирнова. Все статистические расчеты выполнены при помощи программы STATISTICA.

Результаты и их обсуждение. Как можно видеть по результатам исследования, женщины на втором триместре беременности значимо отличаются от женщин на первом триместре беременности по следующим показателям психологического благополучия: позитивные отношения ($t = 1,976$, $p = 0,049$), управление средой ($t = 1,988$, $p = 0,048$), личностный рост ($t = 2,700$, $p = 0,008$), самопринятие ($t = 2,068$, $p = 0,041$) и общий уровень психологического благополучия ($t = 2,020$, $p = 0,045$) (таблица 1). Все показатели значимо выше в группе женщин, которые находятся на втором триместре беременности.

Данные результаты подчеркивают значимые изменения в психологическом благополучии женщин во время беременности, особенно при переходе от первого ко второму триместру. Более высокие показатели в области позитивных отношений на втором триместре могут быть связаны с адаптацией к материнству и формированием эмоциональной привязанности к будущему ребенку. Как показывают исследования, второй триместр часто сопровождается уменьшением уровня тревоги и улучшением эмоционального состояния, что способствует более глубоким и позитивным межличностным отношениям [6; 7]. Более высокий уровень способности управлять своей средой у женщин на втором триместре может отражать адаптацию женщины к изменениям, связанным с беременностью, включая переоценку и адаптацию своих жизненных пространств и рутин для будущего материнства. Это также может указывать на рост чувства контроля и эффективности

в подготовке к рождению ребенка [2]. Значительное улучшение в области личностного роста может быть связано с психологической адаптацией к роли матери и переосмыслением жизненных приоритетов и ценностей. Беременность как период значительных жизненных изменений может способствовать усилению личностного развития и самосознания [15]. Более высокие показатели самопринятия могут отражать более позитивное отношение женщин ко всем изменениям, происходящим с их телами, и укрепление самооценки в контексте беременности. Это также может указывать на адаптацию к материнству и принятие новой социальной роли [15]. Более высокий уровень общего уровня психологического благополучия свидетельствует о том, что второй триместр может быть воспринят как более стабильный и комфортный период беременности. Уменьшение физического дискомфорта по сравнению с первым триместром и адаптация к изменениям, связанным с беременностью, могут способствовать улучшению психологического состояния [14].

При этом между женщинами на первом и третьем триместрах, и между женщинами на втором и третьем триместрах беременности значимых различий по показателям психологического благополучия выявлено не было. Соответственно, можно предположить, что ряд показателей психологического благополучия значимо повышается от первого триместра ко второму, а потом снижается к третьему (рисунок 1). К третьему триместру беременности многие женщины уже адаптировались к изменениям, связанным с данным положением, включая физические, эмоциональные и психологические аспекты [18]. По мере приближения срока родов ожидание рождения ребенка может стать доминирующим фактором, влияющим на психологическое состояние женщины, что может уравнивать другие факторы психологического благополучия. Положительные ожидания и предвкушение встречи с ребенком могут компенсировать возможные тревоги и дискомфорт третьего триместра. К третьему триместру многие женщины могут чувствовать себя более подготовленными к родам благодаря участию в подготовительных курсах, консультациям с врачом и поддержке со стороны семьи и друзей [18].

Далее был проведен сравнительный анализ показателей качества жизни женщин на разных сроках беременности, значимых различий ни по одному показателю между женщинами на разных триместрах беременности выявлено не было (таблица 2, рисунок 2). В соответствии с нормативными показателями методики, такие показатели качества жизни у беременных жен-

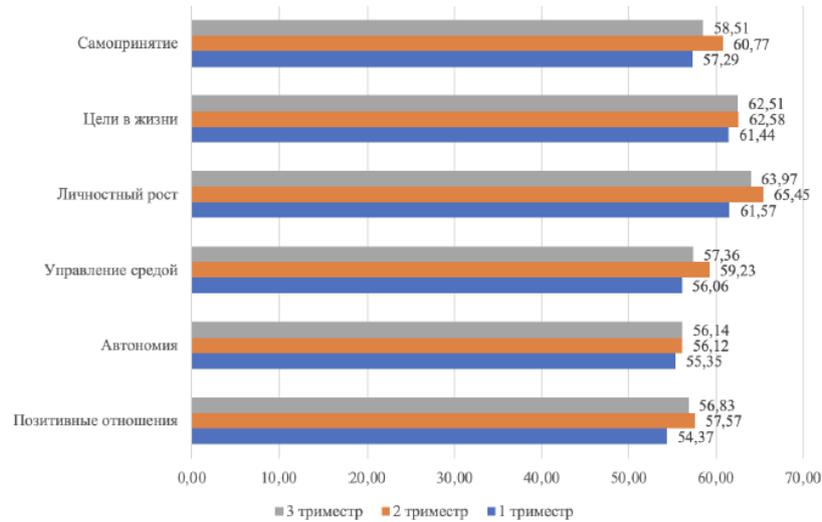

Рисунок 1 – Средние значения показателей психологического благополучия женщин на разных сроках беременности

Таблица 1 – Сравнительный анализ психологического благополучия женщин на разных сроках беременности

	1-й и 2-й триместры		2-й и 3-й триместры		1-й и 3-й триместры	
	t критерий	p	t критерий	p	t критерий	p
Позитивные отношения	1,976*	0,049	0,465	0,642	1,544	0,124
Автономия	0,465	0,642	0,012	0,990	0,456	0,648
Управление средой	1,988*	0,048	1,285	0,201	0,831	0,407
Личностный рост	2,700**	0,008	1,089	0,277	1,648	0,102
Цели в жизни	0,751	0,454	0,049	0,960	0,728	0,468
Самопринятие	2,068*	0,041	0,553	0,580	1,420	0,157
Психологическое благополучие	2,020*	0,045	0,851	0,395	1,204	0,230

Примечание: * – уровень значимости $p \leq 0,05$, ** – уровень значимости $p \leq 0,01$.

щин на всех сроках беременности, как работа, личные достижения, общение с близкими, поддержка, напряженность и самоконтроль выражены на среднем уровне. Показатель здоровья выражен на низком уровне, а показатель оптимистичности – на высоком. У женщин на первом триместре показатель негативных эмоций выражен на среднем уровне, а у женщин на втором и третьем триместрах – на низком.

Низкий уровень здоровья, выявленный в исследовании, может отражать общие физические неудобства и изменения, характерные для беременности, такие как утомляемость, утренняя тошнота и боли в спине. Высокий уровень оптимистичности у беременных женщин может быть связан с позитивными ожиданиями относительно материнства и будущего ребенка. Оптимизм как психологический ресурс способствует лучшему справлению со

стрессом и повышает общее качество жизни [4]. Уменьшение негативных эмоций от первого ко второму и третьему триместрам может отражать процесс адаптации к беременности и уменьшение начальной неопределенности и тревоги. По мере того как женщины привыкают к своему новому состоянию и развивают более позитивное отношение к беременности и материнству, это может способствовать снижению уровня негативных эмоций.

Интересно, что в отличие от психологического благополучия по показателям качества жизни не было выявлено значимых различий между женщинами на разных триместрах беременности. Стоит отметить, что психологическое благополучие и качество жизни хотя и тесно связаны, но операционализируют разные феномены. Психологическое благополучие фокусируется на внутреннем эмоциональном состоянии, удовлетворенности жизнью,

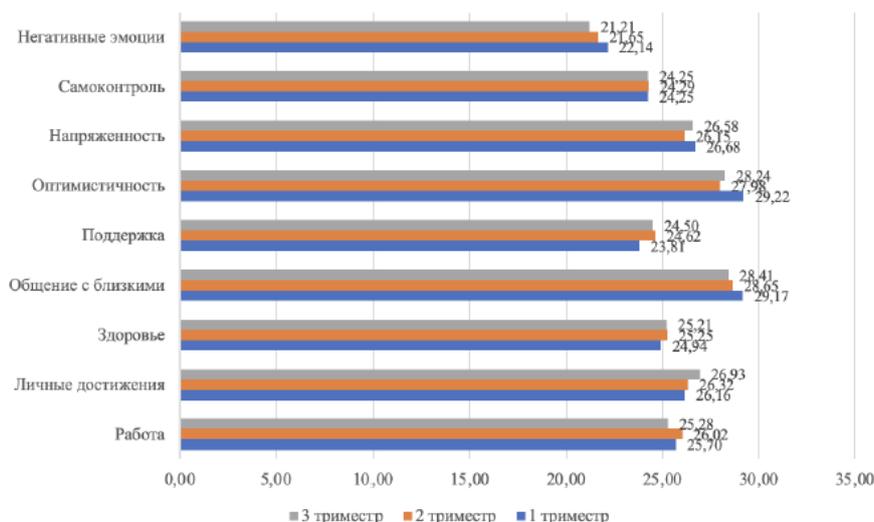

Рисунок 2 – Средние значения показателей качества жизни женщин на разных сроках беременности

Таблица 2 – Сравнительный анализ качества жизни женщин на разных сроках беременности

	1-й и 2-й триместры		2-й и 3-й триместры		1-й и 3-й триместры	
	t критерий	p	t критерий	p	t критерий	p
Работа	0,286	0,789	0,628	0,531	0,341	0,733
Личные достижения	0,125	0,900	0,508	0,611	0,678	0,498
Здоровье	0,272	0,785	0,031	0,975	0,245	0,806
Общение с близкими	0,491	0,624	0,231	0,817	0,734	0,463
Поддержка	0,637	0,525	0,098	0,922	0,564	0,573
Оптимистичность	1,192	0,235	0,804	0,248	1,012	0,313
Напряженность	0,472	0,638	1,247	0,214	0,099	0,921
Самоконтроль	0,037	0,970	0,043	0,965	0,004	0,996
Негативные эмоции	0,602	0,547	0,563	0,574	1,134	0,258

а также на чувстве собственной эффективности и личностном росте [11]. В то же время качество жизни включает более широкий спектр факторов, таких как физическое здоровье, материальное благосостояние, социальная поддержка и удовлетворенность отношениями [13]. Эти различия в параметрах могут объяснить, почему изменения в психологическом благополучии более заметны, чем в качестве жизни. Общее качество жизни может оставаться относительно стабильным благодаря адаптивным стратегиям, социальной поддержке и устойчивости к изменениям во внешнем окружении. Психологическое благополучие в большей степени зависит от субъективного восприятия индивидом своего внутреннего состояния, в то время как качество жизни может быть оценено более объективно через внешние показатели и социальные обстоятельства [11]. Эта субъективность восприятия может приводить к большей вариабельности в пси-

хологическом благополучии. Некоторые аспекты беременности, такие как гормональные изменения и эмоциональные колебания, могут иметь непосредственное влияние на психологическое благополучие, в то время как влияние на качество жизни может быть менее выраженным [14].

Если анализировать выраженность типов психологического компонента гестационной доминанты, то можно сделать вывод, что у женщин вне зависимости от срока беременности преобладает оптимальный тип (таблица 3, рисунок 3). Далее следует эйфорический тип, на низком уровне представлены тревожный, гипогестогнозической и депрессивный типы. У женщин на втором семестре беременности значимо выше выраженность эйфорического типа психологического компонента гестационной доминанты, чем у женщин на первом триместре. Других значимых различий выявлено не было. Оптимальный тип психологического компонента

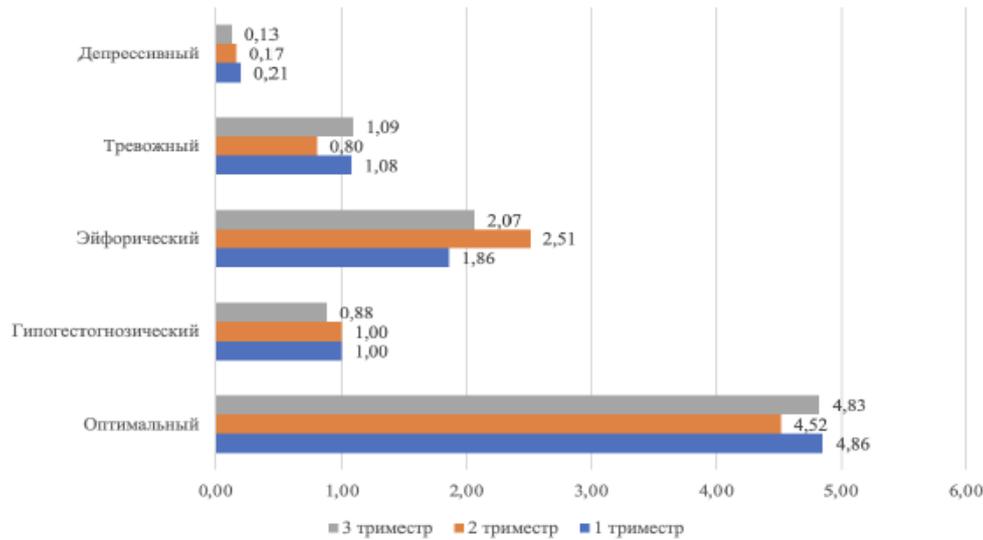

Рисунок 3 – Средние значения показателей психологического компонента гестационной доминанты женщин на разных сроках беременности

Таблица 3 – Сравнительный анализ психологического компонента гестационной доминанты женщин на разных сроках беременности

	1-й и 2-й триместры		2-й и 3-й триместры		1-й и 3-й триместры	
	t критерий	p	t критерий	p	t критерий	p
Оптимальный	1,182	0,239	1,187	0,237	0,098	0,925
Гипогестогнозический	0,001	0,100	0,645	0,519	0,647	0,518
Эйфорический	2,280*	0,024	1,636	0,103	0,733	0,464
Тревожный	1,364	0,175	1,453	0,148	0,063	0,950
Депрессивный	0,486	0,627	0,562	0,574	1,071	0,286

Примечание: * – уровень значимости $p \leq 0,05$.

гестационной доминанты характеризуется адекватным восприятием беременности, реалистичным отношением к материнству, положительным эмоциональным состоянием и хорошей адаптацией к изменениям, происходящим с телом и в жизни женщины [20]. Преобладание этого типа говорит о том, что большинство беременных женщин успешно приспосабливаются к своему новому состоянию и испытывают позитивные эмоции, связанные с ожиданием ребенка. На втором месте по выраженности стоит эйфорический тип, который характеризуется повышенным чувством счастья, оптимизмом и иногда нереалистичным восприятием беременности. Значимо более высокая выраженность эйфорического типа на втором триместре может быть связана с уменьшением симптомов утренней тошноты и физического дискомфорта, часто встречающихся на первом триместре, а также с началом ощущения движений ребенка, что усиливает реальность и радость материнства [20].

Низкая выраженность тревожного, гипогестогнозического и депрессивного типов говорит о том, что у большинства беременных женщин не наблюдается высокого уровня тревожности, игнорирования или отрицания беременности (гипогестогнозический тип) и депрессивных состояний. Это может указывать на эффективность механизмов психологической поддержки и адаптации, а также на важность социальной поддержки и образовательных программ для беременных женщин. Отсутствие значимых различий по другим типам между разными триместрами может свидетельствовать о стабильности психоэмоционального состояния беременных женщин в целом и о том, что переживаемые изменения в основном положительны и не приводят к усилению тревожности или депрессии.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование представляет собой комплексный анализ динамики психологического благополучия и качества жизни беременных женщин. Были выявлены

значимые различия в психологическом благополучии между женщинами на разных триместрах беременности, с улучшением показателей от первого ко второму триместру, что подчеркивает важность поддержки женщин, особенно на ранних этапах беременности. Не выявлено значимых различий в качестве жизни между различными сроками беременности, что свидетельствует о стабильности этого аспекта и важности комплексного подхода к оценке благополучия беременных женщин. Преобладание оптимального типа на всех этапах беременности указывает на успешную адаптацию большинства женщин к изменениям, связанным с беременностью. Эйфорический тип более выражен на втором триместре, подчеркивая роль этого периода в укреплении позитивного восприятия беременности.

Исследование вносит вклад в понимание динамики психологического благополучия и качества жизни во время беременности, подчеркивая необходимость индивидуализированной поддержки женщин. Результаты могут быть использованы для разработки программ психологической помощи и поддержки беременных, направленных на улучшение их благополучия на всех этапах беременности. Данная работа имеет ограничения, включая кросс-секционный дизайн, который не позволяет проследить динамику изменений у одних и тех же женщин во времени. Эмпирические данные собраны через социальные сети. Необходимы лонгитюдные исследования для более глубокого понимания динамики психологического благополучия и качества жизни на протяжении всей беременности и после родов. Дополнительные исследования могут сосредоточиться на разработке и оценке эффективности программ поддержки, направленных на улучшение психологического благополучия беременных женщин.

Литература

1. Alves, A.C. Resilience and Stress during Pregnancy: A Comprehensive Multidimensional Approach in Maternal and Perinatal Health / A.C. Alves, J.G. Cecatti, R.T. Souza // *The Scientific World Journal*. – 2021. – URL: <https://www.hindawi.com/journals/tswj/2021/9512854/> (date of access: 16.01.2024).
2. Law, S. Dread and solace: Talking about perinatal mental health / S. Law, I. Ormel, S. Babinski [et al.] // *International Journal of Mental Health Nursing*. – 2021. – Vol. 30, № 1. – P. 1376–1385.
3. Taylor, B.L. The Effectiveness of Mindfulness-Based Interventions in the Perinatal Period: A Systematic Review and Meta-Analysis / B.L. Taylor, K. Cavanagh, C. Strauss // *PLOS ONE*. – 2016. – Vol. 11, № 5. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0155720> (date of access: 16.01.2024).
4. Strine, T.W. The Associations Between Life Satisfaction and Health-related Quality of Life, Chronic Illness, and Health

Behaviors among U.S. Community-dwelling Adults / T.W. Strine, D.P. Chapman, L.S. Balluz [et al.] // *Journal of Community Health*. – 2008. – Vol. 33, № 1. – P. 40–50.

5. Wood, A.M. The absence of positive psychological (eudemonic) well-being as a risk factor for depression: A ten-year cohort study / A.M. Wood, S. Joseph // *Journal of Affective Disorders*. – 2010. – Vol. 122, № 3. – P. 213–217.
6. Orr, S.T. Life satisfaction and preterm birth among urban black women: Findings from the Baltimore preterm birth study / S.T. Orr, C.A. Orr, S.A. James, D.G. Blazer // *Annals of Epidemiology*. – 2012. – Vol. 22, № 11. – P. 759–763.
7. Фролова, Ю.Г. Психология здоровья: пособие / Ю.Г. Фролова. – Минск: Выш. шк., 2014. – 255 с.
8. Staneva, A.A. The happiness imperative: Exploring how women narrate depression and anxiety during pregnancy / A.A. Staneva, B. Wigginton // *Feminism & Psychology*. – 2018. – Vol. 28, № 2. – P. 173–193.
9. Bjelica, A. The phenomenon of pregnancy – a psychological view / A. Bjelica, N. Cetkovic, A. Trninc-Pjevic, L. Mladenovic-Segedi // *Ginekologia Polska*. – 2018. – Vol. 89, № 2. – P. 102–106.
10. Schaffir, J. Biological changes during pregnancy and the postpartum period / J. Schaffir // *The Oxford handbook of perinatal psychology*. – Oxford University Press, 2016. – P. 26–37.
11. Diener, E. New Well-being Measures: Short Scales to Assess Flourishing and Positive and Negative Feelings / E. Diener, D. Wirtz, W. Tov [et al.] // *Social Indicators Research*. – 2010. – Vol. 97, № 2. – P. 143–156.
12. Allan, C. What is perinatal well-being? A concept analysis and review of the literature / C. Allan, D. Carrick-Sen, C.R. Martin // *J Reprod Infant Psychol*. – 2013. – Vol. 31, № 4. – P. 381–398.
13. Jomeen, J. Well-being and quality of life in a maternal health context / J. Jomeen, C. Martin // *Routledge Handbook of Well-Being*. – Abingdon: Routledge, 2018. – P. 131–138.
14. Gebuza, G. Life Satisfaction and Social Support Received by Women in the Perinatal Period / G. Gebuza, M. Kaźmierczak, E. Mieczkowska [et al.] // *Advances in Clinical and Experimental Medicine*. – 2014. – Vol. 23, № 4. – P. 611–619.
15. Dyrdal, G.M. Can a Happy Relationship Predict a Happy Life? A Population-Based Study of Maternal Well-Being During the Life Transition of Pregnancy, Infancy, and Toddlerhood / G.M. Dyrdal, E. Røysamb, R.B. Nes, J. Vittersø // *Journal of Happiness Studies*. – 2011. – Vol. 12, № 6. – P. 947–962.
16. Bassi, M. Psychological well-being and depression from pregnancy to postpartum among primiparous and multiparous women / M. Bassi, A. Delle Fave, I. Cetin [et al.] // *Journal of Reproductive & Infant Psychology*. – 2017. – Vol. 35, № 2. – P. 183–195.
17. Da Costa, D. Sleep problems and depressed mood negatively impact health-related quality of life during pregnancy / D. Da Costa, M. Dritsa, N. Verreault [et al.] // *Archives of Women's Mental Health*. – 2010. – Vol. 13. – P. 249–257.
18. Chang, S.-R. A repeated measures study of changes in health-related quality of life during pregnancy and the relationship with obstetric factors / S.-R. Chang, K.-H. Chen, M.-I. Lin [et al.] // *Journal of Advanced Nursing*. – 2014. – Vol. 70. – P. 2245–2256.
19. Dyrdal, G.M. Reaction and adaptation to the birth of a child: A couple-level analysis / G.M. Dyrdal, R.E. Lucas // *Developmental Psychology*. – 2013. – Vol. 49, № 4. – P. 749–761.
20. Добряков, И.В. Перинатальная психология / И.В. Добряков. – СПб.: Питер, 2010. – 271 с.

Поступила в редакцию 16.02.2024

Интернет и подростки сквозь призму цифровой социализации

Шмуракова М.Е.¹, Совейко Е.И.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²ГУДОВ «Витебский областной институт развития образования»

В данной статье приводятся результаты исследования целей использования и времени, проводимого в интернете подростками, при рассмотрении данных аспектов в призме цифровой социализации.

Цель публикации – выделение основных направлений в изменении особенностей социализации современных подростков с учетом более активного использования интернета.

Материал и методы. *Статья построена на теоретическом анализе исследований настоящей проблемы, данных вторичного анализа ряда общенациональных исследований, результатов исследований, проведенных при выполнении курсовых и дипломных работ в 2015 и 2022–2024 гг.*

Результаты и их обсуждение. *Констатируется возрастание использования интернета за последние 10 лет для возрастной группы до 15 лет. Отмечается, что, с одной стороны, это обеспечивает реализацию основных базовых потребностей, а с другой – способствует развитию психической зависимости от социальных сетей и интернета. Показано изменение целей использования интернета обучающимися. В большей степени современные подростки используют интернет для просмотра видео, развлечения, общения; в меньшей степени – для учебы и самообразования. Подчеркнуто, что изменение целей использования отражается в показателях самоорганизации деятельности, проблемах в планировании, умении ставить перед собой конкретные цели, к чему-либо стремиться и прилагать усилия для достижения поставленных целей.*

Заключение. *Включение вопросов цифрового воспитания подростков в практику работы педагога является перспективным направлением по обучению рациональному пользованию интернет-ресурсами, безопасным формам поведения и взаимодействия.*

Ключевые слова: интернет, социализация, подростки, информационные технологии, цифровая личность, самоорганизация деятельности, копинг-стратегии.

The Internet and Teenagers through the Prism of Digital Socialization

Shmurakova M.E.¹, Soveiko E.I.²

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Vitebsk Region Institute of Education Development

This article presents the results of a study of the purposes of adolescent use and time spent on the Internet, considering these aspects in the prism of digital socialization.

The purpose of the article is highlighting the main directions in changing the features of socialization of modern adolescents, taking into account more active use of the Internet.

Material and methods. *The article is based on a theoretical analysis of studies of this problem, data from a secondary analysis of a number of national studies, data from studies conducted during the implementation of coursework and diploma theses in 2015 and 2022–2024.*

Findings and their discussion. *An increase in the use of the Internet over the past 10 years for the age group under 15 is noted. It is pointed out that, on the one hand, this ensures the implementation of basic needs, and on the other hand, contributes to the development of mental dependence on social networks and the Internet. A change in the purposes of using the Internet by students is shown. Among the goals of modern adolescents when using the Internet, watching videos, entertainment, communication stand out; to a lesser extent, the Internet is used for study and self-education. It is noted that the change in the goals of use is reflected in the indicators of self-organization of activities, problems in planning, the ability to set specific goals, purposefully strive for something and make efforts to achieve the goals.*

Conclusion. *The inclusion of issues of digital education of adolescents into the practice of the teacher's work is a promising direction in teaching the rational use of the Internet resources, safe forms of behavior and interaction.*

Key words: the Internet, socialization, adolescents, information technology, digital personality, self-organization of activities, coping strategies.

Рост и распространение информационных технологий становится одной из основных характеристик современного мира. Они активно внедряются во все сферы жизнедеятельности человека: образование, медицину, промышленность и т.д. Особо значимым это является для Республики Беларусь. Согласно «Глобальному инновационному индексу 2023» Республика Беларусь заняла 22-е место среди 132 государств по показателю «Доступ к ИКТ» и 28-е место среди 132 государств по показателю «Использование ИКТ» [1]. По данным, представленными DataReportal, из 9,52 млн жителей Республики Беларусь интернетом пользуется 8,27 млн (86,9%). При этом отмечается рост значительный числа абонентов (63,6% в 2014 г.) [2]. Отмечается, что в январе 2023 года 51,7% от общей базы пользователей интернета в Беларуси (независимо от возраста) использовали хотя бы одну платформу социальных сетей.

В данных условиях значительно возрастает роль цифровых устройств, информационных технологий для социализации подростков. Интернет сегодня для подростков является не просто сетью, выполняющей определенные функции, – он стал средой обитания. Интересны в этом плане данные, представленные Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, согласно которым: доступ к сети Интернет для возрастной группы от 6 до 15 лет стал более доступным с 79,7% в 2014 году до 91,8% в 2020 году [3]. Кроме того, 81,3% возрастной группой от 6 до 15 лет 2020 году выходили в сеть Интернет ежедневно: 96,8 % из дома; 75% в любом месте через сотовую связь. Основными целями выхода в интернет в возрастной группой от 6 до 15 лет, согласно представленным данным, являются: компьютерные игры (91,2%), просмотр и скачивание фильмов, прослушивание и скачивание музыки и т.д. (90,3%), цели образования (78,8%), поиск информации (77,2%), общение в социальных сетях (71,2%).

Как результат возрастания роли информационных технологий в жизни современного человека, отмечается снижение возможности формирования значимыми взрослыми детства в целом и в частности зоны ближайшего развития ребенка [4]. И если раньше мы опирались на четко определяющие технологии и результаты воздействия взрослых на детей и подростков, то в современном мире и при использовании современных цифровых технологий включаются дополнительно факторы, которые мы не всегда готовы и умеем учитывать. Информационные технологии доступны детям с раннего возраста, а значит они задают новое содержание

социализации, начиная с самого детства. Отмечается, что информационные технологии являются в современном мире уже не столько технологическим фактором, сколько социокультурным и коммуникативным. Так, согласно данным Н.К. Kabali, большинство из исследуемых ею детей в возрасте от 6 месяцев до 4 лет начали использовать мобильные устройства в возрасте до 1 года [5]. Родители давали детям устройства, когда они занимались домашними делами (70%), чтобы они не нервничали (65%), и перед сном (29%). К 4 годам около 75% детей имели собственные мобильные устройства. Большинство 3- и 4-летних детей пользовались устройствами без посторонней помощи, а треть занималась многозадачностью с мультимедиа.

Материал и методы. В исследовании применялся комплекс взаимодополняющих методов – теоретический анализ исследований, отражающих состояние проблемы. Эмпирическую базу составили данные вторичного анализа ряда общенациональных исследований (Национальный статистический комитет Республики Беларусь «Информационное общество Республики Беларусь», Министерство связи информатики Республики Беларусь «Рейтинги “ИКТ”»), данные, полученные в результате выполнения курсовых и дипломных работ (2015 и 2022–2024 гг.). Также были использованы данные «Глобального инновационного индекса 2023», результаты исследования Digital Evolution Index 2023.

Результаты и обсуждение. Факт изменения ценностей подростков под воздействием использования интернета был отражен в понятии «цифровая социализация», под которым трактовалась специфика построения отношений с окружающими, особенности выбора профессии под воздействием разных способов использования интернета [6]. Г.У. Солдатова в социально-когнитивной концепции цифровой социализации рассматривает ее «как процесс адаптации изменяющегося человека к возможностям и рискам динамичной социотехнологической среды» [4, с. 438]. В данной концепции утверждается, что взаимодействие ребенка с окружающим миром благодаря включению информационных технологий кардинально меняется, как меняется и сама личность. Согласно данной теории основой изменений, происходящих и со взрослым человеком и с ребенком в современных условиях под влиянием использования информационных технологий, выступают гиперподключенность к интернету, активность человека как субъекта деятельности в смешанной реальности, расширенная личность и цифровая социальность [4]. Основным результатом цифровой социализации

является расширенная личность, предполагающая социотехнологическую достройку.

О.В. Дудина рассматривает особенности цифровой социализации применительно к современному образовательному процессу [7]. Так, в ее структуре она выделяет такие компоненты, как цифровое воспитание (прикладное направление которого включает вопросы кибербезопасности, здоровьесбережение, мировоззрение и т.д.), цифровое обучение (основу которого составляют цифровая грамотность и цифровые навыки, обеспечивающие безопасную и эффективную работу с информацией), цифровое развитие личности (включающее не только умение оперировать информацией, но и создавать себе и поддерживать репутацию в цифровой среде) и цифровую культуру (формирующую мировоззренческие позиции, установки, способствующую принятию норм и правил поведения).

Современные подростки стремятся не расставаться со своими гаджетами, проводя много времени в социальных сетях и стараясь быть все время на связи. Отмечается, что, с одной стороны, это обеспечивает реализацию основных базовых потребностей – познавательных, коммуникативных, аффилиации, позволяет выстраивать индивидуальную образовательную траекторию, способствует самореализации [8; 9], а с другой – влияет на развитие психической зависимости от социальных сетей и интернета, не прививаются традиционные ценности и образцы поведения, нарушается психологическая суверенность личности, не формируется способность справляться с трудностями [9]. Е.А. Нижник, анализируя рискогенную модель социализации, показал отсутствие в ней идеологических и ценностных оснований. Отмечается стихийный и неконтролируемый характер цифровой социализации, отсутствие контроля над формированием ценностно-смысловой сферы подростка [10]. Подростки автономно осваивают социальные нормы, сочетая онлайн и офлайн функционирование. При этом Р.М. Айсина и А.А. Нестерова отмечают, что процессы традиционной социализации и процессы цифровой социализации не всегда взаимосвязаны. Они могут как взаимно дополнять друг друга, так и идти независимо друг от друга [11]. В первом случае подросток демонстрирует социально приемлемое поведение как на просторах интернета, так и в кругу окружающих его людей; во втором – в одном мире подросток может быть социален, демонстрируя принятые в этом мире формы поведения, а в другом – асоциален, нарушая нормы и правила взаимодействия.

Исследования, проведенные студентами и преподавателями кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, позволяют расширить взгляд на особенности социализации современных подростков с учетом их активного «погружения» в интернет. Так, согласно проведенному исследованию в 2022–2023 гг. большая часть обучающихся 8–9-х классов проводит в сети не более 5 часов в день (76,0%) [12], фактически повторяя данные, полученные в 2015 году (84% опрошенных оценили время, проводимое в сети именно так). Контроль со стороны учителей и администрации в школе и со стороны родителей дома, ежедневное выполнение домашних учебных заданий создают структуру занятости и не способствуют свободному времяпрепровождению в сети. Поступление в учреждение высшего образования, изменение структуры ежедневной занятости приводит к тому, что присутствие студентов 1–2-х курсов в интернет-пространстве значительно увеличено и в 2022–2023 гг., по самооценкам обучающихся, превышает у большинства (55%) 5 часов в день [13]. Обращает на себя внимание изменение за прошедшее десятилетие целей использования интернет-пространства обучающимися. Так, в 2022–2023 гг. обучающиеся 8–9-х классов указывали, что чаще используют интернет для развлечений/игр/просмотра видео (72,1%), чтобы показать себя/получить «лайки» – 22% опрошенных (следует отметить, что данная позиция не фигурировала в 2015 году, так как была неактуальна). Использование интернета для общения отмечают 16,3% обучающихся, а для учебных целей – всего 6,9% опрошенных, а также 4,7% – с целью самообразования.

В 2015 году использовали интернет для учебы (самообразования) 40,9% обучающихся, для развлечения (игры, фильмы, музыка) – 39,4%, для общения в сети – 15,2%, для других целей – 4,5% старшеклассников (8–10-е классы). При этом цели использования интернета менялись в зависимости от возраста. Так, увеличивалась значимость использования сети для учебных целей от 8 к 11 классу (92% обучающихся 11-х классов отмечают как основную цель использования интернета учебу и самообразование).

Современные студенты как главную цель использования интернета отмечают развлечения/игры/просмотр видео (36,8%), общение – 16,3%, чтобы показать себя/получить «лайки» – 27% опрошенных, а для учебных целей интернет используется достаточно редко (4% обучающихся отметили, что используют интернет для целей самообразования, а 5% – для учебы).

Изменение целей использования глобальной сети в сторону «заполнения времени», получения положительной, подкрепляющей данное поведение обратной связи отражается в показателях самоорганизации деятельности. Так, обучающиеся 8–9-х классов, склонные к развлекательному времяпрепровождению, характеризуются более низкими показателями по шкалам «Планомерность» ($F=3,47$; $p<0,06$) и «Целеустремленность» ($F=3,82$; $p<0,03$). Это может свидетельствовать о проблемах у данной группы обучающихся с планированием неумением ставить перед собой конкретные цели, к чему-либо целенаправленно стремиться и прилагать усилия для достижения поставленных целей. В исследовании также установлено, что данной группе подростков свойственны ($F=3,72$; $p<0,03$) малоадаптивные когнитивные копинг-стратегии (смирение, растерянность, игнорирование). Можно сказать, что подросткам, использующим интернет прежде всего для развлечений, присущи пассивные формы поведения, обусловленные в основном неуверенностью в себе. Эти подростки не верят в свои силы, способности, не умеют адекватно оценивать препятствия, возникшие на пути к достижению цели, и как результат – отказываются от преодоления трудностей. В то время как эти же подростки, использующие интернет в качестве виртуального информационного пространства, обладают сравнительно адаптивными следующими когнитивными копинг-стратегиями: относительность, придача смысла, религиозность ($F=5,13$; $p<0,01$). Как правило, форма поведения при таком варианте копинг-стратегии предполагает стремление оценить разные варианты преодоления трудностей, либо наделить особым смыслом попытку их преодолению.

Следует отметить, что изменился взгляд подростков на привлекательные стороны интернета. Так, если в исследовании, проведенном в 2015 году, доступность информации в интернете как преимущество оценивали около 20% обучающихся, то в 2022–2023 гг. это отмечают уже 58% респондентов. Меньше стали ценить свободу общения в социальных сетях (многими воспринимается как должное и уже не отмечается как преимущество). Если в 2015 году свободу общения как достоинство интернета отмечали около 50% обучающихся 8–10-х классов, то в 2022–2023 годах на это указывают всего 25% опрошенных. Наряду со свободой как достоинство отмечается анонимность (15%). Вместе с тем 37,2%

респондентов используют в сети настоящее имя, остальные подростки используют придуманный никнейм, только 18% – настоящий возраст, 16% мальчиков и 8% девочек завышают свой возраст. Это приводит к тому, что контент для взрослых становится доступен для детей. В «серую зону» входят медиа и игры, где проверку на возраст можно легко обойти.

Заключение. Информационные технологии все глубже проникают в нашу жизнь, обуславливая процесс формирования мотивов, целей, ценностей развивающейся личности. Они активно влияют на протекание адаптации и интеграции подрастающего поколения в социальную систему современного общества. В процессе социализации у подростков конструируется образ мира и себя в этом мире. В результате исследования особенностей цифровой социализации современных подростков были выделены следующие тенденции: увеличение общего «экранного времени» у студентов по сравнению со старшеклассниками, возрастание значимости аффилиации в цифровом пространстве. Большее число подростков проводит время в интернете за просмотром видео, при этом снижается количество, использующих глобальную сеть для учебы и самообразования. Чтобы становление личности подростка проходило благополучно, необходимо научить рациональному пользованию интернет-ресурсами, безопасным формам поведения и взаимодействия.

Литература

1. Рейтинги ИКТ / Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/rejtingi-ikt-0> (дата обращения: 02.08.2024).
2. Цифровые технологии 2023: Беларусь. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-belarus> (дата обращения: 14.02.2024).
3. Информационное общество в Республике Беларусь: стат. сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2021. – 96 с.
4. Солдатова, Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 431–450. – DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450 (дата обращения: 05.04.2023).
5. Kabali, H.K. Exposure and use of mobile media devices by young children / H.K. Kabali, M.M. Irigoyen, R. Nunez-Davis [et al.] // Pediatrics. – 2015. – Vol. 136, iss. 6. – P. 1044–1050. – DOI: 10.1542/peds.2015-2151 (дата обращения 05.04.2023).
6. Каргапольцева, Н.А. Цифровая социализация подростка как актуальный феномен научно-педагогического исследования / Н.А. Каргапольцева, Е.Е. Капкова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2022. – № 4(236). – С. 40–46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya>

sotsializatsiya-podrostka-kak-aktualnyy-fenomen-nauchno-pedagogicheskogo-issledovaniya (дата обращения: 05.04.2023).

7. Дудина, О.В. К вопросу о структуре цифровой социализации в контексте современного образования / О.В. Дудина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2021. – № 3(112). – С. 161–166. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukture-tsifrovoy-sotsializatsii-v-kontekste-sovremenogo-obrazovaniya> (дата обращения: 05.04.2023).

8. Гунина, Е.В. К вопросу изучения цифровой среды как фактора социализации личности / Е.В. Гунина, О.В. Дудина // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 6(143). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-izucheniya-tsifrovoy-sredy-kak-faktora-sotsializatsii-lichnosti> (дата обращения: 13.08.2024).

9. Егоров, А.Ю. Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции / А.Ю. Егоров // Медицинская психология в России. – 2015. – № 4(33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-predstavleniya-ob-internet-addiktsiyah-i-podhodah-k-ih-korreksii> (дата обращения: 05.04.2023).

10. Нижник, Е.А. Специфика социализации личности в России в условиях динамичного развития информационно-коммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд.

социол. наук: 22.00.04 / Евгений Алексеевич Нижник. – Ростов н/Д, 2014. – 35 с.

11. Айсина, Р.М. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски / Р.М. Айсина, А.А. Нестерова // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 42–57. – DOI: 10.17759/sps.2019100404 (дата обращения: 02.08.2024).

12. Ильницкая, Д.С. Подростки и интернет в современном мире / Д.С. Ильницкая; науч. рук. М.Е. Шмуракова // Молодежь – науке. 2021: материалы молодежных науч.-практ. конф. Псков. гос. ун-та по итогам науч.-исслед. работы в 2022/2023 уч. г. Т. VI. – Псков: Псков. гос. ун-т, 2023. – С. 47–51.

13. Виноградова, Н.А. Особенности использования интернета студентами на современном этапе / Н.А. Виноградова; науч. рук. М.Е. Шмуракова // Психологическая студия: сб. ст. лицеистов, студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – Вып. 17. – С. 48–50. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/43065> (дата обращения: 14.08.2024).

Поступила в редакцию 30.08.2024

Болзан Ника Андреевна – аспирант Белорусского государственного университета, практикующий психолог.

Бочкова Гульчехра Шарофовна – старший преподаватель кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Гуриценок Павел Валентинович – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Зенкевич Александр Георгиевич – директор Института повышения квалификации и переподготовки руководителей и специалистов транспортного комплекса Республики Беларусь учреждения образования «Белорусский государственный университет транспорта», кандидат психологических наук, доцент.

Краенкова Кристина Игоревна – доцент кафедры экономики и электронного бизнеса Витебского государственного технологического университета, кандидат экономических наук, доцент.

Курлович Руслан Васильевич – начальник отдела Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, адъюнкт ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь».

Мицкевич Ксения Алексеевна – студентка 3-го курса факультета экономики и бизнес-управления Витебского государственного технологического университета.

Ораметов Эзиз Дортгулыевич – аспирант отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, старший преподаватель кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”».

Поляков Алексей Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и медицинской психологии Белорусского государственного университета.

Ракетский Евгений Николаевич – инженер-программист ООО «Форанкс».

Совейко Евгения Игоревна – доцент кафедры педагогики, частных методик и менеджмента образования Витебского областного института развития образования, кандидат педагогических наук, доцент.

Солодовников Сергей Юрьевич – заведующий кафедрой «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, доктор экономических наук, профессор.

Сухарев Андрей Александрович – доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Сяо Лю – доктор наук, профессор, Школа гуманитарных наук и права, Северо-Восточный университет.

Чахович Елена Викторовна – заместитель начальника управления контроля бюджетно-финансовой сферы Комитета государственного контроля Витебской области, магистр экономических наук.

Чжун Тайян – доктор наук, профессор, Школа географии и океанологии, Нанкинский университет.

Шмуракова Марина Евгеньевна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Янч Валерий Вацлавович – декан факультета обучения иностранных граждан ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

Янчук Валерий Александрович – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

Bolzan Nika Andreyevna – graduate student at Belarusian State University, practicing psychologist.

Bochkova Gulchekhra Sharofovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Germanic Philology.

Gurshchenkov Pavel Valentinovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Zenkevich Aleksandr Georgiyevich – Director of the Institute for Enhancing Qualification and Retraining Managers and Specialists of the Transport Complex of the Republic of Belarus of the Education Establishment “Belarusian State University of Transport”.

Krayenkova Kristina Igorevna – Associate Professor at the Department of Economics and Electronic Business of Vitebsk State Technological University, PhD (Economics), Associate Professor.

Kurlovich Ruslan Vasilyevich – Department Head of State Border Committee of the Republic of Belarus, Institute of Border Service of the Republic of Belarus Adjunct.

Mitskevich Kseniya Alekseyevna – 3-rd year Economics and Business Management Student of Vitebsk State Technological University.

Orametov Ezyz Dortgulyevich – postgraduate student of State Building and International Law Research Department of the Institute of Law Research of the Republic of Belarus National Center for Law and Legal Research, Senior Lecturer of the International University MITSO Vitebsk Branch Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines.

Poliakov Aleksei Mikhailovich – Dr.Sc. (Psychology), Assistant Professor, Belarusian State University Department of General and Medical Psychology Professor.

Raketski Yevgeni Nikolayevich – engineer- programmer at FORANX LLC.

Soveiko Evgeniya Igorevna – Assistant Professor of Vitebsk Region Institute of Education Development Department of Education Science, Special Methods and Education Management, PhD (Education), Assistant Professor.

Solodovnikov Sergey Yuryevich – Head of the Department of Economics and Law of Belarusian National Technical University, Doctor of Economics, Professor.

Sukharev Andrei Aleksandrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law, PhD (Education), Assistant Professor.

Xiao Lyu – Dr.Sc., Professor, School of Humanities and Law, Northeastern University.

Chakhovich Elena Viktorovna – Deputy Head of Vitebsk Region State Control Committee Department for Budget and Finance Sphere Control, Master of Economics.

Taiyang Zhong – Dr. Sc., Professor, School of Geography and Ocean Science, Nanjing University.

Shmurakova Marina Evgenyevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Yanch Valeri Vatslavovich – Dean of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Foreign Citizens Training, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

Yanchuk Valeri Aleksandrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process, PhD (Economics), Assistant Professor.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1; 2]. Список литературы оформляется в со-

ответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлекцией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1; 2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews - at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 19.03.2025. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 9,55. Тираж 70 экз. Заказ 29.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.